

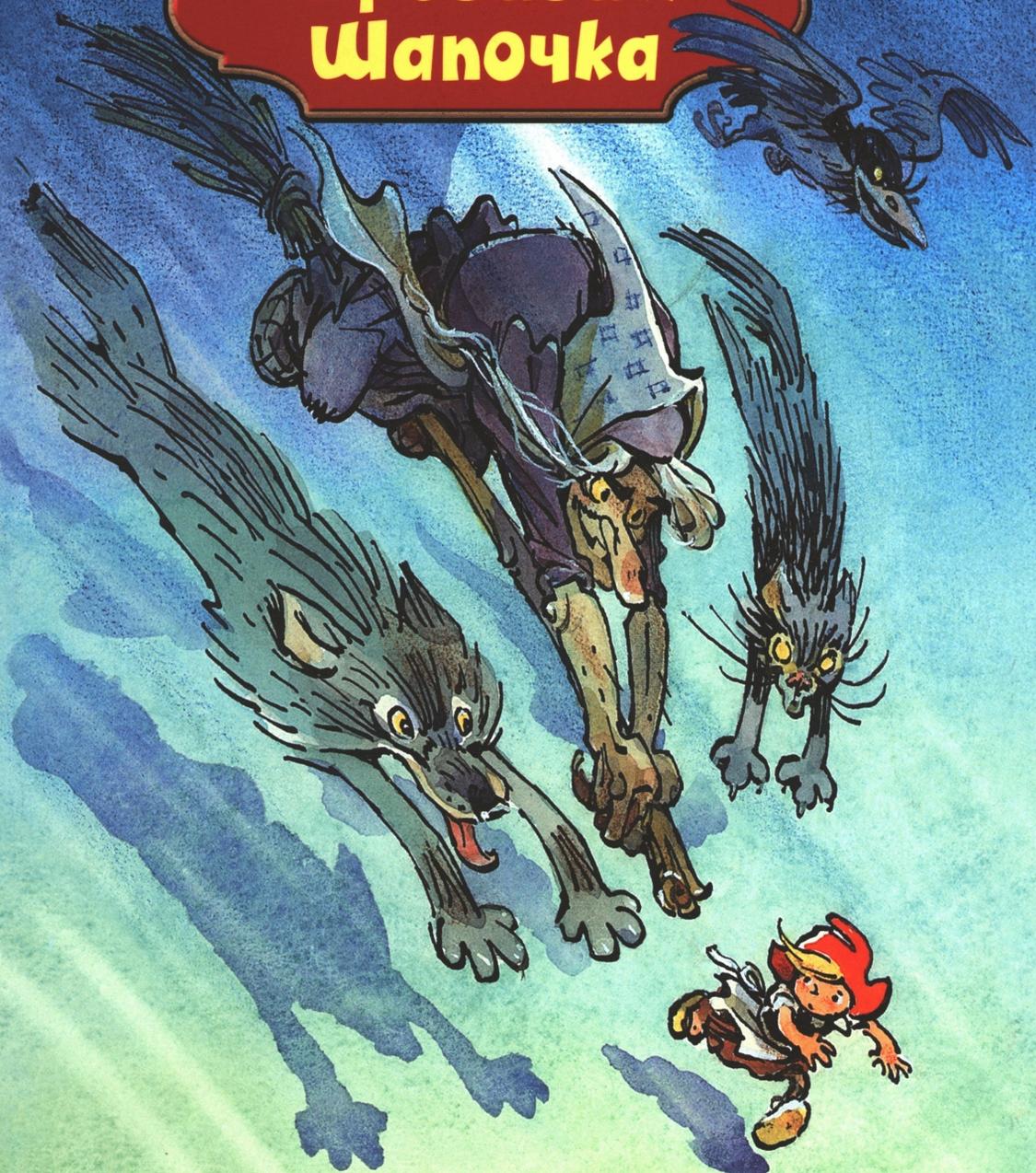
Кровавая Шапочка

КИР БУЛЫЧЕВ

КИР БУЛЫЧЕВ

Кровавая Шапочка

Иллюстрации
ЕВГЕНИЯ МИГУНОВА

БОЛЬШАЯ
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
СЕРИЯ

КИР БУЛЫЧЕВ

КИР БУЛЫЧЕВ

**Кровавая
Шапочка**

ДВА БИЛЕТА В ИНДИЮ
РЕЧНОЙ ДОКТОР
КРОВАВАЯ ШАПОЧКА, ИЛИ СКАЗКА ПОСЛЕ СКАЗКИ
ДЕТКИ В КЛЕТКЕ

Фантастические повести

ИЛЛЮСТРАЦИИ
ЕВГЕНИЯ МИГУНОВА

Издательство
АЛЬФА-КНИГА
Москва
2016

УДК 82-312.9(09)
ББК 84 (2 Рос-Рус)6
Б90

Булычев К.

Б90 Кровавая Шапочка: Два билета в Индию; Речной доктор; Кровавая Шапочка, или Сказка после сказки; Детки в клетке: Фантастические повести / Ил. Е. Мигунова. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. — 232 с.: ил. — (Большая иллюстрированная серия).

ISBN 978-5-9922-2220-3

В сборник Кира Булычева вошли четыре повести: «Два билета в Индию», «Речной доктор», «Детки в клетке» и «Кровавая Шапочка».

«Два билета в Индию» — это повесть о том, как Юля Грибкова встретила в лесу сетчатого питона и бенгальского тигра. Девочке пришлось привести их домой и познакомиться с бабушкой и уже вместе с ней разгадать тайну появления столь необычных гостей в подмосковном лесу.

В повести «Речной доктор» Гарик и Ксюша спасают целебный родник и реку от людей, которые пытаются устроить в этом месте настоящую свалку, и помогает им в этом настоящий волшебник — речной доктор.

В повести «Детки в клетке» надо спасать не только природу, но и людей от удивительно злых «деток», Марата и Кати, с которыми не в силах бороться ни родители, ни милиция, ни даже директор зоопарка...

А в сказочной повести «Кровавая Шапочка» рассказывается о Красной Шапочке и других знакомых каждому с детства персонажах, но все они ведут себя как-то не по-сказочному...

В издании воспроизводятся 80 иллюстраций самого известного иллюстратора Кира Булычева — Евгения Мигунова.

УДК 82-312.9(09)
ББК 84 (2 Рос-Рус)6

© Кир Булычев, наследники, 2016
© Мигунов Е.Т., наследники, 2016
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

ISBN 978-5-9922-2220-3

ДВА БИЛЕТА В ИНДИЮ

Глава первая ТИГРЫ ХОДЯТ ПО НОЧАМ

Чрезвычайное происшествие случилось в летнем лагере «Огонек» за четыре дня до конца смены, когда все думали, что смена обойдется без чрезвычайных происшествий.

Юля Грибкова из третьего отряда увидела на поляне за кухней, как Юра Семенов и Олег Розов по прозвищу Розочка издеваются над кошкой Ларисой. А издевались они так: Семенов привязал к хвосту кошки консервную банку, в которую насыпал гвоздей, и собирался выпустить кошку в таком виде на эстраду, где самодеятельный коллектив репетировал народные танцы Сейшельских островов. Розочка помогал Семенову советами.

Услышав вопли кошки, Юля Грибкова, как пантера, выскочила из кустов, где читала книгу Даррелла «Зоопарк в моем багаже», и принялась молотить этой книжкой по голове Семенова. Потом она отбросила книжку и исцарапала Семенову щеки. Семенов, как только опомнился, стал сопротивляться, нанес Грибковой множественные, хотя и несущественные телесные повреждения. Розочка был свидетелем и подавал Семенову советы, поэтому тоже получил свою долю синяков...

Вечером Юля Грибкова сидела у эстрады со своим приятелем и одноклассником Фимой Королевым. Ужинать она не пошла, не хотелось. Она ждала, когда после кино соберутся вожатые и выгонят ее из лагеря. Мимо проходили знакомые, выражали сочувствие, девочки ругали Семенова, а ребята шутили. Потом приходи-

ла повариха Верочка и принесла котлету и стакан компота. Верочка любила кошку Ларису. Юля отдала котлету и компот Фиме — он такой толстый, что никогда не может толком наесться, а дома его держат на диете.

— Твоя бабушка не переживет,— сказал Фима.— Она очень нервная.

Юля вздохнула и ничего не ответила.

— Придется тебя спрятать у меня дома,— решил Фима.— Мои все равно в отпуске. Кончится смена, приедешь домой как ни в чем не бывало.

— Разумно,— сказала с иронией Юля.— А из лагеря потом придет письмо, что меня выгнали за драку.

— И чего тебя увлекло в бой? — спросил Фима, допивая компот.— Ничего кошке от этого бы не случилось...

— А нервы? — возразила Юля.— А унижение? Ведь нервные клетки не восстанавливаются.

— У кошек, может, и восстанавливаются,— сказал Фима.— Это еще не доказано.

— Нет!..— Юля была непреклонна.— Если звери не могут сказать, то наш долг их защитить. И так многих истребили. Морской коровы уже не осталось. И страус моя вымер.

— Кошкам это не грозит,— сказал Фима.

— Тут дело в принципе.

— Могла бы и словами обойтись. А то Семенову чуть глаз не выцарапала. Он старшему вожатому жаловался.

— Вот видишь! А Лариска никому не может пожаловаться. Ушла к себе под дом и переживает.

— Странная ты, Юлька,— сказал Фима.— Иногда мне кажется, что ты любишь животных больше, чем людей. Ты бы и тигра пригрела. И скорпиона.

— Плохих зверей не бывает. Как и плохих младенцев. Люди потом постепенно перевоспитываются и превращаются кто в отличника, а кто в урода. А звери остаются младенцами.

— Опасное заблуждение,— не согласился с Юлей Королев.— Ты на той неделе змею из леса притащила. Говорила, что уж, а оказалось — гадюка. Младенцы не бывают ядовитые...

— Во-первых, гадюка никого не укусила, и я ее обратно в лес унесла. Во-вторых, от гадюк польза...

Юля Грибкова, как пантера, выскочила из кустов, где читала книгу Даррелла «Зоопарк в моем багаже», и принялась молотить этой книжкой по голове Семенова.

Фима отмахнулся от этих слов и опрокинул стакан, чтобы вишенки, которые остались на дне, скользнули ему в рот. Юля задумалась. Положение у нее и в самом деле было трудным, родителей в Москве нет, бабушка еле ходит... как ей скажешь, что тебя выгнали из лагеря за драку?

— Змеи, скорпионы и всякие гады...— задумчиво произнес Фима. На дне стакана оставалась еще одна вишенка.— Я предпочитаю иметь дело с автобусами.

Он снова запрокинул голову, взор его скользнул к небу, и в поле зрения попала вершина большого дуба, что рос у самого забора. Там, в листве, было что-то большое, серое и непонятное. Вроде толстого кабеля с головой и черными глазами.

Фима так удивился, что не заметил, как проглотил вишенку.

— Ты что? — удивилась Юля.— Подавился?

— Э...— сказал Фима и показал дрожащей рукой на дерево.

Что-то зашуршало, и кабель исчез.

— Ничего не вижу,— сказала Юля.

— И не надо видеть,— ответил Фима.— Это, наверное, от твоих разговоров у меня в глазах галлюцинации.

Начало смеркаться. Появились первые комары, намечая себе боевые цели. Из леса тянуло слабым запахом грибов и прели. Лето кончалось. По дорожке шла кошка Лариска, верно, хотела поблагодарить Юльку, но не дошла, выгнула спину — шерсть торчком, зашипела и умчалась.

— У забора кто-то есть,— сказал Фима.— Кошки чувят.

— Пойду посмотрю,— сказала Юлька.

— погоди!

Но Юлька уже поднялась. Ей тоже показалось, что в кустах у забора что-то таится. Кусты густой стеной прикрывали забор, и потому вожатые не догадывались, что в заборе есть удобная дырка, сквозь которую можно после отбоя убежать к реке.

Стоило Юльке сделать два шага к забору, как кусты покачнулись и замерли. Тихо.

— Не ходи, а? — сказал Фима.— Ничего там интересного. Мало тебе своих ран?

— Что же там было?

— Волк,— сказал Фима.— Или медведь. Мало ли что бывает в кустах.— Он попытался засмеяться собственной шутке, но не смог.

Тут сзади раздались голоса — кино кончилось. Фима подхватил тарелку и стакан — побежал на кухню.

Юлька осталась одна и мужественно вынесла все смешки и шутки. Вожатые и прочие лагерные взрослые пошли в домик директора, где должны были обсуждать чрезвычайное происшествие. Юлька постояла немножко, потом отправилась в свой корпус — одноэтажный деревянный голубой дом, села на кровать и стала ждать, как решится ее судьба.

Она даже не знала, сколько времени прошло — стемнело. С площадки неслась музыка, там танцевали. Кто-то забегал в палату, что-то спрашивал. Юлька пыталась было читать Даррелла, но ничего не получилось. Да и свет зажигать не хотелось.

Потом к окну простучали мелкие шаги. Юлька догадалась — Фима.

— Юлька, ты здесь? — сказал он. — Обсудили.

— Меня обсудили?

— Я под окном подслушивал. Окно открыто, все слышно.

Юлька высунулась в окно — оно было низким, голова Фимы как раз поднималась над подоконником.

— Ну и что? — спросила Юлька, стараясь не выдать волнения.

— Они смеялись, — сказал Фима.

— Почему?

— Они сначала старались серьезно обсуждать, а потом смеялись. А Степаныч, физкультурник, все требовал, чтобы кошку привели как свидетеля. Понимаешь?

— Ничего не понимаю.

— Они решили тебя не выгонять. И Семенова тоже. И наша вожатая Рита очень ругала Семенова, а потом Семенов, который под окном со мной вместе стоял, крикнул, что он в порядке самообороны. А ты — как дикая кошка.

— Ну, если он мне попадется... — начала Юлька.

— Тогда второй раз тебя не простят. Только они потом нас отогнали от окна, и я не знаю, чем кончилось.

— Что-нибудь обязательно придумают, — сказала Юлька.

Тут вошли девочки с танцплощадки и начали громко разговаривать на глупые темы. Фима убежал, чтобы его не увидели. А потом Юля легла в постель, чтобы больше ни с кем не разговаривать. И притворилась, что спит.

На самом деле она не спала. Ей совершенно не хотелось спать. Постепенно утомонились соседки по палате, заснул весь лагерь, поднялась луна и осветила кровати. Зажужжал комар. Далеко-далеко загудел на реке пароход. Синяк на щеке разболелся, как зуб. «Все равно,— подумала Юлька,— если бы я сейчас его увидела, я бы снова на него напала».

— Юля,— раздался голос под окном, тихий, как комариный звон.

Юля подумала было, что вернулся Фима, хотя это было невероятно, потому что Фима обожает поспать. Может быть, Семенов решил свести счеты? Юля решила подождать.

— Юля,— снова послышался голос.— Выйди к нам. Надо поговорить.

Юля вскочила с кровати, хорошо, что та стояла у окна, и высунулась наружу. Никого на улице не было. Дорожки казались светлыми, почти белыми от лунного света, по небу бежали тонкие рваные облака, и вокруг стояла пустынная тишина.

— Кто здесь? — спросила Юля.

— Не бойся, Юля,— послышался голос из большого розового куста, который рос на перекрестке дорожек.— Мы не шутим. Нам надо поговорить с тобой, чтобы никто не видел.

— Это ты, Семенов? — спросила Юля.

— Ты нас не знаешь,— сказал голос.— Нам не к кому обратиться, кроме тебя. Ты нас поймешь.

— Покажись,— произнесла Юля,— если ты не Семенов.

— Ты испугаешься,— сказал голос.

— Меня уже ничем не испугаешь,— ответила Юля искренне.— Я боялась только, что меня из лагеря выгонят.

— Спасибо тебе,— ответил голос.— Тогда мне ничего не останется, как перед тобой появиться. И постарайся не падать в обморок от страха.

В обморок от страха Юля еще никогда не падала, но такое предупреждение может кого угодно испугать. Ведь Юля почти не сомневалась, что все это — месть презренного Семенова.

И потому, когда куст начал раскачиваться и из-под него на серебряную дорожку стал вытягиваться длинный толстый шланг, Юлька даже почувствовала некоторое облегчение. Что угодно, но это был не Семенов.

По дорожке полз удав метров в пять длиной, в Юлькину ногу толщиной. Шея его сужалась к плоской широкой голове, длин-

ный раздвоенный язык быстро высовывался изо рта и прятался вновь, неподвижные черные глаза смотрели в упор, как будто гипнотизировали. Удав прополз по дорожке несколько метров и свернулся кольцами под самым окном.

— С ума сойти,— прошептала Юлька, которая знала зоологию и разглядела при свете луны сетчатого питона, обитателя тропических стран. Странно, но ее в тот момент не столько удивило, что змея разговаривает, сколько чисто зоологическая неправильность.— Сетчатые питоны у нас не водятся,— сказала она.

— И не говори,— согласилась громадная змея.— Это совершенно исключено.

Рот змеи открывался в такт словам, но глаза оставались неподвижными, будто говорила не змея, а какая-то машинка внутри нее.

За Юлькиной спиной кто-то сказал сонным голосом:

— Ну, скоро ты угомонишься, Грибкова?

Юлька не ответила, а перемахнула через подоконник. Мокрая от росы трава была холодной.

— Куда идти? — спросила она шепотом.

— За кухню,— ответил питон.— В кусты.

— Тогда быстрее,— сказала Юлька.— В любой момент может проснуться собака или сторож.

— А ты не простудишься без обуви? — спросил питон.

Юлька не ответила, на цыпочках побежала по дорожке, а питон пополз за ней, пришептывая на ходу:

— Ты не боишься? Совсем не боишься?

Юлька выбежала на поляну. Удивительно, но она и в самом деле не боялась. Ведь куда лучше говорящий питон, чем мстительный Семенов, которого уже из двух школ исключили.

Неподалеку залаяла собака сторожа. Питон прибавил ходу, скользнул вперед и исчез в кустах.

— Сюда,— сказал он.— За мной, отважное существо.

«Отважное существо» конечно же относилось к Юльке. Она раздвинула кусты — впереди был лаз в заборе, за ним сразу начался лес. В лесу было темно и сыро — Юлька пожалела, что не оделась толком.

Змея исчезла.

— Где вы? — спросила Юлька.

Никакого ответа.

— Вы же сами просили,— сказала Юлька, и тут ей стало страшно.

В гробовой тишине спящего леса откуда-то справа послышалось зловещее бормотание, цоканье, словно проскакала лошадь. Потом знакомый голос питона произнес:

— Говори по-русски. Не пугай человека.

— Ты проверил? — раздался второй голос.— Она одна? Это не ловушка?

— Глупости,— сказал питон.— Нам сказочно повезло.

— Не уверен, не уверен,— ответил второй голос.— Я уже разуверился в людях.

— Где вы, в конце концов? — сказала Юля.— Я скоро замерзну, а вы выясняете свои отношения.

— Сделай шаг вправо,— сказал питон.— Здесь светлее. Я хочу познакомить тебя с моим другом.

Юля послушно шагнула в сторону и оказалась на маленькой прогалине. Позади нее лежал огромный тигр, и он был бы очень страшен, если бы морда у него не была перевязана так, будто у него болел зуб.

Глава вторая РОКОВАЯ ОШИБКА

— Еще чего не хватало,— сказала Юлька, увидев тигра.— А если вас кто-нибудь увидит? Вы же можете кого угодно до смерти перепугать.

— Пока что все случается наоборот,— мрачно сказал тигр. Говорил он медленно, с акцентом, из-за чего не все его слова можно было разобрать.

— Садитесь, Юля,— предложил питон.

Юля обернулась и увидела, что питон сложился тугими кольцами и получилась высокая круглая подушка.

— Садись, не стесняйся,— сказал питон.— Земля сырая, а ты совсем раздета.

Юлька послушалась и села на упругую прохладную подушку. Голова питона покачивалась у самого ее уха.

Наступила пауза.

Юлька смотрела на тигра, тигр лежал, положив голову на тяжелые лапы, и сердито смотрел на нее. Юльке даже стало не по себе. Нет, она не подумала, что ее заманили, чтобы съесть, об этом она совсем не думала. Она тихонько ущипнула себя за локоть, потому что поняла, что, вернее всего, это сон. Во-первых, удавы и тигры не говорят, а во-вторых, они не водятся под Москвой. Если, правда, не сбежали из зоопарка. Но тогда они тоже не говорят. Так как пауза затянулась, Юлька решила, что пора кому-то продолжить разговор.

— Простите,— сказала она, обращаясь к тигру.— Вы бенгальский или уссурийский? Вообще-то вы производите впечатление бенгальского тигра, но сейчас плохое освещение...

— Я произвожу впечатление драной кошки,— сказал тигр.

— Что есть, то есть,— согласился питон.— Но нашей гостье хочется узнать о нас побольше, не так ли?

Тут тигр закрыл глаза и сделал вид, что спит.

— Очень хочется,— сказала Юлька.— Ведь все это так необычно...

— Куда уж,— сказал питон.— На вашем месте я бы решил, что сплю.

— Я уже себя щипала,— сообщила Юлька.

— И правильно сделали,— сказал питон.— В общем, у нас случилось несчастье, и нам нужна помощь.

— Вы из зоопарка и потерялись? — предположила Юлька.

— Ни то, ни другое. Жизнь, как всегда, куда более драматична,— сказал питон, наклоня голову так, чтобы заглянуть Юльке в глаза.

Юлька поджала ноги, чтобы не мерзли. Сидеть на свернутом питоне было удобно. Если бы еще ее накрыть тигром вместо одеяла, то можно было бы заснуть.

— Мы прилетели на Землю позавчера,— сказал питон.

— Прилетели? — спросил тигр, не раскрывая глаз.— Мы есть грохнулись, дрябнулись, фолились, дропнулись...

— Мой друг еще не совсем освоил ваш язык,— сказал питон.— И у него слегка повреждена голова.

— Мягко сказано,— заметил тигр.— Данке шен.

— Я продолжу? — спросил питон.

— Значит, вы из космоса? — удивилась Юлька.— И у вас все такие?

— Где у нас? — спросил питон.
— На вашей планете.
— Она сошла с ума,— сказал тигр.— Она крейзи, рехнулась.
— Предположение самое логичное,— сказал питон.— Но ложное.

— А почему же вы такие?

— Потому что нас отправили в образе самых обыкновенных существ, чтобы не привлекать внимания,— сказал питон.

— Не привлекать внимания? Да это самый лучший способ привлечь внимание! И даже посеять панику.

— Вот именно.— Тигр потянулся, сел и широко зевнул, показав, какие у него страшные клыки.

— Я же говорю, что мы упали,— сказал питон.— Мы летели совсем не к вам. Мы летели туда, где наш вид не вызовет никакого подозрения. А именно в штат Майсор в Южной Индии, в сердце индийских джунглей.

— И не долетели?

— Ошибки случаются даже в такой развитой цивилизации, как наша,— печально произнес питон.— Нас специально готовили для этой экспедиции. Тщательно изучили все особенности Южной Индии, наши тела три года перестраивали. Мы должны были, с одной стороны, быть самыми обыкновенными, с другой — достаточно сильными, чтобы на нас нельзя было невзначай наступить...

— Но если вас можно было переделать, то переделали бы в индусов. Их в Индии полмиллиарда.

— Люди! — сказал тигр.— Люди! Пиипл! А документы? А вопросы? А проникновение в государственный заповедник? Не есть хорошо!

— В самом деле, в глубине джунглей куда лучше быть тигром, чем человеком,— сказал питон.— Мы должны были выполнить нашу задачу, а через месяц за нами должен прилететь корабль, который дежурит сейчас за планетой... как же ее зовут?

— Платон,— сказал тигр.— Сколько раз тебя учить?

— За Плутоном,— поправила Юлька.— Это очень далеко. Значит, вам месяц прятаться надо?

— Нам надо в Индию,— сказал тигр.— В джунгли. Вы есть глупая и не понимаешь.

Юлька смотрела на тигра, тигр лежал, положив голову на тяжелые лапы, и сердито смотрел на нее.

— С вами поглупеешь,— проговорила Юлька.— Вы думаете, мне раньше приходилось на питонах сидеть или с тиграми разговаривать?

— О, не сердитесь, добрая девочка,— сказал питон.— Поймите моего друга. Он вчера заходил в один одинокий домик попросить помощи, а пожилая женщина, которая там живет, стала бить его по голове кочергой. Вы знаете такой прибор?

— Ой, извините! — сказала Юлька.— Я и не знала. Но вы ее очень испугали.

— Я три раза попросил прощения,— возразил тигр.— Я сказал, что не причиню никакого вреда, а эта женщина била меня по голове очень... очень... забыл слово на вашем варварском языке...

— Больно? — спросила Юлька.

— Нет.

— Жестоко,— сказал питон.

— Ну, пускай будет жестоко,— согласился ворчливо тигр.

— Я вас перевяжу,— предложила Юлька.

— Еще не хватало! — сказал тигр.— Я боюсь шекотки.

— Представляете весь ужас,— продолжал питон. — Наша капсула разбита, мы чудом уцелели. Наш корабль придет за нами через месяц и совсем в другую страну, показаться на улице мы не смеем, потому что люди немного боятся и немного сердятся, а мы должны выполнить наш долг в джунглях Майсора.

— Какой долг? — спросила Юлька.

— Сто лет назад без вести пропал корабль, который перевозил в соседнюю звездную систему коллекцию национальных драгоценностей на галактическую выставку. Все эти сто лет наши ученые высчитывали его траекторию, и только лет пять назад удалось точно установить, что обломки корабля лежат в самом центре Государственного майсорского заповедника в Индии. И если мы не выполним наш долг, то пойдут прахом надежды и труд тысяч наших соотечественников.— Питон тихо вздохнул и опустил плоскую голову.

— Тут я вам помочь не смогу,— сказала Юлька.— Индия далеко, и билеты для тигров туда не продают.

— Я же говорил,— отозвался тигр.— Надежды нет. Я повешусь.

— Погодите,— сказала Юлька.— Мы с вами еще не начали думать.

— Вот именно,— сказал питон.— Будем думать.

— Вы голодные? — спросила Юлька.

— Не беспокойтесь,— ответил питон.— В этом нет проблемы.

— Когда подохнем с голоду, то будет проблема, как снять с нас шкуры,— сказал тигр.

Питон снова вздохнул. Ему было неловко за своего несдержанного друга.

— Уважаемая Юля,— произнес он.— Я должен сказать, что мой друг лишь кажется сварливым и сердитым. В действительности он знаменитый профессор и отважный исследователь.

— Ах, оставь,— возразил тигр.— Какое это имеет значение?

— Уж прямо не знаю,— сказала Юлька,— как вас накормить? Сколько вам мяса нужно!

— Она есть сумасшедший,— проворчал тигр.— Она думает, что я ем мясо. Может, я кусаю людей? Может, мой друг глотает корову?

— Мы не едим мяса,— мягко сказал питон.— Мы вообще очень сдержанны в своих потребностях. В этом отношении мы не будем вам обузой. Нам нужен кров и дружба.

Юлька почувствовала, что замерзает. Но прежде чем уйти, она задала еще один вопрос:

— А почему вы позвали именно меня?

— Странно,— ответил тигр.— Кого еще? Молодого человека по имени Семенов, который мучает мелкого хищника?

— Мы просидели весь день в этих кустах,— сказал питон.— Мы наблюдали ваш лагерь, отыскивая именно такое, как вы, существо. Доверчивое, широкое, смелое, гордое, отзывчивое, энергичное...

Юлька почувствовала, что ей уже не так холодно. Но тигр все испортил. Он сказал:

— И такое глупое, что пойдет ночью за незнакомой змеей в лес.

— Ах, Транкверри-Транкверри,— грустно произнес питон.— Неудачная посадка лишила тебя твоих лучших качеств.

— Я всегда говорил правду,— ответил тигр.— А ты, Юля, обещала поправить мне повязку. Чего ж ты, забыла?

Повязку оказалось поправить очень трудно, потому что она была сделана из наволочки, которую пришельцы сняли с чужой веревки, к тому же тигр все время ворчал и мешал работать.

А кстати, вам когда-нибудь приходилось перевязывать бенгальского тигра в ночном лесу? При чем тигра, крайне разочарованного в жизни?

Поэтому Юлька вернулась в свой домик только через час. Правда, заснула как убитая.

Глава третья ХИЩНИКИ СРЕДИ НАС!

Утром Юльку разбудил горн. Она никак не могла прогнать остатки сна — там все перепуталось: джунгли, драка с пиратами, стая тигров и говорящий слон. Так и не проснувшись еще, Юлька выбежала на зарядку. Снаружи было прохладно, низкие облака неслись, задевая за мачту с флагом. Юлька взглянула на лес, подступавший к лагерю, и поняла, что все происшедшее — не сон. Там, в лесу, может, даже выглядывая оттуда в нетерпении, ее ждут инопланетные пришельцы.

После завтрака Юлька отозвала в сторону Фиму Королева.

— Что мы еще придумали? — спросил Фима. — С кем будем драться?

— Не знаю, — ответила Юлька. — Но я хочу познакомить тебя с моими новыми друзьями.

— Все ясно, — сказал Фима. — Ты нашла головастика и пригрела скорпиона.

— Ты почти угадал, — ответила Юлька.

Но закончить она не успела, потому что на дорожке показалась докторша, которая позвала Юльку на проверку ее синяков и царапин. Фима Королев хотел было подождать Юльку, потому что был заинтригован, но потом вспомнил, что хотел сделать лук и еще вчера присмотрел для этого как раз за забором ровный и длинный ствол орешника. Однако вчера у Фимы не было ножа, а сегодня он одолжил большой перочинный нож у одного парня из первого отряда, но обещал вернуть его как можно скорее. Так что Фима не стал тратить времени даром и побежал к дыре в заборе, пролез в нее и быстро пошел по лесу. Вот тут должен быть нужный ореховый куст... Фима вынул из кармана нож, раскрыл его и

сделал шаг вперед, оглядываясь, чтобы не пропустить куст. «Ага,— сказал он себе.— Вот ты мне где попался!»

Он схватил ствол орешника и потянул к себе.

И в этот момент прямо из-под ног у него вылетело что-то желтое, полосатое, огромное и с криком: «Этого еще не хватало!» — пропало в чаще.

Трудно сказать, кто испугался больше — Фима Королев или переделанный в бенгальского тигра пришелец с трудным именем Транкверри-Транкверри. Тигр, который решил, что Фима на него охотится, добежал до реки и там спрятался в камышах, а Фима перелетел через забор, пробежал, размахивая ножом, до столовой, вылетел на линейку и тут столкнулся с Юлькой, которая как раз вышла из медпункта.

— Ты куда бежал? — спросила Юлька.

— Я? — Фима обернулся, но его никто не преследовал.

— Можно подумать,— сказала Юлька,— что за тобой тигр гнался...

И она осеклась — шутка получилась слишком похожей на правду.

Фима посмотрел на нее странными, совершенно круглыми вишневыми глазами, которые особенно выделялись на побелевшем лице, потом еще раз нервно оглянулся и сказал тихо:

— Тигр... ты думаешь, тигр?

— Ты где был? — спросила Юлька.— Пока меня не было, ты где был?

— Нигде, то есть я был в лесу... там, совсем рядом... а тигр прыгнул, чтобы растерзать... ты не понимаешь.

— Не понимаю? А питон тебе не встретился?

— Кто?

— Питон. Метров шесть длиной.

Юлька говорила совершенно серьезно, и Фима понял, что она над ним издевается, презирует его, потому что ни один нормальный человек не будет говорить, что в окрестностях пионерского лагеря бродят тигры и бросаются на людей.

— Все ясно,— сказал Фима, спрятал нож в карман и повернулся, чтобы уйти навсегда. Он кипел от негодования и обиды. Вчера он еще был верным другом и ничем, понимаете, ничем не заслужил такой обиды.— Все ясно,— повторил Фима.— Там еще был слон и два крокодила.

И очень удивился, потому что вслед ему донеслись спокойные слова Юли:

— Слона и крокодилов там быть не может. Их всего двое. Тигр и питон.

— Ага,— произнес Фима. Потом прошел еще два шага. Потом остановился, посмотрел на Юльку и спросил: — Ты шутишь, что ли?

— Шучу? Я сейчас к ним пойду. Поговорить надо,— ответила Юля.

— С кем?

— С тигром. И с питоном.

Вообще-то раньше Фима считал Юлю Грибкову в принципе нормальным человеком. Но все может случиться. Особенно, если Семенов что-нибудь повредил Юльке в голове. Но с другой стороны — с кем столкнулся Фима в орешнике? Или ни с кем не сталкивался?

Облака рассеялись, выглянуло не очень жаркое солнце, будто устало за лето жечь и теперь отдыхало. На деревянной эстраде недружно стучали ногами танцоры, разучивая народный танец Сейшельских островов к торжественному закрытию лагеря. Из кухни тянуло жареной рыбой: там начали готовить обед. Кошка Лариска сидела на крыльце у кухни и с отвращением глядела на судачью голову — это была восьмая голова за утро — поварахи старались развлечь животное после вчерашних переживаний.

Юля Грибкова пошла к поляне, словно была уверена, что Королев пойдет за ней. Но он не шел, он стоял, крутил головой и никак не мог объединить в голове обыкновенность лагерной жизни и странные события и странные слова, которые ему пришлось услышать.

— Ты, надеюсь, не боишься? — спросила Юлька, подойдя к кустам у забора.

— Я? — ответил Фима, не двигаясь с места. — Кого?

— Тигров.

— Нет,— сказал Фима. Он очень боялся тигров.

— Тогда пошли,— позвала Юлька. И, не оглядываясь больше, исчезла в кустах.

А Фима не двинулся с места.

Он хотел бы двинуться, он считал своим долгом двинуться, чтобы остановить Юльку, отговорить от безумного похода в лес,

где на людей нападают тигры, но ноги отказались идти в лес, а голос отказался крикнуть вслед Юльке.

Юлька-то думала, что Фима все-таки пойдет за ней, потому что при всех своих недостатках, к которым относились обжорство и трусость, он все равно ей друг и в беде не оставит. Поэтому она сделала несколько шагов вперед, пролезла сквозь дыру в заборе и тихо позвала своих новых знакомых. Но никто не ответил ей. Что ж, решила Юлька, пройдем еще немного, ведь они недавно были здесь.

Деревья и кусты сомкнулись вокруг Юльки, и потому она не могла услышать, что происходило за забором в лагере и как нерешительность Фимы Королева повлекла за собой другие события.

Пока Фима стоял и боролся со своими ногами, чтобы оторвать их от земли, сзади к нему подошли Семенов и его закадычный дружок Розочка. Вид у Семенова был сердитый, пластырь пересекал лицо, как шрам у гвардейца кардинала после поединка с д'Артаньяном. Семенов жаждал мести. Семенову надоело, что второй день все, включая малышей, над ним смеются. Но не бить же Грибкову! И тут, когда Семенов во власти грозных дум шел по дорожке, он увидел трусливого толстяка Фиму Королева, Юлькиного друга.

— Где твоя Юлька? — спросил Семенов грозным голосом.

— А тебе чего? — спросил Фима и почувствовал, что его ноги уже могут двигаться, и скорее всего в ту сторону, которая подальше от Семенова и Розочки.

— Хочу с ней поговорить, — сказал Семенов. — Давай выкладывай правду.

Фима в самом деле подумал, что Семенов хочет отомстить Юльке, и ему в голову не пришло, что жертвой нападения станет он. Хотя, конечно, от Семенова можно было всего ожидать.

— Да что с ним разговаривать, — сказал Розочка, снимая очки и протирая их. Розочка был маленьким хрупким математиком, тихоней и большим пакостником. Он был из тех мальчиков, которых обожают бабушки, а мамы говорят: «Дружи с ним, он такой культурный и занял второе место на районной математической олимпиаде». И учителя любят Розочку — пока не разберутся, в чем дело. — Я тебе советую, Юра, как следует нажать на этого шпиона и предателя.

— А он предатель? — спросил Семенов, которого уже исключали из двух школ, и ясно, что он отличался силой, но не умом. Даже банку к кошкиному хвосту он не догадался бы привязать, если бы Розочка не рассказал ему, как это будет смешно.

— Разумеется, — сказал Розочка и снова надел очки. — Если он друг Грибковой, значит, он тебя предал.

Розочка знал, что надо сказать слово, к которому можно придраться. Теперь оно упадет Семенову в голову.

— Ну, предатель! — зарычал Семенов и двинулся на Фиму.

Фима понял, что Семенов его за что-то собирается побить, — и бросился бежать к лесу, но не прямо к тому месту, куда пошла Юлька, а в сторону. Потому что даже в тяжелые моменты он помнил, что предавать друзей нельзя.

Семенов побежал за ним, а Розочка остался на месте, так как увидел, что по дорожке идет физкультурник Степаныч. Розочка сразу присел на корточки и принялся нюхать незабудку.

— Куда это твой друг побежал? — спросил физкультурник, который еще вчера требовал, чтобы Семенова выгнали из лагеря за то, что он поднял руку на женщину, хоть и в порядке самообороны.

Невинное, украшенное большими очками худенькое личико Розочки обратилось к физкультурнику.

— Биология, — сказал он тихо и вежливо. — Мы решили написать доклад о флоре и фауне нашего края. К началу учебного года. Вот я и изучаю растения.

— Ага, — сказал физкультурник. — А Семенов-то чего изучает с такой скоростью?

— Бабочек, — ответил Розочка. — Семенов побежал за капустницей редчайшей раскраски...

Если бы кто другой рассказал эту историю физкультурнику, Степаныч никогда бы не поверил, что Семенов будет носиться за капустницами, а потом писать доклад. Но Розочке он, разумеется, поверил, очень удивился, пожал плечами и пошел дальше. Когда он скрылся за углом здания, Розочка осторожно поднялся на ноги и, сжимая в кулаке незабудку, не спеша пошел в лес.

Тем временем Юлька все-таки разыскала питона. Питон выполз из-за поваленного ствола, наклонил плоскую голову и поздоровался с Юлькой.

— Что вы прячетесь? — спросила Юлька.

— Нас преследуют,— ответил питон.— Только что неизвестное лицо напало на нашего тигра с ножом в руке, и тот еле успел скрыться в камышах.

— Знаю уже,— сказала Юлька.— Это недоразумение. Фима хотел срезать ствол орешника. Он сам испугался.

— Вы убеждены в этом? — спросил питон.

— Абсолютно. Скоро он придет, и я его с вами познакомлю. Он мой друг.

— Не знаю, не знаю,— вздохнул питон.— Транкверри-Транкверри так травмирован...

— Как же вы собирались в Индии жить? — спросила питона Юлька.— А если там настоящие охотники вас бы нашли?

— Там заповедник,— серьезно ответил питон.— А здесь мы не под охраной закона.

— Может, сходим с вами в милицию? — спросила Юлька.— Расскажем все и попросим их помощи?

— Ни в коем случае,— возразил питон.— Во-первых, никто не должен знать, что мы на Земле,— это нарушит основной Закон невмешательства. И второе,— представьте, как мы подойдем к милиции и что они скажут...

Юлька не стала спорить. Ее больше беспокоило, куда делся Фима. Может, что-нибудь случилось? Может, он снова встретил тигра и теперь сам побежал в милицию?

И только успела Юлька обеспокоиться, куда делся Фима, как со стороны реки послышался страшный треск — будто сквозь лес проламывалось стадо взбесившихся буйволов. Юлька вскочила и метнулась к стволу — питон стрелой взлетел на дерево, которое наклонилось под его тяжестью.

На полянку вылетел Фима Королев. Ничего не видя перед собой, он бросился прямо к дереву, где стояла Юлька, врезался в нее, и тут же, не удержавшись, на голову Фиме рухнул пятиметровый питон, взвизгнув при этом на инопланетном языке.

Все трое упали на землю и целую минуту лежали неподвижно, пока не пришли в себя. Первой очнулась Юлька, поднялась и попыталась стащить с оглушенного Фимы оглушенного питона. Питон был вялым, податливым и тяжелым, как бесконечный диванный валик, а Фима вроде бы лишился чувств. По крайней мере, Юльке пришлось его как следует хлопнуть по щеке, чтобы он открыл глаза.

— Опять,— сказал он.
— Тебе плохо?
— Опять тигры.
— Вставай и рассказывай.
— Я не могу встать. У меня нервы не в порядке. На меня дерево упало.

— Это не дерево, а мой новый знакомый,— сказала Юля.— И я хочу, чтобы вы тоже познакомились.

Фима осторожно скосил глаза в ту сторону, куда показывала Юлька, зажмурился и постарался встать, чтобы тихо уйти.

— И это мужчина конца двадцатого века,— сказала Юлька.— Пришелец, скажите что-нибудь, чтобы успокоить Фимку.

— Здравствуйте,— сказал питон.— Можете называть меня Ке-ном. На самом деле я только кажусь пресмыкающимся, а обычно преподаю исторические науки в высшем учебном заведении на моей далекой планете.

Глава четвертая КОРОЛЕВСКАЯ ОХОТА

Фима пришел в себя минут через десять. Так как он не любил биологию, ему оказалось труднее привыкнуть к странному виду пришельца. Зато Фима всегда интересовался проблемами космонавтики и надеялся со временем похудеть и отправиться в космос. Поэтому когда он понял и поверил питону, то очень обрадовался.

— Контакт,— говорил он, расхаживая по полянке,— это вековая мечта человечества. Вместе с вами мы полетим в космические дали. Скажите, на каком принципе работает ваш двигатель?

— Какой? — спросил вежливо питон.

— На котором вы спустились?

— Он, к сожалению, уже не работает. Он сломался.

— Починим,— решил Фима.— Мобилизуемся и починим.

— А мы его распылили, чтобы он случайно не попал к кому-нибудь в руки.

— Глупо,— сказал Фима.— Теперь будет трудно доказать, что вы настоящие пришельцы. Люди скорее поверят в говорящих

удагов, чем в пришельца. Мы так давно ждем, чтобы вы прилетели, что уже разуверились.

— Мы не собираемся доказывать,— в который раз повторил питон.— Нам надо в Индию, а потом обратно.

— Исключено,— сказал Фима.— Сначала вы встретитесь с нашими пионерами, расскажете о своих успехах, потом мы поедем в Академию наук и в Звездный городок...

Питон вздохнул, и Юлька понимала его — у зверей дело, задание. А Фимка требует совсем другого. Она хотела остановить излияния друга, но тут издалека донесся отчаянный крик.

— Что случилось? — испугался питон.— Неужели кто-то опять напал на моего друга? Его отыскивали в камышах.

— Тигра нашел Семенов! — понял Фима.— А я так старался сбить его со следа!

Юлька сразу побежала к реке. За ней, стараясь не отставать, Фима. Сзади скользил питон.

Но до реки им добежать не удалось.

На полдороге они встретили космонавта Транкверри-Транкверри в прискорбном виде. Повязка съехала на шею и болталась, как шарф у человека, бегущего за автобусом, к шерсти прилипли камышины и бороды водорослей, а на ухе почему-то болтались очки Розочки. И это больше всего напугало Юльку. Хотя она знала, что космонавты не едят людей, но почему от Розочки остались только очки?

— Я устал,— сказал тигр, раздраженно глядя на Фиму, который пытался укрыться за спиной у Юльки.— Я устал от нападений, преследований и непониманий. Я устал от необходимости бродить по дикой планете, где дикое население готово меня сожрать. Я прошу разрешения принять ампулу с ядом, которая спрятана в дупле моего коренного зуба.

— Отказываю,— сказал питон.— Отвага исследователя заключается в умении терпеть и приспособливаться. Уйти из жизни может каждый дурак.

— Сил нет терпеть! — взвыл тигр.— И этот человек уже готовит на меня новое нападение. У него в кармане нож.

— Честное слово,— сказал Фима,— если бы не ваш хищный вид, мы бы давно подружились.

— Значит, вид? — спросил тигр. — А если я сделан, как паук? Или сороконожка? Значит, вам все равно, какой у меня высокий разум, сколько я кончил университетов и написал научных статей, да? Значит, только по одежде происходит встреча? Это недостойно. Я сушу на берегу свою шкуру, а из леса выходят два молодых туземца, один кричит и кидает в меня камень, второй кидает даже свои очки. А если бы у них был с собой бластер или лазерная пушка? Тоже бы кинули?

— Выстрелили бы, — сказал осмелевший Фима. — И среди наших людей встречаются еще некоторые печальные исключения. Они вчера кошку мучили.

— Я им не кошка, — сказал мрачно тигр.

— Ты очень большая кошка, — сказал питон. — Но у тебя расшатались нервы. Виновата авария. И чем скорее мы переедем в Индию, где никто не будет обращать на нас внимания, тем лучше.

Юлька сильно сомневалась, что на них не будут обращать внимания в Индии, но спорить не стала. Только она все еще не представляла, как переправить космонавтов в Индию, если о них нельзя никому рассказывать.

— Мы придумаем, — сказал Фима. Он уже осмелел.

В этот момент в лагере заиграл горн. Горн играл сбор.

— Странно, — удивилась Юлька. — С чего бы это?

Над поляной, нагретой солнцем, кружились стрекозы, прыгали кузнечики, не боясь тигров. А горн тревожно звал, подгонял, нарушал тишину.

— Возможно, это тревога из-за нас, — сказал питон.

— Еще чего не хватало! — возмутился тигр. — Тогда я буду раскусать ампулу с ядом.

— Оставайтесь здесь, — сказала Юлька. — Мы побежим в лагерь. Если в самом деле есть опасность, кто-нибудь из нас предупредит вас. С нами, с людьми, можно договориться, если нам все объяснить.

— Вот мы и пытаемся, — сказал тигр. — Возьми с собой очки. Мне они не требуются.

Юлька сняла с уха тигра очки, и они с Фимой побежали в лагерь.

Со всех сторон к линейке сбегались пионеры. Спешили вожатые, даже поварахи столпились на пороге кухни — никто не понимал, что случилось.

— Честное слово, — сказал Фима, — если бы не ваш хищный вид, мы бы давно подружились.

Посреди линейки рядом с горнистом стоял очень серьезный директор лагеря Чуфринский, затем физкультурник Степаныч. За их спинами Юлька сразу угадала Семенова и Розочку, который часто моргал близорукими глазами отличника.

— Все ли здесь? — громко спросил директор лагеря. — Вожа-тые, проверьте отряды.

Юлька и Фима подбежали к своему отряду и замешались в тол-пу. Была неразбериха, потому что никто так ничего и не понял, а по лагерю покатались дикие слухи. Одни говорили, что кто-то из первого отряда утонул, другие — что началась эпидемия, а одна девочка из младшего отряда уверяла, что привезли бананы и будут всем давать.

Наконец на линейке наступило некоторое подобие порядка, и оказалось, что все пионеры лагеря на месте. Директор с облегче-нием вздохнул и вытер платком пот со лба.

— Всем пионерам, — сказал он, — разойтись по домикам, жожа-тым быть с ними. Без моего разрешения ни одного человека с тер-ритории лагеря не выпускать.

— А что случилось? — начали спрашивать со всех сторон.

Директор заколебался. Он не знал, говорить или нет. И тогда в гнетущей тишине раздался тонкий детский голосок:

— А бананов всем хватит?

— Каких бананов? — спросил директор, почесал лысину, вздохнул и добавил: — Бананов пока не будет.

Директор посмотрел на Степаныча, и Степаныч решил, что пора брать инициативу в свои руки.

— Слушай меня! — сказал он своим зычным физкультурным голосом. — В окрестностях лагеря наблюдаются дикие хищники. В виде... в общем, не важно.

— Очень важно! — закричал тут Семенов. — Там тигр! Он на нас напал. Даже очки с Розочки сорвал.

Семенов показал рукой на Розочку, который покраснел, пото-му что не выносил, когда вслух произносили его прозвище.

Все заволновались, те, кто не поняли, начали переспрашивать, поднялся страшный шум, а в отряде малышей кто-то заплакал. Может быть, от страха, а может быть, потому, что не будет бана-нов.

Директор поморщился, Степаныч поднял сильную руку десятиборца и призвал к тишине.

— Эти сведения,— сказал он,— мы должны проверить. Допускаем, что имеет место ошибка.

— Нет, не ошибка! — сказал Розочка.— Где мои очки?

И тут из рядов третьего отряда раздался голос Юльки Грибковой:

— Держи свои очки, Розов. И не надо их терять, когда купаешься в реке без разрешения.

Юлька вышла из строя и прошла по пустой, обширной площадке до Розочки. Стояла тишина. Юлька протянула Розочке очки. Она, разумеется, сказала неправду, но сейчас самое главное было, чтобы Розочке и Семенову не поверили.

— Врет она,— сказал Семенов.— Мы не купались. Можете проверить. Я весь сухой.

— А что вы делали у реки? — крикнул Фима.

— Мы за тобой бегали,— сказал Семенов.— А тут тигр на нас выскочил.

— И зачем это вы за ним бегали? — спросила Юлька. Главное — отвести разговор в сторону.

— Зачем, зачем... чтобы накостылять...

Тут Семенов сообразил, что говорит лишнее, и замолк.

— Я не понимаю, откуда у Грибковой мои очки,— сказал Розочка твердым голосом отличника.— Очки я метнул в морду тигра, чтобы его остановить.

— А тигр их отдал Грибковой,— подсказал кто-то.

И весь лагерь захохотал. Даже директор с облегчением улыбнулся. Любому директору лагеря куда спокойней узнать, что два пионера купались без разрешения, чем допустить, что рядом ходят тигры.

— Вы вот не верите, а будут жертвы! — крикнул Розочка, когда все отсмеялись, но никто его уже не слушал, да тут еще Фима Королев, которому не откажешь в сообразительности, крикнул:

— Это кошка Лариска им отомстила. Позвала своего дядю, чтобы он Семенова пугнул.

После этого Розочку с Семеновым уже никто всерьез не принимал.

— Давай вернемся в лес,— шепнула Юлька Фиме.— Вроде обошлось.

— Погоди,— сказал Фима.— Ты недооцениваешь директора. У него ответственность.

Он показал ей на директора и Степаныча, которые о чем-то тихо переговаривались. Потом директор кивнул и быстро пошел к себе в домик, а Степаныч физкультурным голосом объявил:

— Приказ директора остается в силе. До отмены его никто из лагеря не выходит.

И, не слушая возражений, Степаныч поспешил за директором.

Юльке с Фимой удалось незамеченными отбежать в сторону и добраться кустами до директорского домика. Заднее окно было открыто. Они прижались к стене и слышали, как директор говорит с кем-то по телефону.

— Конечно,— говорил директор.— Слух может быть ложным. Но я прошу проверить, нет ли случаев побега тигров из зоопарков или из цирка. У меня двести детей, и я не могу рисковать... Да, никого в лес не выпускаем... Да. Буду ждать.

Потом слышно было, как звякнула телефонная трубка и директор сказал физкультурнику:

— Они сказали не волноваться, проверят. Если будут сомнения, пришлют работников с собакой. Осмотрят лес.

— Может, я схожу, проверю? — сказал физкультурник.

— А если там тигр? Он с тобой разговаривать не будет.

— Еще бы как поговорил,— прошептала Юлька, но Фима даже не улыбнулся.

Пригнувшись, они побежали в лес.

Глава пятая ВЕЧЕРНЕЕ БЕГСТВО

Пришельцы послушно ждали, где договорились. Тигр бродил по полянке, за ним волочился шарф-повязка, питон Кен обвил сосновый ствол, перекинул голову через нижний сук и раскачивал ею в глубокой задумчивости.

— Вы уверены, что не хотите встретаться с милицией? — спросила Юлька, выбегая на полянку.

— Абсолютно,— ответил тигр.— А что, она приближается?

— Скоро приблизится,— сказал Фима Королев.

От его прежней робости не осталось и следа — люди быстро ко всему привыкают. Фима подошел к тигру, стащил с него шарф-повязку и даже посмотрел вблизи на ухо — зажило ли.

— Надо было вас сделать обезьяной,— сказала Юлька.— Как же про руки забыли?

Тигр, не говоря ни слова, поднял переднюю лапу и протянул Юле. Громадные загнутые когти приподнялись, и под ними обна- ружились пальцы.

— Что же случилось? — спросил питон, покачивая над ними плоской треугольной головой.

— Эти мучители кошек,— сказал Фима,— прибежали в лагерь и подняли тревогу. Мы с большим трудом убедили всех, что тигр им только померещился.

— Тогда зачем сюда придет милиция?

— Потому что директор лагеря беспокоится о пионерах. Он не знает, что бывают тигры, которые пионеров не едят.

— Какая гадость,— сказал тигр,— поедать себе подобных!

— Обычные тигры не считают пионеров себе подобными,— пояснил Фима.

Транкверри-Транкверри грустно покачал головой.

— И во что это выльется? — спросил питон.

— Вернее всего, милиция решит проверить,— сказала Юлька.— И сюда приедут милиционеры с собакой.

— Зачем?

— Чтобы найти вас по следам. По запаху.

— Отвратительно,— сказал тигр.

— Мы не можем встречаться с вашей уважаемой милицией,— сказал питон.— Этим мы нарушим законы Галактики и сорвем порученное нам дело.

— Не это главное,— сказал Фима.— Главное, что, когда милиция найдет в лесу тигра и удава, она очень испугается за судьбу детей. У милиции тоже есть нервы.

— Нервы, нервы...— проворчал тигр, и всем стало ясно, что у него тоже есть нервы.

— К тому же,— сказал совсем осмелевший Фима,— у милиции нет гарантий, что вы не шпионы, посланные на нашу планету, чтобы выведать наши тайны.

И Фима в упор посмотрел на тигра. Тигр не отвел взгляда. Король покраснел, потому что понял, что ведет себя не очень вежливо.

— Конечно, самое разумное,— сказала Юлька, погрозив Фиме кулаком,— это заслать к нам шпионов под видом тигров.

— Если бы мои коллеги по университету услышали, в чем меня обвиняют...— Из глаз тигра покатались крупные слезы.

Все замолчали.

Питон посмотрел сквозь листву в небо.

— Собаки летают? — спросил он задумчиво.

— Нет,— сказал Фима,— собаки бегают.

— Надо вас эвакуировать,— сказала Юлька.— В надежное место.

— Нам надо в Индию,— сказал тигр.— Это самое надежное.

— Но сначала придется вас отсюда эвакуировать. У меня идея.

Сарай!

— Чего? — удивился Фима.

— Сарай. На острове. Где раньше было сено.

Юлька имела в виду остров на реке, длинный и низкий, поросший травой. Там, посередине, на небольшом холмике стоял полуразрушенный сарай, кое-как скрытый кустарником.

Со стороны лагеря остров отделялся от берега неширокой протокой — основное русло реки было с той стороны.

— Вода,— спросил питон,— преграда для собаки?

— Правильно! — воскликнул Фима.— На воде собака ваш след не возьмет. Так партизаны в войну делали. От эсэсовцев спасались.

К реке надо было выйти в километре ниже лагеря. Они спешили, но шли осторожно: впереди Юлька, у нее хорошие глаза и быстрая реакция. В середине Фима с тигром, а питон, у которого крепкие нервы, полз в арьергарде.

Юлька надеялась, что старая лодка с одним веслом, на которой ездили на остров, окажется у этого берега. Конечно, переплыть протоку легко и без лодки, но лодка — это дополнительное приключение.

Как назло, лодка стояла, приткнувшись к траве по ту сторону.

— Придется плыть,— сказала Юлька.

— Я не уверен, что смогу это сделать,— отозвался питон.— Я никогда не пробовал. Ведь я не водяная змея.

— Что касается меня,— сказал тигр,— то все понятно. Вы хотите меня утопить.

Фима промолчал — он плохо плавал, но не любил в этом признаваться.

Юлька окинула взглядом эту странную сухопутную компанию. Времени терять было нельзя. Юлька скинула тапочки и блузку и, разбежавшись, прыгнула в воду; протока была глубокой и быстрой, со дна били ключи, и Юльке даже некогда было оглядываться — а то пронесет мимо острова. Она выбралась из воды на самой косе, побежала обратно, к лодке. Осока резала ноги, мягкий ил чавкал под ногами и затягивал. Добежав до лодки, Юлька запыхалась. Теперь надо было вычерпать из лодки воду. Вычерпывая воду, Юлька посмотрела на тот берег. Питон лежал, свернувшись кольцами и высоко подняв голову, — сторожил. Фима зашел в воду по колени, ему хотелось давать Юльке советы, но он боялся громко говорить. Тигр нервно ходил по берегу.

Весло оказалось тяжелым, грести было трудно, лодка вертелась и не слушалась, но больше всего Юлька устала от того, что надо было спешить. Совсем обессилив, она бросила весло на дно. Фима подхватил лодку за нос и удерживал ее. Потом, пока в нее переползал бесконечный питон, он поднял весло и сказал Юльке: «Оставайся здесь. Я их перевезу!» Юлька было кивнула, соглашаясь, и стала помогать тигру перелезть через борт, но, оттолкнув лодку от берега, передумала и поплыла вслед, подталкивая ее. Лодка под грузом пришельцев опустилась настолько, что ее борта чуть было не сровнялись с водой. Фима греб неровно и раскачивал лодку, тигр дрожал от страха так, что лодка тоже дрожала, а Юлька все время боялась, что лодка черпнет воды и опрокинется.

К счастью, этого не случилось.

Только у того берега Фима заметил, что Юлька приплыла тоже.

— Ты чего? — спросил он, придерживая лодку, чтобы тигр мог выскочить на берег — тот вылетел, громадным прыжком покрыв половину расстояния до сарая, и через мгновение скрылся из глаз.

— Лодку оставим на острове, — сказала Юлька. — Так спокойнее. И нам и пришельцам. Только перетащим ее на ту сторону острова, чтобы с нашего берега ее не увидели.

— Понимаю, — печально произнес ее друг, глядя на быструю протоку. — Значит, плыть придется?

— Я буду рядом, — сказала Юлька. — И ботинки твои возьму. Ты что, испугался?

Фима греб неровно и раскачивал лодку...

Фима присел на корточки и принялся расшнуровывать ботинки. Юлька сбегала в сарай, который пропах пылью, сенной трухой и птичьим пометом. Пришельцы закопались в сено, только головы наружу. Они волновались.

— Не беспокойтесь,— сказала Юлька.— Как стемнеет, мы вернемся и что-нибудь придумаем.

С помощью Фимы Юлька перетащила лодку вдоль берега на дальнюю сторону островка. Потом они переплыли протоку и побежали к лагерю.

Обед уже кончался, ребята поднимались из-за столов, было шумно, и никто, кроме вожатой Лены, не заметил, что Юлька с Фимой прибежали позже всех. А Леночка удивительно мягкий человек — даже когда делает тебе замечание, кажется, что просит прощения. Она подошла к Юльке, которая усаживалась за стол, и сказала шепотом:

— Ну, зачем же вы меня подводите? Я так волновалась...

— Простите,— ответила шепотом Юлька,— это больше не повторится.

И Юлька густо покраснела, потому что она уже знала, что это повторится. Космическая дружба требует жертв.

Когда они выходили из столовой, Юлька поймала чей-то внимательный взгляд. В стороне стоял Розочка и глядел ей на ноги.

Юлька тоже посмотрела на свои ноги и поняла, что они по колению измазаны засохшим илом.

Юлька на всякий случай показала Розочке кулак, а Розочка загадочно улыбнулся. Опасность Розочки в том, что он очень сообразительный и скрытный. Что-то он понял, что-то заподозрил. Но попробуй догадаться — что.

Глава шестая ВЕЧЕРНИЕ СОБЫТИЯ

Юлька всей кожей чувствовала, что у лагеря пришельцам оставаться нельзя. Ее последние сомнения рассеялись, когда она сразу после обеда увидела, как низко над лесом, над самыми вершинами, кружится желтый милицейский вертолет. А еще через час в

лагерь въехал милицейский «газик», в котором сидели молодой лейтенант и пожилой сержант с овчаркой.

Фима сумел опять подобраться к директорскому окну и услышать, как лейтенант рассказывал, как сначала они приняли звонок, простите, с сомнением. Но потом к ним позвонил еще один человек, который живет у самого шоссе. И уверял, что видел тигра вчера вечером. А третий сигнал поступил от женщины, которая уверяла, что тигр вторгся к ней в дом и пришлось его выгонять ухватом. Так что проверка будет самая настоящая, а пионерам ни в коем случае нельзя покидать территорию.

Когда лейтенант с директором вышли из домика, собаку и ее проводника тесным кольцом окружили ребята. Лейтенант спросил у ребят, не видели ли они чего подозрительного, а потом отдельно поговорил с Розочкой и Семеновым. Розочка и Семенов были страшно горды тем, что дают настоящие показания настоящему лейтенанту, и пыжились, как жабы. Юлька с Фимой стояли в стороне. Юлька сказала Фиме:

— Теперь ты понимаешь, что пришельцев обязательно найдут.

— Ну что мы можем сделать!

Юлька смерила Фиму презрительным взглядом и спросила:

— Разве мы не обещали помочь?

Юлька отвернулась от него, но уйти не успела, потому что к ней шли директор, лейтенант милиции, а рядом с ними улыбающийся Розочка. Заходящее солнце отражалось в его очках.

— Ты будешь Юля Грибкова? — спросил лейтенант. — Вот тут твой товарищ, который в очках, утверждает, что ты видела хищника, знаешь, где он скрывается, но по причинам необъяснимым не хочешь об этом сказать.

Юля высоко подняла брови.

— Почему? — спросила она.

— А в самом деле — почему? — обратился лейтенант к Розочке.

— У них свои дела, — сказал Розочка.

— Она психованная по части зверей, — поддержал Розочку Семенов. — Она на меня вчера из-за кошки напала, даже увечья нанесла.

— Увечья? — Лейтенант посмотрел на Семенова, но кроме царапины на щеке, заклеенной пластырем, других увечий не нашел.

— Что же она, сумасшедшая, что ли? — громко спросил Фима Королев. — Я с ней в одном классе учусь, но не видел, чтобы она дружила с крокодилами.

— Речь идет о тигре, — сказал лейтенант и тут, видно, подумал, что особой разницы нет. Уж если ты намерен дружить с тигром, то подружишься и с крокодилом.

Лейтенант вдруг улыбнулся — в конце концов, перед ним стояла беленькая девчонка лет десяти — двенадцати и подозревать ее в укрытии тигров он не мог.

— Отлично, — сказал лейтенант. — Спасибо за помощь. Семенихин, бери собаку, пошли. А ты, — он показал на Розочку, — если не боишься, пойдешь с нами, покажешь точно место, где видел зверя.

— Я тоже видел, — сказал быстро Семенов.

— Одного нам хватит, — сказал лейтенант. — Чем меньше народу будет по лесу ходить, тем лучше.

— Правильно, — сказал директор. — Я с вами пойду. Я не имею права отпускать своего пионера.

Лейтенант кивнул. Он понимал директора. И чтобы директор не беспокоился, он похлопал ладонью по кобуре нагана.

— Я согласен, — сказал тихий Розочка, — чтобы вместо меня пошел Семенов. Он лучше знает те места. Я был без очков.

— Спасибо, ты настоящий друг, — сказал храбрый, но глупый Семенов, который решил, что Розочка отказывается от похода ради него.

Розочка скромно наклонил голову. Фима фыркнул: он-то все понял.

Розочка услышал и со злостью поглядел на Фиму и Юльку. И тут, видно, вспомнил. Глядя на ноги Юльке, он сказал тихо, но так, чтобы слышал лейтенант:

— Я вам советую посмотреть на острове, где стоит старый сарай.

— Почему? — спросил лейтенант.

— Там... — Розочка на секунду задумался и продолжал как ни в чем не бывало: — Там вокруг острова особенная черная грязь. Я видел следы тигра, и в них была такая грязь.

Юлька поняла, что наблюдательный Розочка не зря смотрел на ее ноги, когда она вернулась с реки. У нее упало сердце.

— Поглядим,— сказал лейтенант.— Пошли, а то времени до темноты почти не осталось.

Розочка проводил их до ворот лагеря и тут же исчез — не хотел встречаться с Юлькой. Он свое дело сделал.

— Что теперь? — спросил Фима, который понял, что положение осложнилось.

— Надо их предупредить,— сказала Юлька.— Оставайся здесь, я побежала. Задержи Степаныча. Видишь, как он глазами водит, чтобы никто не сбежал.

И Юлька побежала к кухне. Оттуда — к дыре в заборе.

Но, к сожалению, Розочку она недооценила.

Она уже готова была скрыться в кустах, как услышала сзади голос вожатой Лены:

— Грибкова! Юля! Остановись.

Юлька обернулась. Лена бежала к ней, а за ее спиной стоял, улыбаясь, Розочка. Выследил. Догадался.

Если убежать, физкультурник догонит. Это точно. Вот он уже выбегаёт на шум. За ним растерянный Фима. И еще какие-то ребята.

— Я забыла в лесу тапочки, у самого забора,— сказала Юля.— И хотела их взять.

— Но ты же знаешь! — воскликнула Лена.— Что там тигры!

— Неужели вы, взрослый человек,— сказала Юлька, глядя Лене в глаза,— всерьез верите в то, что у нас тут водятся тигры?

— Но ведь не в этом дело...— смутилась Лена.

— А Грибкова хотела тигра предупредить,— сказал Розочка.— У них заговор.

— Ах, Розов, ну что за чепуху ты несешь!— возмутилась Лена, но крепко взяла Юльку за руку и повлекла обратно к домику.

Степаныч наблюдал за этой сценой и не ушел, пока вожатая с непослушной девочкой не отошла от опасной зоны.

То, что всеобщее внимание было отвлечено на Юльку, дало возможность Фиме совершить отважный поступок. Он воспользовался моментом, когда все скрылись за углом кухни, и, пригибаясь, бросился к забору. Пролетел сквозь кусты, проскочил в лес — даже Розочка не заметил, как толстяк ломился сквозь орешник. Больше всего Фима боялся, что его почует розыскная собака и примет за тигра. К счастью, этого не случилось.

И когда он через час благополучно вернулся в лагерь, он отыскал за эстрадой мрачную, готовую разреветься Юльку.

— Ты где был? — спросила Юлька. — Все погибло. А ты в такой момент где-то прячешься. Наверное, обжирался на кухне?

В другой ситуации Фима бы смертельно обиделся. Но тут он был таким героем, что только улыбнулся, как улыбается охотник, убивший медведя, при виде мальчишки с рогаткой.

— Я был там, — сказал он.

— Как? Ты смог?!

— Кто-то должен был это сделать.

— Тогда рассказывай скорее! Их поймали?

— Я вышел к берегу. Я всех обогнал. Они еще то место осматривали, где Семенов тигра спугнул. Я выбежал к реке и закричал, чтобы пришельцы спрятались.

— А они?

— Они молчали.

— А потом? Может, они тебя не слышали?

— Наверное, услышали. Пока я бегал и кричал, слышу, идут с собакой. Я повыше забрался, наблюдал.

— Ну и что?

— Они берег осмотрели. Собака волновалась, даже хвост поджимала. Наше счастье, что собаки говорить не умеют.

— Хоть кто-нибудь из зверей должен не говорить, — заметила Юлька.

— В общем, они заподозрили. Но лодки у них не было.

— И вернулись обратно?

— Нет. Они оказались похитрее. Лейтенант вертолет вызвал. Я сам видел. Вертолет минут через пятнадцать прилетел, спустился у сарая, тут, я тебе скажу, я так переживал, что у меня чуть сердце из груди не выскочило.

— Дальше, дальше...

— Из вертолета вышли двое и побежали к сараю. Потом вышли и прокричали: «Там никого нет!»

Фима вдруг ринулся к углу эстрады и выглянул оттуда.

— Мне показалось, что этот Розочка опять подслушивает.

Юлька нахмурилась:

— Куда же они могли деться?

— Я думаю, — сказал Фима, — что они улетели. Их нашли, подобрали, и они улетели. Так что мы можем спать спокойно... — Он подумал немного, вдруг опечалился и добавил: — А жаль, что никому не расскажешь. Ну кто нам поверит?

По ту сторону эстрады послышался шум. Голоса. Юлька с Фимой поднялись. Оказалось, что вернулась экспедиция.

Когда они подошли поближе, то услышали только последние слова лейтенанта:

— Завтра с утра продолжим. Так что предупреждаю: осторожность и осторожность! Семенихин с собакой остаются у вас. Ужином накормите?

— Накормим,— сказал директор.— А следы на берегу были тигриные?

— Трудно утверждать,— ответил лейтенант.— Следы не свежие. Мало ли какие шутники бывают...

Тогда Юлька обернулась к Фиме и сказала ему тихо, но твердо:

— Готовься.

— К чему? — спросил Фима.

— К побегу.

— Из лагеря? Зачем?

Юлька потянула Фиму за рукав подальше от людей. Уже темнело, пионеры, оживленно обсуждая события и поглядывая на Семенова как на героя — все-таки побывал в лесу, где водятся тигры,— начали тянуться к столовой, на ужин.

— Пойми,— сказала Юлька.— Им некуда деваться. Здесь даже настоящего леса нет. Мы должны их немедленно эвакуировать.

— Если они не улетели.

— Не на чем им улететь! Не найдем — вернемся в лагерь.

— Но куда мы их денем, если найдем?

— Отвезем в Москву.

— А там?

— Спрячем в зоопарк.

— Ты с ума сошла!

— Тигром больше, тигром меньше — кто заметит? К тому же оставаться здесь — значит, ничего не делать. Билетов в Индию здесь не продают. В крайнем случае спрячем их у нас на чердаке.

— Юлька,— сказал Фима.— Ты совершенно не думаешь о последствиях. Ты подумала о наших родителях, о школе, обо всем?..

— Мы позвоним из Москвы в лагерь, чтобы они не волновались.

— Нет, я на эту авантюру не пойду,— твердо произнес Фима.

Твердо он это произнес, потому что не был уверен. Просто мужчины, вопреки распространенному мнению, куда менее

*Вертолет минут через пятнадцать прилетел,
спустился у сарая...*

решительны, чем женщины. Достаточно сказать, что ни из одного мужчины не получилась Жанна д'Арк.

— Сначала ты ужинаешь,— продолжала Юлька,— потом бери куртку, потом ждешь отбоя, потом складываешь свою постель так, чтобы казалось, что ты спишь, потом выходишь к дыре в заборе. И там мы встречаемся.

Сказав так, Юлька пошла в столовую и спокойно поужинала. Фима был буквально потрясен. У него, несмотря на любовь поесть, кусок в рот не шел. А Юля ела. Потом встала из-за стола, собрала за собой посуду и вышла из столовой, ни на кого не глядя. Даже Розочка не смог заподозрить, будто она что-то задумала.

А Фима остаток вечера метался по лагерю, несколько раз встречал Розочку и старался его обойти подальше, заглянул в кино, выскочил оттуда, потом страшно проголодался, потом на него напала сонливость, потом он решил ни в коем случае не убежать из лагеря. Потом понял, что не может не убежать, потому что он первый мужчина на Земле, который встретился с настоящими пришельцами. В конце концов, в половине одиннадцатого, после того как сам директор заглянул в спальню и проверил, все ли пионеры спят, Фима поднялся, накинул куртку, посмотрел, есть ли в кармане деньги, которые ему на всякий случай дала с собой мать и которые пока не понадобились, схватился за живот на случай, если кто-нибудь за ним следит, добежал до уборной, а оттуда, поглядев, не следят ли за ним, ползком и на четвереньках — потому что предательски светила луна — добрался до дыры в заборе. Юлька уже ждала его там. Из темноты донесся ее шепот:

— Я в тебе почти не сомневалась.

Глава седьмая ПУТЕШЕСТВИЕ В МОСКВУ

Надвигался дождь. Даже воздух отсырел, и ночные запахи в лесу стали сильными и пряными. Лес ночью казался куда больше и гуще, чем при свете, и идти пришлось медленнее, чем днем, чтобы не напороться на сук и не споткнуться о корень.

Когда они вышли к реке, луна еще светила, но облака неслись совсем близко от нее, иногда прикрывая ее кисеей, будто желая сожрать, но луне удавалось вырваться на открытое небо.

— Эй! — крикнула Юлька, подойдя к воде. — Это я, выходите!

— Ты что думаешь, они под землю от милиционеров спрятались?

— Придется плыть,— сказала Юлька. Она разулась, попробовала воду. Вода была теплая, парная, так бывает перед дождем.— Жди здесь,— добавила она.

Хотя Фима с ней и не спорил.

Юлька надеялась, что пришельцы, если им удалось убежать с острова, оставили там какой-нибудь знак. Но в сарае она ничего не нашла. Там было пусто, темно, кто-то маленький шуршал в сене. Тишина была такая, что Юлька услышала, как ворчит себе под нос Фима, как далеко-далеко плеснула рыба. Юлька обошла остров — лодки нигде не было.

— Фима,— сказала она негромко, вернувшись к протоке.— Их нет.

— А я что говорил?

— Не кричи. Тебя в лагере услышат. Лодки тоже нет.

— Ты что думаешь, твой питон грести научился?

— Но как-то они с острова ушли. Может, их похитили?

— Давай вернемся в лагерь, а? — сказал Фима жалким голосом.— Если они не улетели, то завтра мы их обязательно найдем.

— Завтра их найдут без нас,— сказала Юлька.

Ей не хотелось уходить с острова, хотя она понимала, что делать там нечего. Фима переминался с ноги на ногу.

И вдруг Юлька услышала, как плещет весло.

Она посмотрела вверх по течению и увидела странную картину.

В дорожке лунного света плыла лодка. На корме ее сидел, свернувшись, огромный питон, а греб тигр, сидя по-человечески, хоть и было ему это делать неудобно. И пусть Юлька отлично знала, что тигр — это не тигр, хоть она и очень обрадовалась, что видит вновь пришельцев, все равно от такого дикого зрелища Юлька рассмеялась и долго не могла остановиться.

Транкверри-Транкверри лихо врезался носом лодки в берег, а питон радостно покачал треугольной головой.

— Мы уж не надеялись вас еще раз увидеть! — сообщил он.

— Мы тоже, — сказал Фима с того берега.

Юлька оттолкнула лодку, прыгнула в нее, чтобы вернуться к Фиме — там ведь осталась ее одежда, — и спросила:

— Может, вас сменить на веслах?

— Я привык, — скромно ответил тигр. — В этом даже есть некоторое удовольствие.

— Как же вы смогли спрятаться? — спросила Юлька.

— Спасибо нашему другу, — ответил питон. — Он своими предупредительными криками насторожил нас, и мы ушли с острова на лодке, так как остров стал для нас как тюрьма. Мы прятались на том берегу.

— Да, — сказал Фима, польщенный тем, что именно он спас пришельцев, — лучше бы вас сделали муравьями. Или кротами.

— И нас бы съел любой, кто хочет, — проворчал тигр. — Или наступил на голова.

— На голову, — поправила его автоматически Юлька.

Тигр громко фыркнул:

— Меня не готовили для беседы с русским туземцами. Вот приедем в Индию, увидишь, как мы умеет знать язык хинди.

Юлька вышла из лодки и сказала, одеваясь:

— Сначала пускай Фима перевезет на дальний берег тигра. А мы подождем здесь. Только скорее.

— Что вы придумали? — с надеждой спросил питон. — Есть надежда?

— Фима, каждая минута на счету. Ты понимаешь?

— Слушаюсь, капитан, — ответил Фима, который понял, что в лагерь вернуться не удастся.

Когда лодка с тигром и Фимой отплыла, Юлька сказала питону:

— Мы убежали из лагеря для того, чтобы перевезти вас в Москву.

— Убежали? — не понял питон. — Зачем?

— Как вам объяснить? Летний лагерь — это место, куда собирают детей, чтобы они отдохали на свежем воздухе. Но взрослые люди, которые их кормят и развлекают, отвечают за то, чтобы дети вернулись домой в назначенный срок, когда их ждут родите-

ли. И если кто-то из детей убежит раньше времени, все будут беспокоиться и сердиться.

— Ясно,— сказал питон.— Особенно, если в лесу завелись тигры.

Юльке казалось, что время тянется страшно медленно. Уже глубокая ночь, а Фима все не возвращается. Она ходила по берегу, а питон медленно поворачивал голову ей вслед.

— Мы благодарны вам,— сказал он наконец.— Вы не знали нас, вы изъявили чувство помощи. Я понятно говорю?

— Не обращайтесь внимания,— ответила Юлька.

— Я буду рад, если вы приедете к нам в гости,— сказал питон.

— Спасибо.

Юлька прислушалась. Вроде бы лодка возвращается.

— Вы куда хотите нас спрятать? — спросил питон.

— Мы хотим вернуться в Москву.

— В большой город?

— В большом городе иногда легче спрятаться, чем в лесу.

Сзади зашуршали листья. Юлька обернулась и сказала:

— Попался, Розочка! Ты нас хотел выследить!

Она кинулась в кусты. Тяжелая ночная птица, хлопая крыльями, поднялась в небо.

— У вас тоже расшатались нервы,— сообщил Юльке питон.— Простите, что я вмешиваюсь.

— Вы не представляете, какой Розочка коварный,— сказала Юлька.— А вот и Фима. Скорее!

На том берегу они оставили лодку и прошли узкой дорожкой до шоссе. Было уже совсем поздно, редкие машины появлялись из-за дальнего поворота, слепили фарами и пролетали мимо. Тигр ежился, ему было холодно. Поднялся ветер.

— Останавливать будем грузовик,— сказала Юлька.

— Ясно, что не «жигуленок»,— съехидничал Фима.

Начал накрапывать дождь.

— Мы вам доверяем,— сказал питон, словно хотел убедить себя в этом.

— Нам нечего терять,— ответил тигр, который сидел в кювете, чтобы его случайно не осветило фарами.

При виде машины, идущей в сторону Москвы, Юлька поднимала руку, Фима стоял рядом и чуть сзади.

И бывает же такое невезение: первым остановился «жигуленок». И не просто «жигуленок», а милицейский патрульный автомобиль. Юлька сообразила, что это самый нежелательный из всех возможных вариантов, только когда, резко затормозив, «жигуленок» встал возле нее и оттуда высунулся лейтенант, именно тот, который приезжал в лагерь. Юлька не знала, что лейтенант спешил в Москву, чтобы согласовать операцию по поимке тигра, которую хотели начать с утра. Он должен был взять в Москве одного профессора, специалиста по тигриным повадкам, который только что вернулся из Индии и даже не успел распаковать чемоданы.

— Вы что здесь делаете, ребята? — спросил лейтенант. — А ну-ка быстро в машину! В этом лесу находиться опасно. — И он, откинувшись назад, открыл заднюю дверцу, чтобы ребятам было удобнее забраться в машину.

Момент был критический. Юлька даже сделала шаг к машине, потому что люди всегда слушаются лейтенантов милиции, которые хотят их защитить от диких зверей или еще каких опасностей. Спас всех Фима — иногда в ответственные моменты его голова начинала работать, как вычислительная машина.

— Спасибо, товарищ лейтенант, — сказал он веселым голосом. — Произошла ошибка. Мы думали, что это наша машина.

— Какая ваша машина? — спросил лейтенант.

Юлька молчала, отвернувшись. Сейчас лейтенант присмотрится и узнает ее. Хоть бы луна спряталась.

— Папа, — объяснил Фима, — поехал в Стуково запаску поменять в машине. А мы, все остальные — мама, сестра, дядя, старший брат и дедушка, — ждем, когда он вернется.

— А где они — мама, дедушка?..

— Они в лесу.

— А ну, зови их всех из леса! И побыстрее. В лесу сегодня нельзя оставаться. А я подожду.

— А почему нельзя в лесу? — невинно спросил Фима.

— Нельзя, и все тут, — ответил лейтенант, который совсем не хотел поднимать панику. — На змею наступить можно.

— Ага, понимаю, — сказал Фима. — На змею.

Он кинул незаметно взгляд назад — но змея надежно пряталась в кювете. А вот спину тигра, если вылезти из машины, лейтенант обязательно увидит.

Но тут сзади показались огни еще одной машины.

С криком:

— Папа! Папа едет! — Фима побежал по шоссе навстречу машине.

К счастью, машина остановилась. И достаточно далеко от лейтенанта.

Юлька видела, как Фима подбежал к машине, сунул голову в окно, потом выпрямился, обернулся к лейтенанту, который все еще не уезжал, и крикнул:

— Все в порядке! Спасибо!

— Ну ладно, — сказал лейтенант и кивнул шоферу.

Милицейский «жигуленок» рванул с места и умчался. Потом Фима помахал рукой второй остановившейся машине, и она поехала вслед за лейтенантом.

У Юльки коленки ослабли. Она опустилась на траву. Фима вернулся к ней. Даже в темноте было видно, как он сияет, гордый своей хитростью.

— Ты что тому шоферу сказал? — спросила Юлька.

— Ничего особенного. Я спросил его, эта дорога на Москву или нет. И сколько до поворота на Стуково. Вот он мне и стал объяснять. Из кювета послышался горький и тяжелый вздох.

— Что случилось? — спросила Юлька.

— Ничего, — ответил тигр. — Я думаю, что нам лучше отказаться от нашей цели и сдать властям.

— А закон Галактики? — спросила Юлька.

— Кому нужен закон, из-за которого хорошие, расположенные к нам люди должны лгать? Ложь — самое ужасное преступление в Галактике. Я представляю, какие муки приходится терпеть Фиме, когда он лжет ради нас. Нет, я этого не вынесу!

Юлька почувствовала, что Фима уже открывает рот, чтобы ответить, и со всей силы наступила ему на ногу.

— Ты чего? — удивился Фима.

— Если ты им скажешь, что ложь — не самое страшное преступление и что ты это делаешь даже по пустякам, они потеряют к нам всякое уважение. И к Земле в целом, — прошептала Юлька.

— Ага, — ответил Фима. — Понимаю. Но ведь здорово у меня получилось?

Юлька не ответила. Она увидела, что по шоссе на них несутся два больших, широко расставленных глаза. Это шел грузовик.

Грузовик остановился. Фургон. И пустой. И водитель согласился довезти до Москвы. И согласился, чтобы Юлька ехала в кабине, а Фима в кузове. И даже сам не стал вылезать из кабины, пока Фима и звери устраивались под брезентом, и всю дорогу до Москвы пел песни, и подвез их к самому дому, и даже денег не взял — бывает такое везение!

Глава восьмая БАБУШКА, Я НЕ ОДНА!

Грузовик остановился у арки, ведущей во двор Юлькиного дома. Юлька не спешила выйти. Она так долго благодарила шофера, что тот растрогался и подарил на прощанье Юльке календарик с олимпийским Мишкой. Но вот машина вздрогнула, освобождаясь от веса — это выпрыгнули звери и Фима. Грузовик уехал.

Фима пожал лапу тигру, поклонился питону.

— Ни пуха ни пера,— сказал он.— Может, мне с тобой подняться?

— Нет уж, я сама.

Звери шли по лестнице тихо, стеснялись, понимали, что момент наступает ответственный. Их тоже мучила неизвестность.

Юлька позвонила в квартиру, сделав знак прищельцам, чтобы стояли в стороне, не совались раньше времени.

Бабушка долго не открывала. Бабушка сломала зимой ногу и с тех пор ходила с палкой.

— Кто там? — раздался наконец голос за дверью.

— Это я, Юля.

— Юля? — Бабушка начала возиться с замком.— Ты почему так поздно?

Дверь приоткрылась.

Бабушка взгляделась — и вправду Юля.

— Заходи. Я тебя так рано не ждала. Ты должна была послезавтра приехать. Что-нибудь случилось?

— Ничего не случилось, бабушка,— сказала Юлька.— Я вернулась.

— Ничего не понимаю,— сказала бабушка.— А я была уверена, что ты в лагере. Чего стоишь?.. Заходи, заходи.

Звери шли по лестнице тихо, стеснялись, понимали, что момент наступает ответственный. Их тоже мучила неизвестность.

— Бабушка, пожалуйста, не пугайся и не сердись. Со мной мои друзья. Им нужно переночевать.

— Приезжие? — спросила бабушка. Она так соскучилась одна в квартире, что готова была принять любых гостей.

— Бабушка, обещай мне не пугаться, — попросила Юлька.

— Меня трудно испугать, — сообщила бабушка. — Зови гостей.

— А ты не выгонишь их из дома?

— Если они не очень пьяные, то обещаю, — сказала бабушка. —

Вы что, сбежали из лагеря?

— Похоже?

— Очень похоже. Веди гостей. Хватит стоять у двери.

— Заходите, — сказала Юлька пришельцам.

Она отступила в сторону, чтобы пришельцам было легче войти в дверь.

Сначала вошел тигр. Он задержался в дверях, поклонился бабушке и сказал:

— Добрый вечер, извините за беспокойство.

Бабушка заметно побледнела. Она оторвала палку от пола, словно хотела отогнать ею тигра, и тигр тут же поджал хвост, сделал шаг назад и печально произнес уже с лестничной площадки:

— Ну вот, опять! То кочерга, то палка! Что за манеры...

Юлька попыталась прикрыть собой тигра и быстро сказала:

— Бабушка, профессор Транкверри-Транкверри совсем не тот, кем он тебе кажется. Он прилетел к нам на Землю в экспедицию и только похож на тигра.

— Похож? — спросила бабушка. — А тебе обязательно его домой приводить?

— Совершенно обязательно. И ты должна нам помочь: скажи на милость, где мне спрятать человека, похожего на тигра, если каждая бабушка вроде тебя сразу бросается на него с палкой?

— Юля, я ни на кого не кидаюсь, — ответила бабушка. — Но мне странно, куда ты катишься. Сегодня ты приведешь домой тигра, а завтра притащишь удава? Анаконду? Чего мне ждать?

— Ты же сама учила меня любить животных. К тому же они не животные. Тебе когда-нибудь раньше приходилось разговаривать с тигром? Тигры у тебя раньше просили прощения?

— Я вообще с тиграми предпочитаю не разговаривать! — сказала бабушка. — У меня есть с кем поговорить!

— А зря! — сказал тигр из-за двери.— У меня есть что рассказать! И на нескольких языках. Же конпран па? Ду ю андерстенд ми? Яволь.

— С ума сойти,— сказала бабушка, и в этот момент сверху слышался страшный, нечеловеческий визг.

Юлька метнулась было на лестницу, но ее сшиб с ног перепуганный тигр, который кинулся в квартиру и умудрился одним прыжком взлететь на шкаф в прихожей, а между ее ног в коридор проскользнул питон, к счастью, не сваливший бабушку. Падая, Юлька успела увидеть, что на лестнице, пролетом выше, стоит, прижав к животу портфель, общественник Крамаренко и кричит:

— Зарезали! Убили!

— Стыдно! — сказала Юлька, поднявшись на ноги и закрывая дверь.— Кто вас зарезал? Кто вас убил? Вы совершенно здоровый, только трусливый человек.

С этими словами Юлька захлопнула дверь и услышала с лестницы приглушенный крик:

— Я так не оставлю! Я буду жаловаться!

Юлька обернулась.

Бабушка уже прошла в комнату, тигр мягко спрыгнул со шкафа и прижался к стене небольшой прихожей, заполнив собой все свободное пространство, а питон спокойно дополз вслед за бабушкой до двери в комнату, постучал треугольной головой о раму двери и сказал своим воспитанным мягким голосом:

— Вы неправы, Мария Михайловна. Если наш облик наводит вас на атавистические аналогии, винить следует не нас, а ваше воспитание.

— Еще чего не хватало! — отозвалась бабушка из своей комнаты.— Он меня будет учить в моем доме! Разве я не видела, как ты на шкаф прыгнул? Стыдно подумать!

— Я не прыгал на шкаф,— возразил питон.— Прыгнул мой коллега, который находился в стрессе. Он не любит, когда на него машут кочергой. Он выдающийся мыслитель нашей планеты.

При этих словах бабушка соблаговолила повернуться к питону, и ей стоило большого труда не упасть в обморок.

— Раньше Юля таскала домой лягушек,— с тоской сказала она.

— Только большая нужда,— ответил питон,— заставила нас обратиться к вашей великодушной помощи. Вы разрешите войти в комнату, чтобы объяснить вам ситуацию?

— А Юля где? — вместо ответа спросила бабушка. — Вы ее там не съели?

— Нет, — ответила Юля. — Мои друзья — вегетарианцы.

В этот момент в дверь позвонили.

— Это, наверное, Фимка вернулся, — сказала Юля.

— погоди, — ответила бабушка. — Я не хочу попадать в нелепое положение. Я сама открою.

Бабушка смело проковыляла мимо питона, который прижал шею к стене, чтобы не коснуться бабушки, кинула взгляд на тигра, пятывшегося в ванную, и медленно прошествовала к двери.

— Кто там? — спросила она.

— Извините, — раздался из-за двери незнакомый голос. — Нам сказали... нам сообщили...

— Тигры! — донесся голос общественника Крамаренко. — Тигры. Чуть меня не съели.

Бабушка спокойно открыла дверь.

Там стояли две девушки с красными повязками дружинниц и за ними, отступя, общественник Крамаренко.

— Простите, пожалуйста, — сказала одна из девушек, ростом чуть повыше Юли. — Этот человек нас остановил... Он сказал, что в дом ворвался тигр. Извините, если мы ошиблись.

— Ничего, — сказала бабушка. — Как вы видите, тигр здесь бы не поместился. Квартира у нас небольшая, даже собаки не держим.

— Значит, вам не угрожали? — спросила вторая дружинница.

— Кто мне будет угрожать! — сказала бабушка. — К тому же ко мне приехали гости издалека, и они не пропустят ко мне никаких тигров. Но если вы хотите убедиться, заходите, только вытрите ноги.

— Ну что вы, — совсем уж смутились дружинницы. — Мы за вас беспокоились...

Юлька обернулась и увидела, что из дверей ванной торчит конец тигриного хвоста. Она отступила так, чтобы закрыть собой эту улику, но дружинницы уже исчезли.

— Ой, спасибо, бабушка! — сказала Юлька, когда дверь закрылась. — Ты нас буквально спасла.

— А теперь, — сказала бабушка, — пошли ко мне в комнату и постарайтесь рассказать мне все по порядку, только не пугайте. Я пожилой человек, и нервы у меня далеко не такие, как прежде.

*...пришельцы из вежливости выпили с бабушкой чаю
и послушали некоторые из ее рассказов о прошлом.*

Это удалось сделать не сразу, потому что тигр прятался в ванне, а там лежало мокрое белье, и, прежде чем начался разговор, тигру от бабушки сильно влетело, хоть он и был профессор с другой планеты.

Потом бабушка сама позвонила в лагерь, чтобы там не волновались, куда делись ребята, велела Юльке приготовить чай, и прищельцы из вежливости выпили с бабушкой чаю и послушали некоторые из ее рассказов о прошлом. Все было хорошо, только, когда пошли спать, бабушка попросила гостей закрыться в комнате Юлькиных родителей, потому что ей не хотелось бы проснуться ночью и увидеть в темноте глаза или хвост уважаемого Транкверри-Транкверри.

Уходя спать, питон сказал Юльке шепотом:

— Твоя бабушка — достойный представитель космического братства.

— По крайней мере, она могла вести себя хуже, много хуже, — почти согласился с питоном тигр. — Хотя я не представляю, как мы доберемся до Индии.

— Бабушка придумает, — сказала Юлька. — У нее богатый жизненный опыт. Вы зубы чистить перед сном будете?

Глава девятая СЕГОДНЯ И ЕЖЕДНЕВНО

Утром Юлька бессовестно проспала. Когда вскочила, подумала, что пропустила зарядку, потом увидела напротив знакомую картинку на стене и сразу все вспомнила. Прислушалась. Из бабушкиной комнаты доносились тихие голоса. Юлька вскочила, на цыпочках добежала до двери и выглянула. В коридоре пусто. Дверь к бабушке приоткрыта. Что там?

Юлька еле сдержала крик ужаса.

Она увидела, как прищельцы пожирают бабушку.

Юлька распахнула дверь. И только тогда сообразила, что бабушку никто не пожирает. Тигр, сидя на полу, осторожно трогает своими лапищами бабушкино больное колено, а питон склонил к бабушке плоскую голову и что-то бормочет на своем языке. А ба-

бушка — надо же! — покорно полулежит на диване и совершенно не возражает против такого с ней обращения.

— Юля,— сказала бабушка, увидев, что ее внучка вбежала в комнату.— Не беспокойся, лишняя консультация не помешает. Ты же знаешь, что я совершенно разуверилась в нашей районной поликлинике. Пойди пока приготовь завтрак.

Юля поставила чайник и тут же вернулась в комнату. Скорость, с которой бабушка привыкла к тому, что у нее в доме живут пришельцы, была удивительной. Все-таки Юлька бабушку недооценивала.

— Можно,— сказал тигр в тот момент, когда Юлька вернулась в комнату.— Я убежден, что наше средство вам не повредит. Если вы, конечно, не возражаете.

— А что вы хотите ей дать? — спросила Юлька.

— Когда нам сделали эти земные тела,— сказал питон,— то выдали с собой аптечку. Мало ли что может случиться. И аптечка эта рассчитана именно на земных жителей. В том числе в ней есть средства от ожогов, от переломов и от насморка...

— А что это за средство?

Тигр провел лапой себе по животу, и обнаружилось, что на животе у него есть карман, как у кенгуру, только закрытый на молнию. Тигр запустил в карман лапу, достал оттуда нечто похожее на тюбик, выжал немного желтого снадобья себе на ладонь и начал растирать бабушке колено.

— Горячо,— сказала бабушка.

— Это хорошо,— сказал питон.— Это великолепно. А теперь вам надо будет полежать.

Тигр кончил массаж, прикрыл бабушку пледом и, как будто всю жизнь прожил в доме Грибковых, отправился в ванную мыть лапы. При своих размерах он все же был ловок и ничего не разбил.

— Юля! — раздался бабушкин голос из комнаты.— Что ты намерена делать сегодня?

— Еще не придумала,— сказала Юля.

— Тогда дай мне телефон и записную книжку.

Юля принесла все, даже не забыла про очки.

— Спасибо,— сказала бабушка,— теперь возьми деньги в сумке и отправляйся в магазин. Молока купишь четыре литра, пять десятков яиц, хлеба — восемь батонков...

— Бабушка!

— Мы не одни. У нас гости. И я сегодня с утра уже выяснила их вкусы. При всей их скромности, они должны питаться... Иди!

На обратном пути из магазина, с трудом волоча сумки, Юлька встретила Фиму, который ошивался возле ее дома, но не решался войти в подъезд, не зная, как прошла встреча бабушки с пришельцами. Он помог Юльке втащить сумки наверх, а потом уселся завтракать вместе с пришельцами и съел ровно столько, сколько и питон. Питон ограничивал себя в еде, а Фима — нет.

А тигр только пил молоко.

Бабушка все не вставала, Юлька принесла ей кофе на диван и спросила:

— Ты ничего не придумала?

— Мне должны позвонить,— ответила бабушка.— И, может быть, тебе придется съездить в одно место.

— Ой, скажи, куда?

— Подожди, не торопись. А знаешь, нога совсем не ноет. Может, мне встать? Где палка?

— Подождите.— Питон вполз в комнату и, сворачиваясь кольцами, взобрался в кресло, которое просело под его весом.— Куда вам спешить?

Зазвонил телефон. Бабушка подняла трубку.

— Это ты, Николай? — сказала она.— Ну, и что ты узнал? Так. Ясновы? Отлично. Ты уверен?.. А где можно точнее узнать? Они в Москве?.. Ты уверен, что не в Хабаровске?.. Спасибо, Коля. Привет внукам.— Бабушка положила трубку на рычаг.

— Тебе из зоопарка звонили? — спросила Юлька.

— В зоопарке нет билетов в Индию,— ответила бабушка.— Мне звонили из Министерства культуры. Теперь слушай внимательно и раз в жизни постарайся сделать так, как тебе говорят старшие.

— Я всегда стараюсь,— сказала Юлька.

— Что-то не видно. В общем, сейчас ты едешь на Цветной бульвар. Там ты находишь Ясных. У них сейчас репетиция. Ты смотришь репетицию и принимаешь решение.

Бабушка говорила командным голосом — она редко его употребляла. Но дело в том, что во время войны бабушка была десантницей и ее три раза забрасывали в тыл врага.

— Какую репетицию? — спросил Фима.— В цирке?

Бабушка кивнула.

— Я сразу догадался,— сказал Фима.— Эта мысль пришла ко мне еще ночью. «Где бывают тигры»,— подумал я. И ответил сам себе: «В цирке».

— И что? — спросила Юлька, которая еще ничего не поняла.

— Мы отдаем пришельцев в цирк. Они там живут спокойно, работают как дрессированные звери — где-то им жить надо! А в зоопарке, я вам скажу, просто унижительно.

— Как там работать? — крикнул из кухни тигр, который мыл посуду.

— Представлять,— ответил Фима.— Ходить на задних лапах. Брать в зубы голову дрессировщика...

— Никогда,— сказал тигр.— Лучше смерть!

— По-моему, можно будет обойтись без этого,— сказала бабушка.— Но многое будет зависеть от Юли. Попробуй сначала поговорить с кем-нибудь из молодых Ясных — там целая семья дрессировщиков. Я на тебя надеюсь.

Через полчаса Юлька в сопровождении Фимы, от которого избавиться не удалось, уже была у старого цирка. Оказалось, что Фиму она взяла не зря, потому что именно он отыскал служебный вход, который никто не охранял, и они оказались в пропахших звериным и особым цирковым запахом коридорах и пробрались к странно выглядевшей утренней, рабочей арене в тот момент, когда рабочие ставили там металлические загородки. И тот же Фима обыкновенным голосом спросил у одного из рабочих: «Ясны здесь работают?» — и тот ничуть не удивился присутствию за кулисами чужого мальчика и ответил: «Видишь же, для них ставим».

Задние ряды зала скрывались в полумраке. Юлька с Фимой поднялись туда и стали смотреть сверху, как репетируют дрессировщики.

Сначала на арену вышел пожилой мужчина в обычном тренировочном костюме и подал сигнал. По крытому проходу на арену вышли звери. Шли они не спеша, словно знали, что предстоит не представление, а репетиция.

Фима считал зверей:

— Львов три, не так много... ага, тигр и пантера... вот с пантерой я бы работать не хотел, у них очень злобный характер. Да, жаль, что у них уже есть тигр.

В круглую клетку, где звери лениво рассаживались по тумбам, вошла молодая женщина, круглолицая и курносая. Она подходила к зверям и что-то им говорила. Мужчина внимательно следил за ней.

— Ты знаешь, я сейчас больше волнуюсь,— сказала Юлька,— чем на представлении.

— А ты не волнуйся,— услышала она голос сзади.

Юлька обернулась. В следующем ряду сидел парень лет двенадцати с таким же круглым и курносым лицом, как у девушки на арене.

— Почему? — спросила Юлька осторожно.

— Она зверей чувствует,— сказал парень.— Седьмым чувством. Отец говорит, что со временем сдаст ей номер. Тогда и я буду там работать.

— А ты Яснов? — спросила Юлька.

— Вот именно. А ты чего сюда пришла? Директорская знакомая?

— Ничего подобного,— вмешался Фима.— У нас есть тигр, и мы хотим его сюда отдать.

— Помолчи! — огрызнулась Юлька.

Но было уже поздно.

— Тигр? — улыбнулся парнишка.— И где же он, в кармане у тебя?

— Что я, вру, да? — Фима повысил голос и поднялся.

— Врешь,— спокойно сказал парнишка.

— Это я вру? — закричал Фима.

Старший Яснов сказал одному из ассистентов, который стоял снаружи, держа наготове шланг:

— Валерий, выгони детей из зала. Звери нервничают.

— Фима! — почти заплакала Юлька.

— Он меня назвал вруном! — Фима совершенно потерял рассудок и пытался наброситься на младшего Яснова.

Так что Валерию с помощью Юльки пришлось буквально выносить Фиму из зала.

И когда изгнанные из цирка друзья оказались на залитой солнцем оживленной улице возле Центрального рынка, Фима наконец опомнился, но продолжал ворчать:

— Он сам на меня напал! Он меня вывел из себя...

— Знаешь что,— сказала Юлька,— пойди куда-нибудь пообедай, отдохни. Видеть тебя не хочу.

— Я же как лучше...

— Уходи. Эгоист. Для тебя важнее собственные переживания, а ради чего мы сюда пришли, ты забыл.

— Я ему правду сказал. Я хотел ему нашего тигра отдать...

— Уходи,— повторила Юлька, повернулась и пошла в другую сторону. Потом оглянулась.

Фима раздумывал, потом достал из кармана свою заветную денежку и, видно, решил последовать Юлькиному совету.

Когда Фима скрылся из глаз, Юлька вернулась к цирку.

Ждать пришлось долго. Два с лишним часа. Но Юлька — человек упрямый. Она не отходила даже попить воды.

Наконец из служебной двери выбежал младший Яснов. Юлька догнала его у киоска с мороженым на бульваре. Она подождала, пока он купил мороженое, сама она, к сожалению, позволить себе этого не могла, потому что не взяла из дома денег. Яснов отошел к скамейке, сел, вытянул ноги и развернул обертку. Юлька сглотнула слюну, слюна была густая, словно Юлька целый день шла через пустыню.

— Яснов,— сказала она.— Не обижайся на моего друга. Он сказал правду. Только очень глупо сказал.

— Привет! — удивился Яснов-младший.— Явление новое. А ты чего за мной ходишь?

— Хочу поговорить с тобой серьезно.

— Любопытно,— сказал Яснов.— Валяй.

— Я тебе кажусь сумасшедшей? — спросила Юлька.

— Я не врач, откуда мне знать?

— Ты фантастику любишь?

— Люблю. Ты только побыстрее говори, а то мне на репетицию возвращаться пора.

— Пять минут, и я все расскажу.

— Ни минуты больше.

И Юлька все рассказала будущему дрессировщику.

*Тигр тоже изобразил на морде что-то вроде улыбки и сказал:
— Не кусаемся.*

И дрессировщик Яснов Семен Семенович решил поверить Юльке, потому что ему было очень интересно.

И еще через час они вошли в Юлькину квартиру.

Дверь им открыл тигр.

За спиной тигра стояла бабушка без палки и держала в обеих руках по тарелке.

Бабушка не удивилась гостям, а сказала, улыбаясь:

— Все-таки посуду он моет неудовлетворительно.

Яснов в квартиру не входил. Он смотрел на тигра. Тигр смотрел на него. Юлька смотрела на бабушку. Первой заговорила Юлька.

— Где твоя палка? — спросила она.

— Зачем мне палка? — удивилась бабушка. Потом она посмотрела на удивленное курносое лицо Яснова и добавила: — Вы, очевидно, из цирка? Заходите. Мы не кусаемся.

Тигр тоже изобразил на морде что-то вроде улыбки и сказал:

— Не кусаемся.

Тогда Яснов окончательно поверил в то, что бывают чудеса и пришельцы, и сказал тигру:

— Здравствуйте.

Всю его цирковую самоуверенность как рукой сняло.

И тем более он стал скромным, когда из ванной высунулась голова громадного питона и питон сказал:

— К сожалению, не могу подать вам руки за неимением такой.

Глава десятая ИСПЫТАНИЕ

— Верочка, ты сошла с ума, — уверенно заявил Семен Семенович Яснов-старший. — Я тебя не хочу слушать. Мы уезжаем на заграничные гастроли, а ты предлагаешь взять в номер непроверенного зверя.

— Он работал. Я же тебе говорю, что он работал, — настаивала Верочка Яснова.

— Он работает изумительно, — сказал Семен Яснов-младший. — Я беру его под свою ответственность.

— Это удивительно умный зверь,— подтвердила бабушка.— Я его рекомендую.

— Нет,— сказал Яснов окончательно.

И вышел из комнаты.

— Жаль, если все сорвется на этом этапе,— вздохнула бабушка, подходя к окну. Ходила она легко, сама не уставала удивляться.— Меня так и подмывало ему сказать, что тигр разбирается в медицине лучше, чем наши врачи.

— Тогда бы он вызвал «скорую помощь»,— сказала Верочка.— Наш папа — консерватор. Он не верит в медицинские познания тигров.— Может, подменим? — спросила Юлька.

— Отец узнает,— сказал Яснов-младший.— Он всех зверей в лицо знает. Скандал получится — весь цирк разлетится.

Этот разговор происходил в комнате цирковой гостиницы. Казалось бы, все наладилось. Бабушкина информация была правильной: Ясновы уезжали на гастроли в Индию, Вера и Сема Ясновы, познакомившись с пришельцами, стали их горячими сторонниками, даже уважаемый Транкверри-Транкверри после часового спора и скандала согласился выступить на арене, изображая самого обыкновенного талантливое дрессированного зверя. И вдруг неодолимое препятствие со стороны Янова-старшего.

— Ну что же,— сказал тогда Яснов-младший.— Я пойду на преступление.

— На какое? — спросила Вера.

— Я дам Акбару слабительное.

— Чепуха,— возразила Вера, но не очень уверенно.— Чепуха...

— У нас есть другой выход? — спросил Сема.

— Надо подумать.

— Вы хотите прямо сегодня? — спросила бабушка.

— Завтра будет поздно. Через два дня гастроли кончаются,— ответила Верочка.— Мы выезжаем в Одессу, к пароходу. Если сегодня отец не примет нашего тигра, другого шанса не будет.

— Понимаю,— сказала Юлька.— Я читала об этом в биографии какого-то артиста. Ему все не давали роли, не давали, пока не заболел самый главный артист. Тогда режиссер спросил: «Кто знает роль?» И наш герой ответил: «Я знаю!» И прославился в один день.

— А как же с питоном? — спросила бабушка.

— Я с ним говорила,— ответила Верочка.— Он согласен ехать в Индию в ящике. В багаже. Вместо витаминов. В случае чего скажем, что это — реквизит.

— Значит, начинаем операцию «Тигр»,— подвела итог Юлька.— Кто что в ней будет делать?

— Я устраиваю Акбару выходной день,— произнес Сема.

— Я достаю в цирке клетку и фургон, чтобы привезти вашего тигра,— сказала Вера.

— Я беру на себя директора цирка,— решила бабушка.— Он когда-то был женихом моей покойной сестры.

— А я буду уговаривать Транкверри-Транкверри,— сказала Юлька.— Я представляю, как он оскорбится, если узнает, что ему придется проехать через весь город в клетке.

— И как он испугается, когда узнает, что ему придется провести столько времени среди хищников. Ведь он не отличается храбростью,— сказала бабушка.

На этом военный совет закончился, и его участники разъехались.

К началу вечернего представления сделано было вот что.

Сема Яснов дал тигру Акбару слабительного, и тот занемог животом, лег на пол клетки и отказался от всякого общения с человечеством.

Верочка Яснова не только приехала за пришельцем с фургоном, но и успела по дороге в цирк провести с Транкверри-Транкверри воспитательную беседу и объяснить ему, что надо будет делать на арене.

Юлька ехала в фургоне вместе с ними и все время напоминала взволнованному пришельцу, что от его поведения зависит судьба межзвездной экспедиции.

Бабушка приехала в цирк заранее и уселась в директорской ложе, чтобы подбодрить пришельца, если будет нужно.

Один Яснов-старший ничего не знал. Он допоздна оформлял документы на выезд своей группы и потому приехал перед самым началом представления, чтобы успеть переодеться. Он не очень беспокоился, потому что привык доверять своей старшей дочери.

И вот началось второе отделение.

Заиграл оркестр, за круглую решетку, которой была окружена арена, упали лучи прожектора, и зрители захлопали в ладоши. Юлька сидела во втором ряду, рядом с Фимой, которого она простила.

Затем в освещенный круг вышел Яснов-старший в черном костюме, и рядом с ним возникла тоненькая курносая Верочка в сверкающем платье.

Сема был там, за кулисами. Он вместе с ассистентами выпускал животных.

Оркестр замолк. Стало так тихо, что заложило уши.

И в этой тишине по крытому проходу из-за кулис на арену выбежали один за другим четыре льва, потом черная пантера, а потом, после короткой паузы, вышел тигр.

Вдруг все звери насторожились.

Они почувствовали чужака.

Пантера даже прижалась к полу и начала бить по земле кончиком хвоста.

И тут Транкверри-Транкверри, вспомнив инструкции Верочки, разинул свою огромную пасть, показал пантере клыки и так шумно и страшно зевнул, что пантера сама бросилась на тумбу, как побитая кошка.

Тигр посмотрел, склонив голову, на Яснова.

Яснов на тигра.

Юлька отлично видела, как дрогнули губы дрессировщика. Он еще не понял, в чем дело, но уже сообразил, что происходит что-то неладное.

— Папа,— услышала тут Юлька тихий голос Верочки.— Все в порядке.

— Только бы он не отменил номер! — шептала Юлька.— Только бы не взбунтовался. Он сейчас куда страшнее всех зверей, вместе взятых.

А что будет делать пришелец? Не испугается ли? Не возмутится?

Но тигр закрыл пасть, вежливо наклонил голову, здороваясь с Ясновым, и прошел на свободную тумбу. Прыгнул на нее и сел, поглядывая на Верочку.

— Молодец! — воскликнула молодая дрессировщица. Не сдержалась.

И при этом развела руки в стороны, как бы представляя зверей зрителям. Грянули аплодисменты. Хмурый Яснов тоже поклонился — он был на работе. И Юлька поняла, что номер уже не будет отменен. Теперь все будет зависеть от того, как пришелец справится со своей ролью. Юлька поглядела в сторону директор-

*Но тигр закрыл пасть, вежливо наклонил голову,
здороваясь с Ясновым, и прошел на свободную тумбу.
Прыгнул на нее и сел, поглядывая на Верочку.*

ской ложи. Там сидел седой директор, рядом с ним бабушка, которая напряженно улыбалась.

Верочка взяла в руку большой обруч и подняла его. Старший Яснот не отрывал взгляда от подложного тигра. Он и сердился на дочь, потому что понял, как его провели, и, разумеется, боялся за нее. Хотя его и уверяли все битый час, что новый тигр опытный, мирный и разумный, все равно любой дрессировщик знает, что дикий зверь остается диким зверем и никогда нельзя ему до конца доверять.

Звери, как и положено, один за другим прыгнули через обруч.

Последним должен был прыгать Транкверри-Транкверри. Он спрыгнул с тумбы, подошел к обручу и остановился. Отрицательно покачал головой. Видно, ему это занятие не понравилось.

— Ну, пожалуйста,— сказала Верочка.— Я вас прошу.

В зале некоторые услышали эти слова и засмеялись. Другие спрашивали соседей: «Что она сказала?»

Тигр неохотно прыгнул, задел ногами обруч и вышиб его из руки Верочки. В зале ахнули. Тигр оглянулся, увидел, в чем дело, и тут, к изумлению всех, включая львов, легко изогнувшись, дотянулся мордой до лежавшего на земле обруча и, подняв, подал Верочке.

Зал разразился аплодисментами, так как зрители поняли, что это — отработанный трюк.

Яснот покачал головой. И он такого еще никогда не видел. Даже директор цирка — Юлька это заметила — хлопал в ладоши.

Но со следующим трюком вышла неувязка. Львы должны были по команде ложиться рядом, как бы ковром, чтобы Верочка могла лечь поверх ковра. Львы-то легли, а вот тигр, который тоже должен был в этом участвовать, отрицательно покачал головой. Не хотел он лежать со львами.

— Иди,— сказал ему строго Яснот, которого очень заинтересовал необыкновенный зверь.

Тигр снова покачал головой.

В зале смеялись. Тигр всем нравился. Он был комиком. Только старые знакомые пришельца знали, что он не шутит.

— Не хочу,— вдруг сказал тигр Верочке.— От них пахнет.

— Ладно, не ходи,— согласилась быстро Верочка.

Разговор этот был негромким, но Яснот его услышал, хотя, к счастью, не поверил собственным ушам, как не поверили те зри-

тели в первых рядах, которым на мгновение показалось, что тигр беседует с дрессировщицей.

Тигр остался на тумбе, но явно задумался. Тем более что старший Яснов больше не звал его совершать трюки, а остальные звери честно работали, искоса поглядывая на новенького и явно его не одобряя.

Юлька поняла, что Транкверри-Транкверри волнуется, боится за судьбу экспедиции и теперь лихорадочно соображает, что бы такое сделать, чтобы склонить на свою сторону холодное сердце Яснова.

Аттракцион уже подходил к концу, и зрители тоже ждали, что же еще сделает этот великолепный тигр. И вот когда остальные хищники расселись вновь по тумбам, чтобы выслушать заслуженные аплодисменты и разойтись, тигр вдруг большим прыжком взлетел над тумбой, так высоко, что все ахнули, и опустился посреди манежа. Даже Яснов отпрянул в сторону. Но тигр не дал никому опомниться. Он еще раз подпрыгнул и сделал в воздухе сальто.

— Молодец! — крикнул от прохода Сема Яснов.

Тогда тигр встал на передние лапы и, как умеют это делать дрессированные кошки, прошелся на передних по кругу. Когда он проходил мимо Яснова-старшего, он задержался и подмигнул дрессировщику. Яснов не удержался — подмигнул в ответ, хотя потом никак не мог понять, зачем он это сделал.

Потом тигр опустился на четыре лапы и направился к Верочке, и она протянула ему навстречу руки. Юлька поняла, что они об этом договорились заранее.

Верочка прыгнула вперед, встала на руках на спину тигра, и тот пронес ее так вокруг арены. Затем Верочка на руках перешла тигру на голову, и он встал на задние лапы. Всем казалось, что губы тигра двигаются и он что-то говорит. Но если он даже и говорил, то ничего не было слышно за громкими овациями.

Остальные звери уже давно ушли с арены понуриив головы, потому что даже дикие цирковые звери знают, что такое актерский успех, и не любят, когда аплодисменты достаются другому. А зал все еще аплодировал пришельцу, который так разошелся, что «на бис» стоял на голове, хлопал лапами в такт оркестру, кувыркался, пока Верочка не уговорила его не перебарщивать.

— Талантливый зверь, — сказал директор цирка бабушке.

Та кивнула.

Глава одиннадцатая ПИСЬМА ИЗ ИНДИИ

Первое письмо от Семы Яснова Юлька получила на второй день занятий в школе и принесла в класс, чтобы его мог прочесть Фима.

«Дорогая Юля! — писал будущий дрессировщик.— Мы благополучно доехали до Одессы. Пароход большой, хороший. Тигр очень волнуется, не скучно ли питону в ящике. Я за питоном ухаживал, хотя он может не есть хоть три месяца. Я иногда устраивал им свидания, и они обсуждали научные проблемы на своем языке. А Вера следила, чтобы их никто не увидел. Тигр Акбар выздоровел, но они с пришельцем не дружат. Отец все еще не доверяет нам с Верой, ждет какого-нибудь подвоха. Но мы не можем ему все рассказать, пока не доедем до Индии. А так как мы раньше всегда все отцу рассказывали, то ситуация неприятная. Транкверри часто ворчит, что не хочет выступать, и все рвется поговорить с отцом, чтобы он обращался с ним, как с профессором, а не как с тигром. Но я надеюсь, что он не проговорится. Сейчас спешу, скоро отплываем. Привет бабушке.

Твой Семен Яснов»

— А мне привета нет? — спросил Фима.

— Забыл,— сказала Юлька.

— А я вчера Розочку встретил,— сказал Фима.— Он говорит, что в лагере большая суматоха была, когда мы пропали. Хорошо, что бабушка твоя сразу позвонила. А потом весь следующий день тигров искали.

— И не нашли?

— Но ведь тигра не было.

— Если очень хочешь найти, то найдешь,— сказала Юлька.— А знаешь, как мы с бабушкой скучаем без них? Хорошо бы у них все получилось.

— Иначе наши жертвы будут напрасны,— торжественно сказал Фима.— Будешь писать в Индию, передавай привет.

Следующее письмо пришло уже из города Бомбея. Через месяц.

Там было написано, что они выступают каждый день и Транки ведет себя достойно, уже привык выступать и ему даже нравится,

хоть он это и скрывает. Он прирожденный актер, отец к нему привык, и жаль будет расставаться. Скоро они едут в Мадрас, там тоже гастроль, и там пришельцы от них уйдут.

Потом прошло еще десять дней. Ожидание было невыносимым. Даже бабушка стала плохо спать. К счастью, Вера Яснова догадалась прислать в Москву телеграмму:

«РАССТАЛИСЬ С ДРУЗЬЯМИ ВСЕ В ПОРЯДКЕ ПОДРОБНОСТИ ПИСЬМОМ ВЕРА»

С этой телеграммой Юлька помчалась вечером к Фиме, и Филины родители никак не могли понять, почему Юля с их сыном пляшут и кричат «Урра!».

А потом пришло сразу два письма.

Первое от Семы.

«Дорогая Юля! Спешу тебе рассказать, как все было. Мы приехали в штат Майсор и выступали в городе того же названия. Это было самым близким местом к тому заповеднику — ты понимаешь. Выступали мы в шапито, звери жили в фургонах, а мы в гостинице. Хорошо, что цирк был на окраине города. Операцию мы провели ночью. Перед этим Транкверри выступал так, что жители того города на всю жизнь запомнят это представление. Мы тоже. Он даже переборщил, потому что в конце спел песню на языке хинди. Мы выпустили друзей, и они побежали в лес, чтобы добраться до безопасных мест до рассвета. На прощанье тигр плакал. Очень просил передать тебе привет. Больше мы их не видели. Отец был расстроен. Но мы ему все рассказали. Не знаю, поверил он нам или нет, хотя объявление о пропаже тигра сделал. Но что ему оставалось? Еще вчера у нас было два тигра, а стал один. Сама понимаешь, тигра не нашли. Они обещали нам как-нибудь сообщить о себе. Но не сказали как. Будем ждать. Скоро приедем. Вера грустит.

Семен»

Сообщение от пришельцев пришло в тот же день.

В дверь позвонил почтальон и попросил расписаться за заказную бандероль. Без обратного адреса. Когда бандероль развернули, в ней оказались фотографии — тигра и питона. На оборотных

сторонах было написано: на одной фотографии — «Дорогой Юле с благодарностью от ее назойливых гостей»; на другой — «Дорогому Фиме...»; на третьей — «Дорогой Марии Михайловне...» и так далее — там были фотографии и для всей семьи Ясных. И еще — тубик с растиранием для бабушкиной ноги.

Бабушка, которая отлично умеет разузнавать все, что ей нужно с помощью телефона, по штампу на обертке бандероли узнала номер почтового отделения, из которого бандероль была отправлена. Почтовое отделение находилось в одной небольшой деревне в Костромской области. Бабушка дозвонилась туда по междугороднему телефону и спросила, кто посылал бандероль. Какая-то женщина ответила, что это загадочная история. В ту ночь над деревней пролетал метеор, и кто-то оставил бандероль на пороге почтового отделения, положил сверху деньги и прижал камнем. Так что на почте наклеили марки и отослали пакет в Москву. На почте осталась сдача, и там очень хотели узнать, что с этими деньгами делать.

Бабушка не ответила, что делать, зато спросила, что за метеор пролетал над деревней. Очень яркий, ответили ей, и даже сделал круг над деревней. Только это было ночью, и почти никто не видел, а кто видел, тому не поверили. Бабушка поблагодарила почтальоншу и повесила трубку.

Юлька окантовала портреты своих друзей и поместила их над кроватью. Бабушка положила фотографии в свой альбом, а Фима до сих пор таскает их с собой, скоро они у него совсем изомнутся.

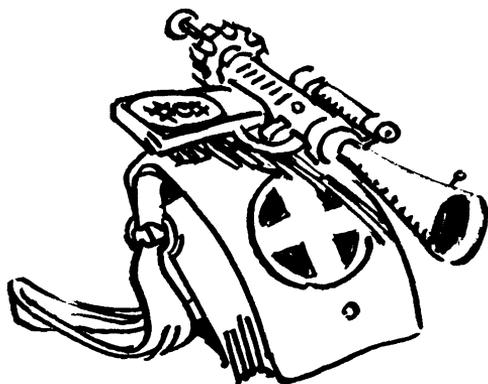
И все они верят, что как-нибудь гости прилетят снова, уже в более привычном облике. Ну, хотя бы в виде кошки и верблюда.

Все бывает...

РЕЧНОЙ ДОКТОР

Там был родник. Вода в нем была целебная своей чистотой и прозрачностью. Тысячу лет назад, а может, больше, росло у родника дерево. Кто исцелился той водой, привязывал к ветке белую тряпицу. И дерево было так густо покрыто теми тряпицами, что круглый год, казалось, цвело.

Люди думали, что в дереве живет бог реки, которая брала начало от родника.

Потом про языческое дерево забыли. Но родник остался целебным, и еще сегодня не очень старые старики помнят, как со всей округи люди приходили сюда за водой с банками, бидонами, даже ведрами. У родника был деревянный помост, а сам он был обложен валунами.

Когда лет тридцать назад здесь начали строить новый район, пятиэтажные дома выстроились по откосу, а разбитые бетонные плиты, мусор, арматуру, мешки из-под цемента, все, что не нужно, строители сбрасывали с откоса вниз и погребли родник.

Конечно же, сколько на родник ни сваливай мусора, он все равно пробьется. Только вода перестала быть целебной, потому что родник, сам того не желая, захватывал своим быстрым стремлением крошки штукатурки и цемента, ржавчины и краски. А раз уж тот овражек стал свалкой, то и люди, которые жили в новых домах и не знали о целебном роднике, кидали туда ненужные вещи.

В июне будущего года, часов в девять утра, по пыльной улице микрорайона Космонавтов шел молодой человек, одетый просто и легко. Был он на первый взгляд обыкновенный, только если

присмотреться, увидишь, что его волнистые волосы были какого-то странного, зеленоватого оттенка.

Через плечо у молодого человека висела небольшая сумка из джинсовой ткани.

Никто на этого человека внимания не обратил. Впрочем, улица была почти пустая — те, кто работал на Химупаковке или служил в городских учреждениях, уже уехали на работу, а бабушки с детьми еще не вышли на прогулку. И никто не заметил, как молодой человек задержался возле сломанного тополя у шестого корпуса, достал из сумки рулон широкой синей ленты, перевязал ствол, а потом отыскал поблизости палку и приспособил ее к деревцу.

Потом молодой человек дошел до последнего дома, за которым начинался спуск к свалке, и стоял там довольно долго, рассматривая наполненный мерзостью бывший овражек и прослеживая взглядом, как сквозь бетонные плиты, консервные банки и ломаную мебель пробивается родник, как он вытекает из овражка и, робко обегая препятствия, течет к кустам, пропадая в ржавой трубе.

— Жуткое дело,— сказал молодой человек вслух и осторожно, видно не желая измарать кроссовки, начал спускаться к роднику.

Со свалки навстречу ему прибежали две бродячие собаки, что жили там, брошенные хозяевами. Они не испугались молодого человека, потому что сразу почуяли, кто он такой. Но близко не подходили — сели рядом и улыбались.

Молодой человек открыл сумку, вынул из нее небольшую штуку, похожую на пистолет с дулом-раструбом. Потом сказал собакам:

— Я начинаю.

Собаки не возражали. Молодой человек направил раструб на ближайшую к нему бетонную плиту, на которой валялись две разбитые бутылки, несколько консервных банок и груда выброшенных за ненадобностью рваных обоев, и нажал на курок своего пистолета.

Из раструба вырвался широкий луч, невидимый под солнцем, но не совсем прозрачный. Если смотреть сбоку, то предметы за ним казались туманными и дрожащими.

Это и заметили Гарик Пальцев и Ксюша Маль, которые как раз спустились к роднику, чтобы поискать там пустые бутылки. Им не сами бутылки были нужны, а этикетки — для коллекции.

Они увидели, что над грудой плит и мусора стоит молодой человек с пышными кудрявыми волосами, одетый просто и скромно. И держит в руке пистолет с широким дулом, а из пистолета исходит почти невидимый луч. В том месте, где луч дотрагивался до мусора, мусор начинал съеживаться, таять, словно был снежный.

Молодой человек не просто держал пистолет, а все время двигал им, уменьшал или увеличивал ширину и направление луча. Словно был зубным врачом, который осторожно действует иглой бормашины, убирая сгнившую ткань зуба, но стараясь не повредить здоровую ткань.

Сильно пахло озоном. Стало теплее, от свалки до ребят доносилось шуршание и тихий скрежет. Когда самые большие плиты растворились и серый дымок над ними рассеялся, молодой человек подошел еще ближе и начал убирать завал совсем уж осторожно, часто включая и выключая свой пистолет, короткими выстрелами уничтожая то погрузившуюся в землю бутылку, то ржавую кастрюлю, то порванную шину. Одновременно он водил лучом вокруг, расширяя очищенное место.

Ребятам, которые смотрели на него сверху, не было страшно, и они хотели подойти поближе. Но молодой человек, не оборачиваясь, сказал им:

— Подождите, ближе нельзя, можно обжечься.

Минут через пять образовалась широкая неглубокая яма, по бокам которой мусор спекся, словно края глиняной миски, а на дне ямы показались совсем старые бревна и остатки столбов, врытых в землю. Между ними была видна черная земля и песок.

Молодой человек спрятал пистолет в сумку и спустился к столбам. Там, из углубления, изливалась струя чистой воды и заполняла это углубление.

Молодой человек принялся руками разгребать черную землю, извлекать из нее лишние предметы, освобождать горло родника.

— Теперь можно подойти? — спросила Ксюша Маль.

— Конечно, — ответил молодой человек.

Он улыбнулся ребятам, откинув со лба тыльной стороной кисти прядь непослушных волос. Ксюша Маль, которая была очень наблюдательной, заметила, что волосы молодого человека необыкновенного цвета.

— Вы что делаете? — спросил Гарик Пальцев.

— Разве вы еще не поняли? — удивился молодой человек.

Он вытащил из земли согнутый лом и легко отбросил его в сторону, будто это был гвоздь.

— Вы чистите родник, — сказал Гарик.

Молодой человек отгребал ладонями грязь и землю, обнажая чистый песок. И на глазах родничок начал бить веселее, сильнее, и вода ярче заблестела под солнцем.

— Вы речной доктор, — сказала Ксюша Маль.

— Правильно, — сказал молодой человек. — Меня можно называть речным доктором, а еще меня называют речным богом.

— Бога нет, — сказал Гарик.

— Правильно, — согласился молодой человек. — Но я есть.

— А кто вам разрешил? — спросил Гарик.

— А разве надо разрешение, чтобы лечить и делать добро?

— Не знаю, — сказал Гарик. — Но все всегда спрашивают разрешения.

— Если ждать, то река умрет, — сказал речной доктор.

— А почему вы раньше не пришли? — спросила Ксюша.

— У меня много дел, — сказал молодой человек. — Я прихожу только тогда, когда совсем плохо. Бывают случаи, что люди сами понимают, что натворили, и исправляют свои ошибки.

Говоря так, речной доктор кончил чистить родник и, отвалив в стороны грязь, отыскал под ней вершины погрузившихся в землю серых валунов. Без заметного усилия он выкатил один за другим валуны и подвинул поближе к роднику, чтобы они его ограждали.

— Вы очень сильный, — сказала Ксюша. — А чем вам помочь?

— Я еще не знаю, — сказал речной доктор. — Но если у вас есть время, оставайтесь со мной. Мы пойдем вниз по течению и будем вместе работать.

— Давайте я домой сбегаю, за лопатой, — сказал Гарик.

— Спасибо, не надо.

Молодой человек поднялся, отряхнул ладони от земли.

— Чего не хватает? — спросил он.

Ребята посмотрели на родник. Он выбивался из песка невысоким веселым фонтанчиком, разливаясь по светлому песку. Вокруг, как часовые, стояли серые валуны.

Ожидая ответа, речной доктор вынул из-за пояса широкий нож, точными и быстрыми ударами отсек гнилые верхушки тор-

В том месте, где луч дотрагивался до мусора, мусор начинал съезжаться, таять, словно был снежный.

чащих из земли столбов, вытащил из земли черные брусья, обстругал их и положил на столбы — так, через много лет, у родника снова образовался мостик.

— Ну, что же вы молчите? — спросил речной доктор.

— А можно сделать еще красивее? — спросила Ксюша.

— Подскажи, — улыбнулся речной доктор и сунул руку в сумку.

— Не хватает травы, — сказала Ксюша.

Молодой человек вынул руку из сумки, раскрыл кулак — на ладони лежала кучка семян.

— Я знал, что ты так скажешь, — проговорил он.

И он произнес эти слова так, что Ксюше стало приятно, что она угадала.

Речной доктор рассыпал семена по земле вокруг родника, потом зачерпнул из него ладонями воды и полил семена.

— Помогайте мне, — сказал он.

Ребята тоже спустились к роднику и стали черпать ладонями воду и поливать вокруг. Вода была очень холодная.

— А пить ее можно? — спросила Ксюша.

— Нельзя, — сказал Гарик. — Вода некипяченая.

— Можно, — сказал речной доктор. — Теперь можно. Эта вода вырывается из самой глубины земли. Она проходит через подземные пещеры, пробивается сквозь залежи серебра и россыпи алмазов. Она собирает молекулы редких металлов. В ней нет ни одного вредного микроба. Много тысяч лет люди знали, что она целебная.

Ксюша первой присела перед родником, набрала в ладошки хрустальной воды и выпила ее. Вода была холодной — даже зубы ломило — и немного газированной. В ней были свежесть и даже сладость. Потом воду пил Гарик, потом снова Ксюша.

А когда Ксюша выпрямилась, напившись, она увидела, что вокруг родничка выросла густая зеленая трава. Откуда-то прискакал кузнечик, влез на травинку и принялся раскачиваться. Зажужжал шмель.

— Ну и трава у вас! — сказал Гарик. — Такой не бывает.

— Такой не бывает, — согласился речной доктор. — Но она есть.

Гарик сорвал несколько травинок и понюхал. Они пахли травой.

И тут они услышали, как над их головами кто-то пискнул.

На кромке поросшей травой котловины, на оплавленной спекшейся границе между свалкой и родником, сидели два бродячих

пса. Один молчал, а второй раскрывал рот, словно зевал, и от этого получался писк.

— Пошли отсюда! — сказал собакам Гарик.

— Почему? — удивился речной доктор.— Собакам тоже надо пить чистую воду. Псы, идите сюда.

— Они грязные,— сказал Гарик.— У них много блох и микробов. Они на свалках живут.

— Они живут на свалках,— сказал речной доктор,— потому что люди, у которых они жили раньше, выгнали их из дома. И я с этим не согласен.

— Я тоже не согласна,— произнесла Ксюша.

— Я после них пить не буду,— сказал Гарик.

Речной доктор засмеялся. У него были такие белые зубы, каких Ксюше еще не приходилось видеть. И он умел угадывать мысли. Потому что в ответ на мысль Ксюши сказал:

— Я всегда пью только настоящую, чистую воду.

Собаки спустились к роднику и стали пить. Они виляли хвостами и косились на людей, потому что привыкли им не верить.

А напившись, стали бегать вокруг и кататься по траве. Гарик хотел было погнать их прочь, чтобы не мяли траву, но, когда открыл рот, чтобы прикрикнуть на них, встретился со взглядом речного доктора. Тот словно спрашивал: неужели ты сейчас их прогонишь?

И Гарик, вместо того чтобы кричать на собак, сказал:

— Все это чепуха. Вы здесь немного почистили, а завтра все снова загадят.

— Я потому вас и позвал,— сказал речной доктор,— чтобы вы все увидели и не дали больше губить родник.

— А как же мы это сделаем? — спросил Гарик.— Вы нам, может, свой пистолет оставите?

— Не знаю,— сказал речной доктор.— Честное слово, не знаю. Я думал, у вас есть своя голова на плечах.

Он посмотрел вверх. Конечно, Гарик был в чем-то прав: весь склон, до самых домов, был такой же печальный и грязный, как родник до прихода речного доктора. И лужайка вокруг родника казалась такой маленькой и беззащитной.

— Моя работа,— сказал речной доктор,— это спасение рек. И я ничего не смогу поделать, пока я один.

Они помолчали. Мирно журчал родник. Собаки улеглись на траве.

— Ну, что ж,— сказал речной доктор,— наша работа не окончена.

— А что дальше? — спросила Ксюша.

— Дальше мы пойдем вниз по течению,— сказал речной доктор,— посмотрим, чем мы можем помочь реке. Вы со мной?

— Конечно, мы с вами,— сказала Ксюша.

Ручеек пробирался, почти невидимый, среди поломанных кустов к дороге и впадал в ржавую трубу.

Речной доктор пошел первым. Он то и дело наклонялся, подбывая из воды бутылки, банки, пластиковые пакеты, кирпичи, но не кидал их в сторону, а прятал в карман своей сумки. И все эти вещи пропадали там, словно растворялись. Гарик попытался заглянуть в этот карман, но ничего не увидел.

— Вы и целый дом туда положить сможете? — удивленно спросил он.

— Нет, дом не поместится,— ответил речной доктор и засмеялся.

Вроде бы он на все вопросы отвечал просто и ничего не скрывал, но все равно он был окружен тайной, и все это чувствовали, даже собаки, что бежали за людьми, но вели себя тихо, примерно, даже не лаяли.

Речной доктор не спешил, но делал все так быстро и ловко, что трудно было уследить за его руками. Вот ему чем-то не понравились кусты, что росли у ручейка; он расправил их ветви, очистил землю под корнями — и кусты распрямились, зашуршали листьями. Проплешины между кустов и по берегу ручейка, залитые мазутом и какой-то краской, он двумя движениями пальцев очистил и засеял травой, а лужу, в которую разливался ручеек перед трубой, засыпал песком. Песок он достал из кармана сумки, куда раньше кидал мусор, и Гарик догадался, что в кармане есть какой-то преобразователь — он-то и превращает металл, стекло и кирпич в песок.

А речной доктор снова угадал его мысль и объяснил:

— Вы, наверное, знаете, что стекло и кирпич, бетон и штукатурку делают из песка, гравия и прочих таких же простых вещей. А металл добывают из руды. А я умею все возвращать в первоначальный вид. Никакой тайны.

Гарик кивнул. А Ксюша подумала: «Конечно, нет никакой тайны в том, что стекло делают из песка. Но есть большая тайна в том, как стекло снова превратить в песок».

Они остановились перед трубой.

Речной доктор наклонился и заглянул внутрь. Труба была не очень большая, с полметра диаметром. Внутри видны какие-то наросты, из воды вылезали черные горбы.

— Надо почистить,— сказал речной доктор.

Гарик понял, что доктору не пролезть в трубу, и сказал:

— Погодите, я разденусь и все сделаю.

Молодой человек внимательно поглядел на Гарика, положил жесткую ладонь на его рыжие, торчком волосы и сказал:

— Спасибо, Гарик.

Ксюша подумала: «Я ни разу Гарика по имени не называла. А он его знает».

Речной доктор протянул сумку Гарика и сказал:

— Встречай меня на той стороне.

Потом мгновенно скинул рубашку, кроссовки и носки.

Ксюша все подобрала.

Из кармана джинсов речной доктор вытащил плоскую серебряную коробочку, махнул рукой, чтобы все остальные перебирались через насыпь, и сам, подобравшись и став вдвое тоньше, влез в дыру.

Гарик с Ксюшей, а потом и собаки ждали доктора у выхода из трубы. Что-то он задерживался. Вода из трубы текла темная, мутная и с каждой секундой становилась грязнее. Гарик заглянул внутрь, но там было совсем темно. Гарик хотел позвать доктора — а вдруг тот застрял? — но тут же ему пришлось отпрыгнуть от трубы: из нее полезла темно-серая скользкая масса, как будто кто-то сжал пирожное эклер и выдавил крем.

Серая масса вывалилась из трубы с чавканьем и всхлипом, ухнула в бурюю воду ручейка и перекрыла ему путь.

А вслед за грязью из трубы выполз веселый и жутко измазанный речной доктор. Он широко улыбался, и зубы его были такие же ослепительно белые, как раньше. И белки глаз белые, а остальное — «негритянское».

Речной доктор, видимо, устал. Он сел на берегу ручья и перевел дух.

Потом сказал:

— Гарик, дай сумку.

Гарик протянул ему сумку. Речной доктор вытащил оттуда свой пистолет, велел ребятам отойти в сторону и выжег громадную плюху грязи, что перекрывала плотиной ручеек.

Ксюша заглянула в трубу. Труба была изнутри гладкая, блестящая, будто посеребренная, и по ней тек прозрачный ручеек.

Речной доктор быстро вымылся под струей воды, падавшей из трубы, и сказал:

— Ну и дела!

— Дайте мне свой пистолет,— сказал Гарик.— Там дальше железная тачка валяется.

— Нельзя,— сказал речной доктор, как бы извиняясь.— Тут нужна осторожность. Потом я тебя возьму в ученики, научишься, сам будешь работать. Только это не очень легко.

— А мне можно в ученики? — спросила Ксюша.

— Обязательно,— сказал речной доктор.

Он снова оделся, а собаки немного пробежали вперед и остановились перед сломанной тачкой, которая перекрывала русло ручейка. Словно тоже поняли, что дальше идти нельзя — сначала надо тачку убрать. Тачку убрали быстро. Но пришлось задержаться, чтобы посеять траву на берегах ручейка.

«Странно,— подумала Ксюша,— мы прошли от трубы всего метров сто, а ручеек уже стал шире. Почему это?»

— А потому,— ответил речной доктор,— что по дороге в ручеек влились еще два родника, вы их не заметили, они на дне, а я их расчистил. А вот и третий.

Но это был не родник, а приток. Тоненький, как струя из чайника. Струя была белесой, будто с молоком, и молочная муть расплывалась по главному ручейку.

— Посмотрим,— сказал речной доктор и легко взбежал по склону, поросшему лебедой и лопухами и усеянному бутылками и банками — следами пиршеств, которые закатывали соседние жители.

Бежать пришлось недалеко. Струйка воды выбивалась из-под груды белого порошка, что был свален возле большой теплицы. Там, за районом Космонавтов, откуда начинался ручеек, шли теплицы пригородного совхоза. Весной Гарик, Ксюша и другие

...и сам, подобрившись и став вдвое тоньше, влез в дыру.

ребята из школы там работали. Одни пололи, другие сажали рассаду, и всем потом дали по свежему огурцу.

— Это удобрения,— сказал Гарик.

— Я с тобой согласен,— произнес речной доктор.— Но это не значит, что их надо спускать в реку.

— Только их не надо уничтожать,— сказала Ксюша, увидев, что речной доктор хочет достать свой пистолет.— Они полезны.

— Химические удобрения редко бывают полезными,— сказал речной доктор.— Но если ты настаиваешь, мы их подвинем.

Речной доктор выставил вперед руки и дотронулся до груды удобрений. Груда медленно и послушно отползла на два метра. Речной доктор нахмурился — видно, ему было тяжело, а собаки принялись прыгать и лаять — им это понравилось.

На примятой траве осталась белая пыль. Речной доктор достал все-таки свой пистолет и сказал Ксюше:

— Не бойся.

Он буквально сдул им пыль с травы. И тогда Ксюша увидела место, откуда выбивался родничок — трава там была мокрая, земля тоже мокрая.

— Это что вы здесь хулиганите! — услышали они пронзительный голос.

От дверей теплицы к ним бежала грузная женщина в синем халате. Она размахивала лейкой и переваливалась, как утка.

— А что случилось? — спросил ее молодой человек. Он широко улыбался и совсем не испугался криков.

— Что я, не вижу, что ли? Не вижу, да?

— А что вы видите? — спросил речной доктор.

— Ты удобрения крадешь, а мне отвечай?

— Это неправда,— сказал речной доктор.— И вы это отлично знаете.

— Знаю? А где удобрения?

— Вон там.

— А здесь чего?

— А здесь ничего.

— А было удобрение!

— Оно и есть.

— Но оно было здесь?

— Не знаю,— сказал речной доктор.— Я знаю только, что все у вас цело, ничего не пропало.

Грузная женщина растерялась. Она знала, что, бывает, удобрения крадут для своих участков. Но тут никто ничего не украл, но подвинул. А этого не бывает.

Тогда Гарик решил все объяснить.

— Ваши удобрения,— сказал он,— завалили родник. А этот родник впадает в ручей. Он размывал удобрения, понятно?

Женщина не стала слушать Гарика. Она подошла к груде удобрений и стала рассматривать, словно куст роз.

Молодой человек молча показал ребятам рукой: надо, мол, уходить,— и они поспешили прочь. А женщина ничего не сказала. Она все не могла понять, как можно подвинуть гору удобрений и зачем это делать. И только когда они уже вернулись к ручейку, то услышали сверху крик:

— Чтоб ноги вашей тут не было!

Как приятно было вернуться к ручейку! Он стал уже знакомым, как будто родным. Он зажурчал, заблестел под солнцем, увидев людей. Гарик встал над ним — одна нога на правом берегу, одна на левом.

— Я гигант! — закричал он.

— Уже десять часов,— сказал речной доктор.— Вам, наверное, домой пора.

— Нет! — закричали сразу Ксюша и Гарик.— Мы совершенно свободные.

— У нас каникулы,— сказала Ксюша.

— У нас все на работе,— сказал Гарик.— Мы можем хоть весь день идти.

— Ну, ладно,— сказал речной доктор.— Пошли дальше. Устанете — скажите мне.

— Мы не устанем,— заверил его Гарик.

В этом месте ручеек поворачивал прочь от города и возвращался к нему уже речкой. Речка впадала в реку, на берегу которой стоял город. Но ребята не знали, да и мало кто в городе знал, что где-то далеко в лесу ручеек вольется в речку и вернется обратно в город.

Они шли по берегу прозрачного ручейка целый километр. По обе стороны тянулся кустарник, за ним — огороды. Время от вре-

мени речной доктор останавливался и уничтожал хлам, валяющийся в ручейке, укреплял берег, подсыпал на дно песок.

Остальные развлекались как умели. Одна из собак, рыжая, лохматая, одноухая, с вечной улыбкой на морде, выбрала Ксюшу себе в подруги и все звала ее побегать. Гарик был разведчиком и высматривал, не надвигаются ли фашистские танки.

За заводом ручеек нырнул в лес. Лес был пригородный, истоптанный, замусоренный, весь прорезанный дорожками и тропинками. Но июньская листва и июньская трава были еще свежими, птицы пели весело, солнце грело, но не пекло.

На полянке стояли столы на вкопанных в землю столбах и вокруг них — скамейки для отдыха. Речной доктор сказал:

— Привал. Легкий завтрак.

Он сел на скамейку, раскрыл свою бездонную сумку и вытащил оттуда большую бутылку с молоком, батон и высыпал на подстеленную газету кучу белой черешни.

— Молоко с черешней нельзя,— сказал Гарик.

Речной доктор не ответил. Он только улыбнулся и расставил на столе белые чашки.

— А может, можно? — спросил Гарик.

— Черешня мытая,— ответил речной доктор.

Затем он вынул из сумки круг толстой колбасы, половину порезал кружочками, а половину разделил пополам и отдал собакам. Они завтракали, было очень вкусно. Ксюша спросила:

— А вы где вообще живете?

— В разных местах,— сказал речной доктор.

— Я думаю, что вы инопланетный пришелец,— сказал Гарик.

— Почему если человек работает, то все думают, что он приехал издалека? Или даже прилетел? — спросил доктор.

Никто не знал почему, поэтому доктору не ответили.

Сам доктор выпил чашку молока, и, пока его друзья ели, он обошел полянку и собрал с нее все бумажки и банки и даже залезил подрубленное кем-то дерево. Но Ксюша с Гариком уже привыкли к тому, что речной доктор все время занят, и не обращали на него внимания.

Подкрепившись, пошли дальше.

Ручеек уже стал таким широким, что через него во многих местах надо было не перешагивать, а перепрыгивать.

В лесу ему мало что угрожало, и он струился таким же прозрачным, как родник.

И тут они увидели на берегу рыболова. Самого настоящего.

Рыболов был на вид младше Гарика и Ксюши — лет семи-восьми. Вместо удочки он держал в руке палку с веревкой.

— Как ловится? — спросил речной доктор.

— Не знаю, — сказал рыболов.

Он вытащил свою удочку из воды. На конце веревки был погнутый гвоздик. Без всякой наживки.

— Так ты ничего не поймаешь, — сказал Гарик. — Где червяк?

Мальчик снова опустил веревку в воду и замер, глядя в воду.

— Чудак, — сказал Гарик. — Откуда здесь быть рыбе?

— Правильно, — согласился речной доктор. — Рыбы здесь нет.

Но обязательна должна быть.

Из сумки он вынул банку. В банке было много мальков.

Он опрокинул банку, и мальки серебряными стрелками разбежались в разные стороны.

— Вот здорово! — сказал Гарик. — К будущему году рыбки подрастут, а тот рыболов как раз червяка выкопает.

— Так долго ждать не надо, — сказал речной доктор. — Смотри.

В воде мелькали мальки, но они уже подросли. Одни из них обкусывали стебли водорослей, другие закапывались в тину на дне.

— Как у вас все быстро получается, — сказала Ксюша.

— Надо спешить, — объяснил речной доктор.

— Эй! — раздался крик.

Они обернулись. Мальчик с палкой-удочкой прыгал на берегу, а на конце веревки блестела серебряная рыбка.

— Поймал? — спросил Гарик.

— Ой-ой-ой! — закричал мальчик и, размахивая палкой, побежал прочь. Он сам не верил в свое счастье.

Речной доктор засмеялся.

— А вам не жалко рыб? — спросила Ксюша. — Я думала, что вы все охраняете.

— Когда человек поймает рыбку, ничего страшного для реки нет, — сказал речной доктор. — Особенно если рыбка такая глупая, что попалась на голый крючок. Я не выношу рыболовов с сетями, динамитом и другими варварскими приспособлениями.

Они пошли дальше по берегу ручья.

Некоторые из рыбок, уже подросшие, плыли рядом с ними, серебристые в прозрачной воде.

Через полчаса они увидели, как ручеек слился с еще одним, таким же, который вытекал из чаши. Только их ручей был чистым, а тот, что вливался в него, мутным.

— Друзья мои,— сказал речной доктор,— подождите меня здесь. Я скоро вернусь. Только никуда не уходите.

Ребята согласились. Они немножко устали. Они улеглись на берегу, на траве под ивой, а собаки сели рядом, словно охраняли их.

Солнце пригревало, и Ксюша незаметно для себя задремала.

Проснувшись она от веселого голоса речного доктора.

— Подъем! — сказал он.— Все в порядке.

Ксюша вскочила. Следом за ней поднялся Гарик. Они посмотрели на ручейки. Оба ручейка были совершенно чистыми.

— А что там было? — спросила Ксюша.

— Пустяки,— ответил речной доктор.— Совсем пустяки по сравнению с тем, что нам предстоит впереди.

Он пошел впереди, и Ксюша так никогда и не узнала, что же он делал.

А что могло предстоять впереди, друзья речного доктора не знали и знать не хотели. Они были точно уверены, что речной доктор все может. И если надо речку повернуть обратно, он это сделает.

— Пустяки! — закричал, запел Гарик.

— Вынем палки, вынем камни из реки! — запела Ксюша.

— Пууустя-а-ки!

Ксюша не придумала, как петь дальше, и посмотрела на речного доктора.

— Будут рыбы косяки, а старики за лягушками полезут в тростники! — пропел доктор.

— Пустяки! — закричал Гарик.

— Воду портят подлецы и дураки! — пропел речной доктор.

— Хватит,— сказала Ксюша.— Вы плохо придумываете, и ваша песня не настоящая.

— Пустяки! — закричал Гарик.

Но Ксюшу никто не слушал. Гарик и речной доктор придумывали песню еще минут десять, пока не кончились все рифмы.

Под песню шагалось так легко, что никто не заметил, как ручей уже превратился в речку. А лес вокруг стал густым и диким.

— Надо искупаться,— сказал Гарик. Он охрип от пения.

— Сейчас будет широкое место,— сказал речной доктор.— Тут должны жить бобры. Если они не будут возражать, мы искупаемся возле их плотины.

Но, к сожалению, искупаться не пришлось.

Бобровая плотина совсем недавно пересекала речку, но кто-то ее разрушил, и вода утекла через прорыв в низкой, сложенной из ветвей и земли плотине. Речной доктор очень огорчился.

— Кому это понадобилось? — спросил он сам у себя. Потом он тихо свистнул и подождал.

Ребята тоже молчали. Никто не ответил на свист.

— Вы бобров зовете? — спросил Гарик.

— Их здесь нет,— ответил доктор.

Рыжая собака вдруг начала бегать по берегу плотины, вынюхивать что-то на земле.

— Она знает,— сказала Ксюша.— Она знает, куда ушли бобры.

Собака подняла голову и тявкнула.

Вторая подбежала к ней, а потом, понюхав землю, поспешила вдоль берега.

— Пошли! — сказал Гарик.

Собаки поджидали людей на пригорке, куда вела узкая тропинка. Хоть они были дворняжками, сейчас они вели себя как настоящие гончие. Порой они теряли след и начинали бегать по кустам, но не шумели.

Собаки уводили людей все дальше от реки.

— Какие странные бобры,— сказала Ксюша шепотом.— Я и не знала, что они уходят так далеко от воды.

— Если твой дом разрушили, то надо искать другую речку,— сказал Гарик.

И тут впереди послышались голоса.

Собаки выбежали на прогалину.

Там была старая вырубка. На ней стояли толстые пни, между ними росла высокая трава и было много черничных кустов. На пнях сидели люди и мирно беседовали, передавая друг другу бутылку с водкой. Их было трое. Они были очень довольны собой. И ясно почему: на четвертом пне лежали два убитых бобра.

— Ой! — воскликнула Ксюша.— Они их убили!

Браконьеры обернулись — хотели было вскочить, может, убежать. Но сообразили, что против них только молодой человек и двое детей.

— Валяйте отсюда,— сказал самый толстый браконьер. Несмотря на жаркий день, он был в куртке и сапогах, в которые заправлены брюки.

Он протянул руку к ружью, что стояло прислоненное к тонкой елочке, выросшей на порубке.

Ксюша и Гарик замерли, глядя на речного доктора. А спутники толстяка, молодые парни, громко засмеялись.

— Вы преступники,— сказал спокойно речной доктор.— Отдайте бобров и уходите из леса. Я не хочу вас больше видеть.

Браконьеры покатались от смеха.

— Во дает! — закричал самый молодой из них и, присосавшись к бутылке с водкой, запрокинул голову.

— Если хочешь жить,— сказал толстый браконьер, поднявшись с пня, взяв в руку ружье и делая шаг к речному доктору,— то сейчас отсюда убежишь и детишек возьмешь. И забудешь. Обо всем забудешь.

— А если не убегу? — спросил речной доктор, как всегда улыбаясь.

— Если не убежишь, то твои детишки останутся сиротками,— сказал толстяк, а его спутники расхохотались еще сильнее. Они начали вырывать друг у дружки бутылку.

— Вы мне противны,— сказал речной доктор. И спокойно пошел к толстому браконьеру.

— Назад! — закричал тот, но отступил.

— Учтите,— сказал речной доктор,— я вас всех запомнил.

— Убью! — взревел медведем толстяк.

— погоди,— сказал его молодой друг.— Я его без пули проучу так, что он забудет, как в лес ходить.

Он поднял с земли тяжелый сук и двинулся к речному доктору.

Обе собаки тут же кинулись на браконьера, страшно рыча. Забыли, видно, что они — небольшие дворняжки, которые никогда в жизни не бросались на людей.

Сук засвистел в воздухе. Одна из собак увернулась, а вторая не успела и с жалким визгом взлетела вверх и упала на бок возле пня.

*Собаки поджидали людей на пригорке,
куда вела узкая тропинка.*

А молодой браконьер, продолжая размахивать суком, уже подошел к речному доктору.

Еще мгновение, и сук ударит его!

— Беги! — крикнул Гарик.

Но речной доктор никуда не убежал. Движения его были такими быстрыми, что никто и не увидел, каким образом он сумел вырвать сук у браконьера, перехватить его руку и так рвануть, что браконьер перевернулся, ноги его мелькнули в воздухе, он стукнулся о землю и по уши вошел головой в землю.

Второй молодой браконьер как стоял с бутылкой в руке, так и остался стоять, а толстяк бормотал:

— Сейчас стрельну! Вот сейчас стрельну!

— Ты не стрельнешь, — сказал речной доктор. — Потому что ты мерзавец, а все мерзавцы трусы. Ты думал, что втроем вы побьете и выгоните нас, поэтому и махал ружьем. А сейчас ты уже не уверен. Ты уже думаешь, как бы убежать, но сохранить добычу. А ну, отдавай ружье!

— Стрельну! — повторил толстяк, отступая.

Но речной доктор шел к нему, протянув вперед руку.

И тогда толстяк, больше от страха, чем от злости, все же выстрелил.

Выстрел был оглушительным.

Речной доктор пошатнулся.

Молодой браконьер кинул в сторону бутылку и бросился бежать. Но толстяк убежать не успел. Он сам, видно, не ожидал этого выстрела и потому стоял и смотрел на ружье.

Но это продолжалось не больше секунды. Речной доктор прыгнул вперед, выхватил ружье из руки браконьера и, взяв за ствол, так ударил прикладом о пень, что ружье разлетелось на куски. А толстяк стоял, приоткрыв рот, и силился что-то сказать, но связных слов у него не получалось, только: «А-а, а-бы, бы-вы..»

— Ой! — закричала Ксюша.

Она увидела, что речной доктор поднял руку к груди и по белой рубашке расплывается пятно крови. Кровь сочится между пальцев.

— Ты его убил! — закричала Ксюша. И весь страх у нее прошел от злости к этому толстому браконьеру.

Она кинулась на него и начала колотить кулаками в живот.

Но речной доктор шел к нему, протянув вперед руку.

Собака, что осталась цела, пришла Ксюше на помощь и вцепилась браконьеру в брюки.

А Гарик, подобрав сук, который потерял молодой браконьер, с трудом поволок его за собой, стараясь поднять и ударить им врага.

Но толстый браконьер видел только кровавое пятно на рубашке речного доктора и от страха часто моргал.

— Отойдите,— тихо приказал речной доктор ребятам и собаке.— Я с ним сам поговорю так, что он никогда в жизни больше не посмеет прийти в лес.

Слова звучали тихо, но при том слышно их было в самом дальнем конце леса. И от этих слов толстый браконьер завыл и понесся прочь из леса, спотыкаясь о корни и пни.

Речной доктор подошел тогда к оставшемуся браконьеру, рывком вытащил его из земли и кинул вслед толстяку так, словно это была ватная кукла.

И молодой браконьер послушно захромал вслед за своими друзьями.

— Скорей,— сказала Ксюша.— Скорей пошли в город. Вам надо в больницу.

— Мне не надо в больницу,— ответил речной доктор.— Я вылечусь сам. Разве вы забыли, что наш родник целебный? Только у меня к вам, друзья, просьба. Донесите до воды собаку. Ей тоже нужна помощь.

Речной доктор взял тела бобров, ребята понесли горячую, мягкую, почти неживую собаку, а вторая собака побежала впереди, показывая самую короткую дорогу к речке.

Прежде чем заняться своей раной, речной доктор опустил у самой воды мертвых бобров, сказал ребятам, чтобы положили собаку, открыл сумку, вытащил из нее розовую губку, окунул в воду и принялся протирать мокрой губкой разбитую голову собаки. Собака застонала, а речной доктор сказал:

— Потерпи, Рыжик. Сейчас все пройдет.— Он погладил собаку по спине и приказал:

— Спать!

И собака послушно заснула.

— А теперь,— сказал он ребятам,— займемся мною.

Он скинул рубашку, протер розовой губкой свою грудь, выжал губку в речке, и вода вокруг стала красной. Но кровь перестала

идти, и речной доктор сказал Гарику, который стоял рядом и не знал, чем бы ему помочь:

— Мое счастье, что ружье у него было заряжено картечью, а не пулей. Он меня убить мог.

— Я его выслежу,— сказал Гарик.— Он не уйдет отсюда.

— Его выдадут собственные дружки,— сказал речной доктор.— Они так перепугались, что побегут доносить на него, чтобы самим под суд не попасть.

— Можно, я вашу рубашку выстираю? — спросила Ксюша.

— Спасибо,— сказал речной доктор.— А то мне надо заняться бобрами.

— Вы будете шкуры снимать? — удивился Гарик.

— Еще чего! — улыбнулся доктор.— Я постараюсь их оживить. Их убили совсем недавно, и есть надежда, что они еще не совсем погибли.

И пока Ксюша стирала рубашку речного доктора, он вынул из сумки небольшой шприц и пробирку с голубой жидкостью. Он набрал жидкости в шприц и сделал мертвым бобрам уколы. Потом он протер их розовой губкой, смоченной водой из речки. Но бобры не шевелились.

Тем временем проснулся Рыжик. Видно, он совсем забыл, что с ним случилось, потому что казался очень веселым и бодрым. Он подошел к речному доктору, который пытался оживить бобров, смотрел, склонив голову и подняв одно ухо, как доктор снова протирает бобров целебной водой, и вдруг оглушительно залаял.

И тут — ну прямо чудо! — один из бобров открыл глаз, сжался от страха и боком-боком сполз в воду. Второй поспешил за ним. Высунув из воды только плоские морды, они быстро поплыли к дальнему берегу.

— Спасибо, Рыжик,— сказал речной доктор.— Это называется шоковая терапия. Ты их так перепугал, что они ожили.

Рыжик вилял хвостом, а вторая собака, темная, коротконогая — видно, среди ее предков была такса,— огорчилась, что все внимание обращено к Рыжику, подбежала к речному доктору и начала на него лаять.

— Возьмите,— сказала Ксюша, протягивая рубашку речному доктору.— Только она мокрая.

— Большое спасибо,— сказал речной доктор, натягивая рубашку.— Она на мне быстро высохнет. Тем более что нам предстоит сделать еще одно дело. Надо починить плотину. Бобры еще совсем слабые, вода в речке упала, их домик — наружу.

Речной доктор показал похожую на большой муравейник бобровую хатку, что поднималась из воды у дальнего берега речки.

Все вместе они быстро починили плотину.

Бобры, которые уже поняли, что люди не желают им зла, стали подтаскивать к плотине сучья, которые разбросали браконьеры, когда спускали воду из бобрового затона, чтобы отыскать бобров и убить их.

— Ну вот,— сказал речной доктор, когда плотина была восстановлена.— Теперь вода поднимется, и я надеюсь, что хозяева плотины ее быстро достроят.

Они пошли дальше, а бобры остались трудиться.

Солнце поднялось уже совсем высоко. Через полчаса путешественники отыскивали в речке глубокое место и искупались. А потом речной доктор вытащил из сумки флягу с каким-то кисловатым, терпким соком. Все выпили по глотку, только собаки пить не стали. От этого сока сразу пропала усталость и даже жара перестала мучить. Ребята почувствовали такую бодрость, что готовы были шагать до вечера без остановки.

Но шагать без остановки не пришлось. Вскоре они вышли к тому месту, где речка протекала под мостом. А по мосту проходила железная дорога.

За много лет под мостом и по сторонам его накопилось в воде много мусора: то из окна поезда что-то кинут, то прохожий сбросит с моста бутылку или банку...

Речной доктор нырял на дно и выбрасывал на берег ненужные предметы, а ребята стаскивали их в кучу. А когда наконец речной доктор сказал, что речка стала чистой, Гарик сам достал из сумки пистолет, и речной доктор в одну минуту уничтожил на берегу кучу мусора и грязи.

— Вы не устали? — спросил он у своих спутников.

— Нет!

— Теперь начнется самая трудная работа.

Лес кончился. Дальше речка виляла по полю. Но посевы не доходили до самой реки — по обе ее стороны росли ивы.

Речной доктор надел темные очки.

— От солнца? — спросил Гарик.

— Нет,— сказал речной доктор.— Наша речка стала глубокой, не все на дне увидишь. А я ничего не хочу пропустить.

Они шли по берегу, и время от времени речной доктор останавливался, нырял и извлекал из воды ненужные речке вещи. В одном месте, недалеко от деревни, что тянулась по склону, он выволок из воды несколько темных бревен. Он сказал, что когда-то здесь был мост.

— А разве бревна речке мешают? — спросил Гарик.

— Да, мешают,— сказал речной доктор.— Есть речки, особенно в тех местах, где рубят лес, которые уже умерли, потому что их дно покрыто утонувшими бревнами. Ничто не может жить в такой речке.

Возле деревни были мостки. На мостках стояла женщина и стирала белье.

Речной доктор хотел подойти к ней, потом остановился, вздохнул и сказал:

— Вот с такими людьми труднее всего. Вроде бы они не делают ничего плохого, но речке вредят.

— А чем вредят? — спросил Гарик.

— Эта женщина стирает белье с мылом. А мыло вредно для воды.

— А что же ей делать?

— Надо стирать дома, а в речке белье можно только полоскать.

— Давайте я ей все объясню,— предложила Ксюша.

— Нет,— сказал речной доктор.— У нашей речки есть куда более опасные враги. Не будем тратить время.

Женщина, видно, почувствовала, что разговор идет о ней. Она выпрямилась и спросила:

— Куда путь держите?

— Мы идем в город,— сказала Ксюша.

— А на меня что глядите?

— Вы только не сердитесь,— сказала Ксюша.— Но вы стираете белье, а мыло губит рыбу.

— Какая у нас рыба! — засмеялась женщина.— Это при стариках, говорят, здесь рыба водилась. А теперь только лягушки.

— Вы неправы,— сказала Ксюша.— Ваша речка — самая чистая в мире. Она начинается от целебного родника, и вода в ней особенная.

— Что-то я не замечала.

— Вы не замечали,— сказала Ксюша,— потому что мы речку очистили только сегодня. И рыба в ней будет.

И, как будто услышав слова Ксюши, из воды выпрыгнула рыбина размером с Ксюшину руку. Рыба исчезла в воде, и по речке пошли широкие круги.

— Видели? — спросила Ксюша.

— Ой! — сказала женщина.— Отроду не видела.

— А теперь так всегда будет,— сказала Ксюша.— Только вы, пожалуйста, не стирайте здесь с мылом. Вы дома постирайте, а здесь полощите.

Женщина смотрела вниз, где у мостков резвились рыбки.

— Чудеса,— сказала она,— чудеса, да и только. И кто это сделал?

— А вот он, видите, уходит! Это речной доктор.

— Давно пора было речкой заняться,— сказала женщина, собирая белье в корзину.— А ты спроси у своего доктора, может, он скажет нашему председателю, чтобы лесок не рубил?

— Я ему обязательно передам,— пообещала Ксюша и побежала вслед за речным доктором.

Когда она догнала его, доктор сказал, не дожидаясь, пока Ксюша начнет рассказывать:

— Спасибо тебе. Я надеюсь, что эта женщина будет вести себя иначе. А лесу я помочь, к сожалению, не могу. Я только речками команду.

— А у вас есть и лесной доктор? — спросил Гарик.

— Есть. Но он очень занят. Ему очень трудно...

Ксюша обернулась. Она увидела, что женщина стоит на мостах, прижав к боку таз с бельем. Увидела, что Ксюша обернулась, и помахала ей. Ксюша тоже помахала.

За деревней речка протекала сквозь еще один небольшой лесок. Здесь речной доктор тоже выпустил в воду банку мальков.

Лесок кончился, и когда они вышли из него, то увидели впереди высокие трубы завода и много низких корпусов.

— Вот наш враг,— сказал речной доктор.

И хотя завод был на вид совершенно обыкновенный и даже трубы его дымили несильно, ребята сразу догадались, что имеет в виду речной доктор.

— Они в нашу речку вредные вещества сливают,— сказал Гарик.

— Сейчас увидите,— ответил речной доктор.

Речка еще текла, как прежде, совсем чистая, трава по берегам была зеленая, но с каждым шагом Ксюше становилось все страшнее. Она чувствовала, как вот-вот речка кончится. Ей даже казалось, что она издали видит, как речка меняет цвет там, у завода.

Ксюша не ошиблась.

Завод сам к речке не подходил. Он остался на высоком берегу. Между его высоким бетонным забором и рекой тянулись какие-то склады, а еще ниже, у самой воды, было несколько огородиков, рядами сбегали к реке кустики картошки.

Между двумя огородами улеглась толстая труба, наполовину погруженная в землю. Труба нависала над речкой, и из нее в речку лениво изливался густой поток бурого цвета. И видно было, как жуткая жижа расплывается в прозрачной воде, вытесняет ее, смешивается с ней — и дальше вниз текла уже не вода, а жидкость, которой нет названия.

Они остановились возле трубы.

Ксюша увидела, как несколько рыбок, что плыли за ними сверху, засуетились возле границы между водой и жидкостью и поспешили обратно.

Жижа, которая изливалась из трубы, была вонючей, пахла аптекой и уборной.

— Доктор! — сказала Ксюша в ужасе. — Скорее закройте трубу.

— А дальше что? — спросил речной доктор. — Они ее тут же откуют.

— Все равно что-то надо сделать,— сказал Гарик. — А то зачем мы очистили речку?

Ксюша увидела, как одна из рыбок, видно рассеянная, нечаянно вплыла в зараженную часть реки и тут же перевернулась белым брюшком вверх. И ее понесло вниз по течению.

— Что? — раздался голос. — Не нравится вам наша речка?

Голос принадлежал старичку, маленькому, скрюченному, в широкополой соломенной шляпе, который стоял, опершись о лопату, посреди огорода.

— Не то слово,— сказал речной доктор. — Но неужели вам все равно?

— Нам не все равно,— ответил старичок.— Только нас никто не спрашивает.

— Разве они не видят? — спросила Ксюша, показывая на завод.

— Они штрафы платят,— ответил старичок.— Им лучше штраф заплатить, чем безобразие прекратить.

— И все молчат? — спросил Гарик.

— Почему все? Есть у нас один, он даже в газете написал.

— И что же?

— Уволили его с завода за плохую дисциплину.

— И он сдался? — спросила Ксюша.

— Он не сдался. Он глупый, он думает, что-то можно изменить.

— А где он?

— Вон там — у входа стоит.

Старичок показал вверх. Туда, где в заборе были ворота. В ворота входили и выходили люди, а возле ворот стояла маленькая фигурка с белым плакатиком.

— Пошли посмотрим,— сказал речной доктор.

Они поднялись вдоль трубы наверх, прошли вдоль бетонного забора и оказались у ворот.

Человек, на которого показал старичок, оказался мрачным, коренастым пожилым мужчиной. Он держал прикрепленный к палке плакат. На плакате было написано: «Губить природу — преступление!»

Люди шли мимо, некоторые улыбались, некоторые останавливались, некоторые укоризненно качали головой.

— Здравствуйте,— сказала Ксюша.— Вы хотите спасти нашу речку?

Мужчина сказал:

— Да, я буду здесь стоять, пока не спасу речку.

— Значит, вы наш союзник,— сказал Гарик.— Только мы не стоим, а идем. Мы сегодня уже тысячу километров прошли и всю речку очистили.

— Мне приятно с вами познакомиться,— сказал речной доктор.— Гарик говорит правду. Мы в самом деле хотим очистить речку, чтобы люди в ней могли купаться, пить воду и ловить рыбу.

— Боюсь, что ничего не получится,— сказал мужчина.— Меня зовут Петр Ванечкин. Я раньше здесь работал. Но я очень устал. Никто не обращает на меня внимания.

Мужчина сказал:
— Да, я буду здесь стоять, пока не спасу речку.

— Но почему? — удивилась Ксюша.

Тут из ворот выбежал очень худой человек в черном костюме.

— Освободите проход! — закричал он на Петра Ванечкина.— Вы мешаете нормальной работе. Я милицию вызову.

— Вызывай, Кузькин,— сказал Ванечкин.

— Эй! — крикнул Кузькин проходившим мимо рабочим.— Помогите мне его выгнать.

Но рабочие только засмеялись.

Кузькин начал толкать Ванечкина. Он старался вырвать у него плакат. Это ему почти удалось, но в последний момент Гарик подхватил плакат и отбежал с ним в сторону.

Кузькин хотел бежать за Гариком, но его остановил речной доктор.

— Кузькин? — спросил он.— Тимофей Викторович? Главный технолог?

— Я самый,— сказал Кузькин.

— Вот с вами я и хотел поговорить,— сказал речной доктор.— Ваш завод сбрасывает в речку отравляющие вещества. Я очень прошу вас прекратить это.

— Еще вас мне не хватало! — рассердился Кузькин.— С минуты на минуту Лодзинский из управления приедет. А мы тут безобразия допускаем. А что, если с ним телевидение будет?

— Не надо ждать, пока будет телевидение,— сказал речной доктор.— Сейчас же прекратите сбрасывать отраву.

— Производство остановить, да? — закричал Кузькин.— Народ оставить без ценной продукции? Вы — не знаю, как вас зовут — типичный диверсант и вредитель. А ну, покажи документы!

— Ах, Кузькин, Кузькин! — сказал печально речной доктор.— Я же знаю, почему вы так сердитесь. Вы же экономите на средствах очистки и за эту экономию получаете премию. Вы же ни о чем, кроме своей премии, думать не можете. Даже если вся Земля развалится, вы все равно бровью не поведете — только бы премию получить.

— Это точно,— сказал один из рабочих, что стояли вокруг.

— Есть уже шесть постановлений прекратить на заводе производство вредных для здоровья веществ. А вы с директором эти документы прячете.

— Мы не прячем! — возразил Кузькин.— Мы о рабочих заботимся. Если мы производство остановим, они зарплату не получат.

— Кузькин, я вас предупредил,— сказал речной доктор.— Я с обманщиками и вредителями природы шутить не люблю. Немедленно прекратите сбрасывать в речку вредные вещества. Вы меня слышите?

— Может, вы инспектор? — спросил Кузькин.— Тогда я скажу — инспекция у нас уже работала. У меня есть документ, что выбросы завода в пределах нормы. И штрафы мы все заплатили, как положено.

— Я не хочу смотреть на ваши бумажки,— сказал речной доктор.— Бумажками речку не спасти. К таким, как вы и ваш директор, у меня нет жалости. Вы не только убиваете речку, вы убиваете всех людей. Не сегодня, так завтра люди начнут серьезно болеть.

— Товарищи трудящиеся! — завопил Кузькин.— Вы его слышите? Он хочет остановить наше замечательное производство. Вы не получите зарплату и премию! Ваши дети будут голодные!

Рабочие молчали. Конечно, некоторым было все равно, какая река — грязная или чистая. Другим было жалко речку. Но не настолько, чтобы из-за нее оставаться без работы.

— Хватит, надоело,— сказал речной доктор.— Я пошел.

И он быстро пошел вниз, к тому месту, где из трубы лилась отрава.

— Только без самоуправства! — испугался Кузькин.

Он вытащил из кармана свисток и засвистел в него.

Из ворот выглянул пожилой вахтер.

— Взять его! — крикнул Кузькин, показывая на речного доктора.— Он без документов.

Вахтер неуверенно пошел следом за речным доктором.

Но речной доктор был не один. Рядом с ним шагали Ксюша и Гарик, а следом шел Петр Ванечкин с плакатом. А в отдалении шли несколько рабочих, которым было интересно поглядеть, чем все это кончится.

Кузькин догнал речного доктора у самой реки.

Речной доктор ждал его.

— Я сейчас... Я сейчас... — Кузькин задыхался от бега и ярости.— Ты только тронь!

Но речной доктор ничего не стал делать с трубой. Вместо этого он ловко схватил Кузькина, поднял его в воздух, и тот на глазах у всех превратился в худую длинную щуку.

— Попробуй сам,— сказал речной доктор и кинул Кузькина в воду недалеко от трубы.

Все так растерялись, что стояли с разинутыми ртами. Только Ксюша и Гарик не удивились.

Щука заметалась в грязной воде, выпрыгнула, выпучив белые глаза, и отчаянно поплыла вверх, к чистой воде. Она разевала рот, била хвостом, потом поплыла к берегу — видно, хотела упрямить речного доктора, чтобы он вернул ей человеческий облик.

Речной доктор стоял на берегу, сложив руки на груди, и ничего не делал.

Зато Рыжик вдруг кинулся в воду, догнал щуку — Кузькина, который неловко пытался уйти от собаки в глубину, схватил главного технолога зубами за хвост и выволок на берег. Так, держа за хвост, он притащил его к речному доктору и кинул на траву у его ног.

— Ну что? — спросил речной доктор у щуки. — Хотите еще плавать или начнете думать?

Щука закрутилась у ног речного доктора. Рыжик зарычал и хотел было снова схватить рыбку, но она превратилась в человека, и собаке пришлось отойти.

Кузькин кашлял, хлопал глазами. Все стояли вокруг и молчали. Наконец Кузькин пришел в себя и сказал:

— Я буду жаловаться!

— На что? — спросил речной доктор.

— Я буду жаловаться, что вы меня схватили при исполнении служебных обязанностей и чуть не погубили. Пытались погубить!

— Каким же образом?

— Сами знаете! Там дышать невозможно!

— Теперь вы знаете, каково рыбам в такой воде?

— Я не рыба! Я главный технолог.

— Послушайте, Кузькин, вы мне надоели. Если вы будете и дальше сопротивляться, то я вас заставлю эту воду пить.

Тут не выдержали нервы у зрителей.

— Ну, это слишком! — раздались голоса из толпы.

— У него же дети есть!

— Все-таки живой человек!

Кузькин сразу осмелел.

— Все будете свидетелями! — сказал он. — Мы его засудим.

*Но речной доктор ничего не стал делать с трубой.
Вместо этого он ловко схватил Кузькина, поднял его в воздух,
и тот на глазах у всех превратился в худую длинную щуку.*

— Вы, по-моему, ничего не поняли,— сказал речной доктор.— Я сюда пришел не развлекаться, а спасти речку. Для этого мне нужно, чтобы речку перестали травить. Разве это так сложно понять?

— Хулиган,— сказал Кузькин.

Тут он весь подобрался, как тигр перед прыжком, и кинулся вверх по склону, к воротам, куда как раз въезжала «Волга»

— Из управления едут,— проговорил Ванечкин.

— Странный человек,— сказал речной доктор.— Я такого просто не встречал. Он совсем не испугался, что я превратил его в шуку. Он об этом сразу забыл.

— Он у нас такой,— сказал один из зрителей.— Он мать продаст за премию.

Видно было, как Кузькин подбежал к машине. Из нее вышел человек. Другой спешил к машине от ворот.

— Вот и директор прибежал,— сказал Ванечкин.— Учтите: если вам станет плохо, если на вас будут гонения, я с вами!

— Чего из-за речки переживать? — спросил один из рабочих.— Она уж лет десять как отравленная, а ничего, живем.

— Жить можно и по горло в болоте,— сказал Ванечкин.— И думать, что лучше жизни нету. Если не с чем сравнивать.

— Почему не с чем? — спросил рабочий.— Я Черное море видел — в него тоже помои сбрасывают.

Но разговор кончить не удалось, потому что с горы спешил Кузькин с солидным подкреплением: директором и Лодзинским из управления.

— Вот он! — кричал Кузькин.— Он себе много позволяет!

— Так,— сказал директор, подходя первым.— Кузькин утверждает, что вы здесь фокусы показываете, людей превращаете в рыб, чтобы испугать наших трудящихся. Так вот, ответу вам со всей ответственностью: нас не запугаете! Вам нужны великие потрясения, нам нужна великая держава.

— Попрошу документы,— сказал Лодзинский из управления.— Если вы общественность, вам надо действовать через положенные каналы. У вас есть разрешение на демонстрацию?

— По-моему, они безнадежные,— сказал речной доктор.

— Совершенно безнадежные,— согласился с ним Ванечкин.

— Может, их тоже в рыб превратить? — спросил речной доктор.— Пускай дышат тем, что в реку спускают.

— Попрошу без фокусов,— сказал Лодзинский, но на всякий случай отступил подальше.

— Начнем, как всегда, с Кузькина,— сказал речной доктор, поднимая руку.

Но тут Кузькин припустился в гору с такой скоростью, что обогнал собственный визг.

— Тогда ваша очередь, товарищ директор,— сказал речной доктор.

— Милиция! — закричал директор.— Нас превращают!

И тоже побежал наверх. За ним — Лодзинский из управления.

А из трубы все текла и текла страшная жижа.

— Надо остановить производство,— сказал Ванечкин.— Они не выполняют указаний санинспекции.

— А как остановить? — спросил речной доктор.

— Технологию надо менять.

— К сожалению, этого я не умею,— сказал речной доктор.— Я специалист по речкам, а не по заводам.

— Надо сделать замкнутый цикл,— сказал один из рабочих.

— А как? — спросил речной доктор.

— Чтобы ничего с завода не выливалось.

— А потом? Они его опять разомкнут?

— Пока они будут размыкать,— сказал Ванечкин,— я до Москвы дойду! Мы их остановим.

— Я попробую,— сказал речной доктор.

Он наморщил лоб, уставился на трубу и принялся что-то бормотать.

От речного доктора исходило такое напряжение, что у окружающих из пальцев посыпались искры.

И вдруг у всех на глазах труба начала двигаться. Она двигалась, как огромная змея: голова, из которой хлестала жижа, приподнялась и обернулась к заводу. Она поднималась, волоча за собой длинное тело, а грязный поток, выливаясь, потек по огороду, отчего молодые кусты картошки начали съезживаться и вянуть.

— Стой! Стой! — закричал старичок огородник.— Меня-то за что?

— Я исправлю,— сказал молодой человек.— Зато все теперь видят, что значит отрава, которую выпускает ваш завод.

А тем временем голова трубы добралась до бетонного забора, проломила его и исчезла на заводском дворе.

— А что там будет? — спросил кто-то из рабочих.

— Сейчас увидите.

Над забором стояло большое здание заводоуправления. И тут все увидели, как труба начала подниматься по стенке здания, добралась до окна на втором этаже. Разлетелись стекла — голова трубы исчезла в комнате.

— А что там? — спросила Ксюша.

— Там кабинет директора, — сказал Ванечкин.

Целую минуту ничего не происходило — видно было только, как труба все втягивается и втягивается в окно.

А потом в здании начали раскрываться окна, и из окон принялись выпрыгивать люди.

Труба уже полностью уползла со склона.

— А что дальше будет? — спросила Ксюша.

— Наш конец трубы, — сказал речной доктор, — отыскал уже второй конец, в который собиралась с завода эта жижа. Теперь жижа будет течь по кругу. Я правильно понял, что такое замкнутый цикл?

— Нет, неправильно, — вздохнул Ванечкин. — Вы плохо знаете технологию. Ведь в трубе останется только та жижа, которая там была. А новая?

Из ворот выбежали директор, Кузькин и Лодзинский из управления, все измазанные. Они попрыгали в машину, но шофер, который их там ждал, открыл дверь и из машины убежал.

— Очень плохо пахнут, — сказал Ванечкин.

Директор, Кузькин и Лодзинский принялись бегать за шофером.

— Я думаю, — сказал речной доктор, — что с такой трубой этот завод работать не сможет.

— Это точно, — сказал Ванечкин. — Придется им останавливать производство.

Он протянул руку речному доктору, попрощался с ним и сказал:

— Я поехал в Москву. Пока они будут разбираться, я успею что-нибудь сделать.

Наконец Кузькин поймал шофера, втроем они затолкали его в машину, и «Волга» уехала.

— Вы бы ушли,— сказал один из рабочих речному доктору.— Они сейчас милицию вызовут. Вам придется отвечать за хулиганство.

Речной доктор словно его не слышал. Он смотрел, как одна за другой переставали дымить трубы завода.

— Ой! — воскликнул старичок огородник.— Вы только поглядите!

Они обернулись к реке.

Темная жижа исчезла — уплыла вниз по течению. И вся река была прозрачна, как горный ручей. Сверху приплыли рыбы и резвились в воде. На дне был виден каждый камешек.

А на берегах реки ниже по течению, на берегах голых и серых, на глазах вылезала из земли трава.

— Слушай,— сказал один рабочий другому,— давай искупаемся.

И все рабочие начали раздеваться и прыгать с берега в воду.

— Лучше, чем в Черном море! — закричал один из них.

— Спасибо, речной доктор! — закричал другой.

— Мне не надо вашей благодарности,— сказал речной доктор.— Я прошу об одном: не давайте жиге из трубы снова выливаться в эту реку. Это же ваша вода!

— Не учи, сами понимаем! — послышалось в ответ.

— Пойдем дальше,— сказал речной доктор.— Меня не оставляет беспокойство. А что, если у Ванечкина ничего не получится?

Ребята молчали. Они не знали, получится у Ванечкина или нет.

— Конечно, я мог бы взорвать этот завод,— сказал речной доктор.— Но если каждый начнет взрывать, это плохо кончится.

Они хотели уйти, но их остановил старичок огородник. Он напомнил речному доктору, что тот обещал вылечить его картошку. И речной доктор сделал это без труда, за одну минуту — рабочие еще не успели из реки вылезти.

Когда речной доктор, Гарик, Ксюша и собаки пошли дальше вниз по прозрачной реке, рабочие кричали им, что они будут помогать реке. И еще советовали уходить поскорее...

Скоро завод остался позади.

За ним начался заводской поселок. В нем были пятиэтажные дома, но больше одноэтажных домиков.

У поселка река была перегорожена дамбой, чтобы получился пруд.

Видно, устроили его давно, когда еще не было завода. А теперь он превратился в большой вонючий отстойник — ни одна травинка не росла по его берегам, ни одно дерево не подступало близко. Только зеленые блины тины покачивались у берегов.

Прозрачная вода речки вливалась в пруд, и видно было, что в верхней его части вода начинает светлеть и очищаться.

— Давайте посмотрим,— сказала Ксюша, которая немного устала,— как этот пруд сам по себе очистится.

— Нет,— сказал Гарик.— Надо уходить. Ты же слышала, что они милицию позовут.

— А мы ничего плохого не сделали.

— Как не сделали? — возразил Гарик.— Все-таки целый завод остановили. И директора испачкали, и Кузькина в шуку превращали.

Он говорил «мы», потому что считал, что они все делают вместе с речным доктором. Он вообще думал попроситься к доктору в ученики. Все же интереснее, чем ходить в школу и учить таблицу умножения.

Речной доктор вроде бы их не слышал. Он осмотрел пруд и сказал:

— Ждать, пока он сам очистится, нельзя. Там на дне столько скопилось вредных веществ, что пруд и за месяц не промыть. Придется действовать.

— А милиция? — спросил Гарик.

— Будем рисковать. Может, они не догадаются сюда за нами прийти.

Речной доктор быстро пошел вдоль пруда, остановился возле дамбы, сквозь которую по бетонному желобу протекала серая речка, а потом посмотрел вниз по течению.

— Эй! — крикнул он тоненькой девушке в противогазе, которая шла по голому берегу реки, читая журнал.— Отойдите от реки, сейчас я ее спускать буду!

— Что вы сказали? — спросила девушка. Голос сквозь маску звучал глухо.

Речной доктор показал ей рукой, что надо отойти.

Девушка не стала спорить. Продолжая читать, она пошла вверх по склону.

— Странная какая,— сказала Ксюша.

— Приготовились, спускаем пруд! — предупредил доктор.

Он направил свой пистолет на дамбу, и в ней образовался прорыв, сквозь который с плеском и стоном понеслась вниз вода, заливая серые берега. А серая жидкость в пруду стала понижаться, обнажая такое же серое дно.

Девушка, увидев, что началось наводнение, перестала читать и поспешила к речному доктору.

— Что вы делаете? — спросила она. — И без вас дышать нечем!

— Я хочу, чтобы вы сняли противогаз.

— Это невозможно,— сказала девушка. — У нас в поселке все ходят в противогазах. Даже спят в противогазах. Товарищ Кузькин сказал, что у нас самые лучшие в мире противогазы.

— Зачем же вы все это терпите? — спросил речной доктор.

— А мы не терпим, мы привыкли,— сказала девушка. — Я даже хожу гулять на берег. Если в противогазе, то не очень противно.

— Нельзя! — вдруг закричал речной доктор. — Нельзя привыкать! Вы не смеете привыкать к грязи и безобразию! Вы перестанете быть людьми, если разрешите каким-то негодьям губить природу и убивать вас! Неужели вы не знаете, что человек — это только маленькая часть природы?

— Зачем же кричать? — удивилась девушка. — Я и так все слышу. Я с вами совершенно согласна. Но мы ничего не можем поделать. И если вы спустите воду из нашего пруда, то завтра в него снова нальют такую же гадость.

— А вы посмотрите! — воскликнула Ксюша. — Вы посмотрите, какая вода течет!

И только тут девушка увидела, что вместо серой грязи в пруд вливается прозрачный поток.

— Как? — удивилась она. — Неужели так может быть?

Она побежала к домам и стала кричать:

— Мама! Тетя Дуся! Галя, Валя, Маля! Идите сюда! Здесь чистая вода!

А воды в пруду оставалось все меньше.

— Эх,— сказал речной доктор,— аккумуляторы нейтрализатора садятся. Не думал я, что придется сегодня так много работать.

Он направил широкий луч на серую массу на дне, и она начала исчезать. Ее было так много, что воздух согрелся, и Ксюша с Гариком отбежали от берега. Собаки за ними: у пруда было очень жарко.

Серая тина, серый ил, серый камень, в который превратилась за годы грязь на дне, исчезали. Речной доктор спешил. Он изо всех сил нажимал на курок своего пистолета.

Над прудом стоял пар, потому что речка приносила чистую воду, и вода спешила наполнить углубления в дне.

Вскоре речной доктор скрылся за клубами пара.

А от поселка бежали люди, все в противогазах. Они боялись подойти к пруду и спешили по его берегу вверх, туда, где в него вливалась прозрачная вода.

Ксюша не знала, сколько прошло времени. Наверное, не очень много — у речного доктора пистолет мощный.

У ее ног плескалась прозрачная вода, и кипела она уже только у дамбы.

Раздался гудок.

От поселка неслись две машины — «Волга» и милицейский «газик».

Они остановились недалеко от пруда.

Первым выскочил Кузькин. За ним вылезли директор завода и Лодзинский из управления. Из «газика» вышли милиционеры и в изумлении глядели на неузнаваемый пруд.

Речного доктора они не видели, потому что он был скрыт в клубах пара, но Ксюшу с Гарином Кузькин увидел сразу.

— Вот они! — закричал он. — Его сообщники. Они одна компания.

Клубы пара рассеивались. Стало видно, что на разрушенной дамбе стоит молодой человек с сумкой через плечо. В руках у него ничего нет.

— Держи его! — Директор побежал к речному доктору.

За ним — Кузькин и Лодзинский. Правда, Кузькин и Лодзинский отстали — они не хотели, чтобы их превращали в рыб.

Речной доктор стоял неподвижно. Он не смотрел на директора, он осматривал бывший пруд и был доволен. По очищенной земле текла прозрачная река.

Директор остановился возле речного доктора и сказал:

— Сдавайся, хулиган.

— Я никуда не убегаю,— сказал речной доктор.

Тут подошли два милиционера. Лейтенант и сержант.

— Что вы тут делаете? — спросил лейтенант.

— Разве не видно? — удивился речной доктор.— Я очистил ваш пруд.

— И правда, очистил,— удивился сержант.

— А завод вы остановили? — спросил лейтенант.

— Его давно нужно было остановить. Это не завод, а убийца,— сказал речной доктор.

— Вам придется пройти с нами,— сказал лейтенант.

— Осторожнее! — предупредил Кузькин издали.— А то он вас в рыбу превратит.

— Я ничего не делаю из хулиганства,— сказал речной доктор.— Я вообще очень серьезный. И я думаю, что лучше вам меня не задерживать, потому что я еще не кончил мою работу.

К ним стали подходить жители поселка. Они снимали противогазы. Первой к речному доктору подошла девушка с книжкой. Без противогаса она казалась очень красивой, только бледной.

— Большое спасибо,— сказала она.— Вы сделали очень хорошее дело.

— Спасибо! — говорили другие жители поселка.

— Не задерживайтесь,— сказал лейтенант.

Он взял речного доктора за локоть.

Жители поселка стали шуметь и требовать, чтобы доктора отпустили.

— А мы его не обижаем,— сказал сержант.— Вы нас тоже должны понять. К нам поступила жалоба, что этот человек остановил целый завод. И тут непонятно что делал. Мы разберемся, и, если человек ни в чем не виноват — проверим документы и выпустим.

— Они правы,— сказал речной доктор.— Они на работе. Я пойду с ними и скоро вернусь.

Он снял с плеча сумку и передал ее Гарику.

— У нас еще осталось много работы,— сказал он.— Увидимся ниже по течению.

Милиционеры повели речного доктора к своему «газику».

А Кузькин побежал за ними следом. Он кричал:

— Сообщников возьмите! Пока они на свободе, я не могу спать спокойно.

Но лейтенант только отмахнулся, а сержант обернулся и спросил:

— Вы дорогу домой найдете?

— Найдем,— сказала Ксюша.

Речной доктор, садясь в «газик», улыбнулся им и подмигнул.

Гарик кивнул в ответ.

Машины уехали. Жители поселка разбрелись по берегу. Они любовались речкой и с удовольствием дышали свежим воздухом. Возле ребят остались только девушка, которую звали Милой, и ее тетя Дуся.

— Пошли к нам,— сказала тетя Дуся.— Он вам кем приходится?

— Он наш друг,— сказала Ксюша.

— Небось далеко от дома вас увел?

— Нет, недалеко,— быстро ответил Гарик. Он не хотел, чтобы взрослые начали суетиться, если узнают, как далеко отсюда он живет.

— Мы пойдем вниз по реке,— сказала Ксюша.— Речной доктор будет нас там ждать.

— Не выпустят его,— возразила тетя Дуся.— Для нас он хороший человек, а завод все-таки без спросу остановил.

— Мы пошли,— сказал Гарик.

— Нет,— сказала Мила.— Я вас одних не отпущу. Хотите идти вниз по реке, пойдете со мной.

Гарик с Ксюшей переглянулись.

— Ладно,— сказал Гарик.

Все-таки лучше идти с девушкой, чем совсем одним.

— А то заходите, пообедайте,— сказала тетя Дуся.

Но Гарик ее уже не слушал. Он понимал, что теперь, раз речно-го доктора нет, спасателем реки придется быть ему самому.

Он сунул, не глядя, руку в сумку, и тут же его пальцы нащупали ворох семян. Гарик вытащил пригоршню семян и побежал по берегу, раскидывая их вокруг пруда. Так он добежал до прорыва в дамбе и не знал, что делать дальше, как засеять дальний берег пруда. Но тут внезапно налетел сильный порыв ветра, его пальцы сами разжались, и семена понеслись на тот берег, ровно ложась

на землю,— и всюду вокруг пруда начала подниматься зеленая трава.

И жители поселка, которые гуляли по берегу, начали хлопать в ладоши и смеяться — это было как фокус, как во сне.

А ребята с Милой пошли дальше вниз по реке.

За ними побежали собаки, которые куда-то убегали, пока речной доктор лечил пруд. И понятно: для их чутких носов запах пруда был совершенно невыносим.

Гарик время от времени запускал руку в сумку и рассеивал по берегу семена. И берег становился из серого зеленым.

— А кто он такой? — спросила Мила.— Он такой красивый и веселый.

— Он речной доктор,— сказал Гарик.

— А может быть, он речной бог,— сказала Ксюша.

— Я думаю, он биолог,— сказала Мила.— И очень способный.

Чем дальше они спускались по реке, тем удивительнее было видеть, как на глазах она возрождалась. Если бы речной доктор был рядом, он объяснил бы друзьям, что сама вода, чистая и целебная, может лечить природу. Вот уже без помощи Гарика трава начала сама пробиваться на берегах; распрямлялись пожелтевшие раньше времени и пожухшие листья кустов; мальки, приплывшие сверху, сверкали среди водорослей, а невесть откуда приползшие раки уже рыли норы под берегом. Стрекозы носились над водой, гонялись за мушками, а синицы — за стрекозами. А лишние мертвые вещи старались исчезнуть с глаз. Ксюша собственными глазами видела, как ржавая кастрюля, которая валялась в тине, как только ее промыло чистой водой, принялась быстро погружаться в песок, с глаз долой...

Солнце уже перевалило зенит, и ребята и собаки устали, но признаваться в этом не хотели.

— А где он будет нас ждать? — спросила Ксюша у Гарика.

— Ниже по течению,— ответил Гарик.

Разумеется, он тоже не знал, где встретит речного доктора, но верил, что доктор умнее и сильнее всех, даже милиционеров. И если он сказал, что надо идти вниз по реке, значит, надо идти. Теперь Гарик был главным, у него была сумка. Он стал если не доктором, то речным санитаром.

Мила, конечно, этого понять не могла. Она речного доктора совсем не знала. Хотя он ей очень понравился. Поэтому она беспокоилась о нем совсем иначе.

— Может, пойти в милицию? — спросила она. — Мы попросим отдать нам доктора на поруки. Если нужно, я весь наш поселок подниму. Ведь люди ему очень благодарны.

— Подожди, — сказал Гарик. — Я думаю, он сам выпутается. Давай дойдем вон до того поворота. Если доктора нет, значит, надо выручать. В крайнем случае, я знаю, как его освободить.

Гарик не стал говорить женщинам, как он намерен освободить речного доктора. Это была тайна. Они бы испугались.

В сумке у Гарика, как известно, лежал пистолет. Если этим пистолетом можно разрушить дамбу или расплавить бетонную плиту, то уж стену отделения милиции или даже тюрьмы — ничего не стоит. Надо только выбрать время, когда никто не смотрит, сделать дырку в стене — и доктор выйдет на свободу.

По правому берегу, по которому они шли, начали появляться дачи. Потом показался пионерский лагерь. Множество ребят побежали к реке. Они радовались, какая в ней чистая вода, и хотели купаться. Но вожатые не пускали их в речку.

— Нельзя! — повторила кругленькая вожатая. — Вы же знаете, река отравлена.

— Но она чистая! — отвечали пионеры.

— Это только кажется, что она чистая. Мы не знаем, какие вещества в ней растворены.

— Никаких веществ, — сказал, подходя, Гарик. — Я вам это гарантирую.

— Мальчик! — воскликнула вожатая. — Откуда ты можешь знать? Пока санитарный врач не разрешит, я не могу рисковать здоровьем детей.

Собаки словно поняли, о чем идет спор, — побежали к воде, подняли столб хрустальных брызг и поплыли от берега.

Ксюша подобрала сарафан и вошла в воду по колени.

— Девочка! Прекрати немедленно! — испугалась вожатая.

Ксюша засмеялась и бухнулась в воду. Было жарко — сарафан быстро высохнет.

И тогда дети перестали слушаться вожатую и кинулись в реку.

— Не волнуйтесь,— сказала Мила вожатой.— Я точно знаю, что река очищена. Завод перестал работать. Его закрыли.

— Вы уверены? — спросила вожатая.— Ваши дети неорганизованные, а за моих я отвечаю.

— Вы лучше сами искупайтесь,— сказал Гарик строго.— Смотрите, какая жарыща.

— Купаться я не буду,— сказала вожатая.— Но мой долг идти в воду, чтобы с детьми чего-нибудь не случилось. К счастью, я в купальнике.

Она сбросила платье и осторожно вошла в воду. Сначала по щиколотки, потом по колени. Вода весело плескалась у ее ног, заманивая вглубь. И тут вожатая не выдержала. Она взвизгнула, зажмурилась и нырнула, отчего поднялся фонтан брызг.

На середине реки показалась ее голова. Голова крутилась во все стороны, и вожатая кричала:

— Далеко не отплывать! Не нырять! Не окунаться!

Но все ныряли, отплывали и окунались.

— Ксюша! — позвал Гарик.— Нам надо спешить. Вылезай.

Ксюша с сожалением вылезла из воды. И они пошли дальше.

Ниже лагеря снова начался лес. Лес был молоденький, сосновый. Сажены росли прямыми рядами. Там в речку впадала другая речушка. Путники остановились, размышляя, как через нее перебраться. Речушка была узкой, но глубокой.

Гарик увидел, что через речушку перекинута бревно. К нему вела тропинка. Рядом с тропинкой была вывеска, прибитая к столбу:

Ивановское лесничество

Заповедник

Сосновый питомник

Гарик первым перешел речку по бревну. Бревно было тонкое, оно качалось, поэтому переходить было трудно.

— Осторожнее! — сказал Гарик Ксюше.

Он встал на берегу и протянул руку, чтобы Ксюше было за что схватиться.

Ксюша легко перебежала по бревну, но в последний момент потеряла равновесие, и Гарик еле успел схватить ее за руку.

Мила сделала первый шаг по бревну и сказала:

— Ой, я сейчас упаду.

И как только она решила, что сейчас упадет, ноги ее ослабли, она отчаянно замахала руками — и Гарик, который бросился к ней на помощь, сам чуть не упал в воду.

Быстро махая руками, словно хотела взлететь в небо, Мила ухнула в речку.

На секунду она скрылась под водой.

И тут же вода вскипела, словно Мила там встретилась с крокодилом и вступила с ним в смертельную схватку. Гарик с Ксюшей замерли от удивления, а собаки принялись носиться вдоль берега и отчаянно лаять.

Из-под воды показались две головы.

Одна принадлежала Миле, а вторая — другой девушке, которой раньше не было.

Обе головы отфыркивались, крутились, отплевывались.

Четыре руки колотили по поверхности воды, и казалось, что узенькая речка вот-вот выплеснется на берег.

Правда, девушкам ничего не угрожало — они вынырнули как раз в двух шагах от большой ивы, что росла на берегу, затеняя своей листвой темную воду речки.

Через минуту обе девушки уже были на берегу.

Обе тряслись от пережитого страха, обе обняли с разных сторон ствол ивы.

Тогда ребята смогли их рассмотреть.

Впрочем, Милу рассматривать не было нужды — она не изменилась, только промокла, и ее пышные черные волосы распрямились и прижались к голове. Зато вторая девушка их удивила.

Во-первых, она была очень бледной, и у нее были зеленоватые прямые волосы точно такого же оттенка, как у речного доктора. Но и это не самое удивительное: девушка была одета в купальный костюм зеленого цвета. Он был составлен из чешуек, которые переливались перламутровым блеском.

Девушка перевела дух и сказала низким, хрипловатым голосом:

— Я думала, что умру от страха.

— А я почти умерла, — отозвалась Мила.

...девушкам ничего не угрожало — они вынырнули как раз в двух шагах от большой ивы, что росла на берегу, затеняя своей листвой темную воду реки.

— Ну, зачем же вы падаете людям на голову? — спросила зеленая девушка.

— Я же не знала, что вы сидите под мостиком,— сказала Мила.— К тому же я нечаянно упала.

— Я не сидела под мостиком,— обиделась зеленая девушка.— Что мне там делать? Я плыла.

— Что-то мы вас не видели,— сказал недоверчиво Гарик.

— А как вы могли меня увидеть, если я плыла под водой?

— Вы подводная пловчиха?

— Это не важно,— сказала зеленая девушка.— До свидания.

И повернулась, чтобы снова войти в воду.

Но тут же обернулась, и лицо ее было испуганным, словно она увидела привидение.

— Где ты это взял? — спросила она, указывая на сумку, которая висела через плечо Гарика.

— Что взял?

— Сумку. Где ты взял эту сумку?

— Мне речной доктор дал,— сказал Гарик.

— Речной доктор? А, конечно, он себя так называет. Но где он сам?

— Вы его знаете? — спросил Гарик.

— Знаю, знаю! Не увиливай от ответа, мальчик. Ты украл эту сумку?

— Как вам не стыдно! — возмутилась Мила.— Речной доктор сам дал Гарику эту сумку. При мне. Гарик ему помогает.

— Значит, случилось что-то страшное! — воскликнула зеленая девушка.— Только не скрывайте от меня всей правды! Он никогда бы не расстался с сумкой. Что с ним, умоляю, что с ним? Его убили?

Ксюша поняла, что девушка в самом деле очень испугана и переживает. Может, она его сестра? У них волосы одного цвета.

— Ничего страшного.— Ксюша постаралась успокоить зеленую девушку.— Речной доктор попал в милицию. Но он скоро оттуда уйдет, мы договорились, что подождем его.

— В милицию? Разве он совершил что-то ужасное? Нет, не скрывайте от меня ничего. Лучше страшная правда, чем жалкая ложь.

И тогда Ксюша — конечно, очень коротко, в нескольких словах,— рассказала зеленой девушке, как они познакомились с реч-

ным доктором, как путешествовали по реке и что случилось на заводе, а потом на пруду.

Зеленая девушка выслушала рассказ не перебивая, только кивала и иногда вздыхала. А когда Ксюша поведала ей, как речного доктора арестовали, на глазах у нее показались слезы, сорвались с длинных ресниц и покатались по щекам. И Ксюша поняла, что слезы у девушки тоже зеленые. Хотя, может быть, на ее лицо падала тень от листвы.

— И он сказал, чтобы вы его ждали? — спросила она наконец.

— Он велел нам идти вниз по реке, — ответил Гарик.

— А где, в каком месте вы должны встретиться?

— Я не знаю.

— Все это очень плохо, — сказала зеленая девушка. — Я очень обеспокоена.

— Почему же вы о нем беспокоитесь? — спросила Мила. Ей девушка не очень понравилась.

Мила понимала, что девушка знакома с речным доктором, а Миле доктор очень понравился. И она немного ревновала и считала, что зеленой девушке совсем не стоило таиться под бревном и пугать Милу.

— Мы с ним одной крови, — ответила девушка. — Мы с ним родственники.

— А я думал, он инопланетный пришелец, — сказал Гарик.

— Не говори глупостей, — сказала зеленая девушка. — И отдай сумку. Тебе еще рано до нее дотрагиваться.

— Речной доктор мне ее дал, ему я ее и отдам, — сказал Гарик. — А вас я не знаю. И не знаю, где вы были, когда мы сражались на реке и в лесу.

— Гарик прав, — сказала Мила, которой зеленая девушка совсем разонравилась. — У нас нет оснований вам доверять.

Но Ксюша так не думала. Она понимала, что зеленая девушка говорит правду. Конечно же, она похожа на речного доктора.

— А кто вы такая? — спросила Ксюша. Но не строго спросила, не сердито, а по-дружески.

— Я дешеняя русалка, — ответила зеленая девушка. — Разве не понятно?

— Совершенно не понятно, — сказала Мила.

— И вообще вы на русалку совершенно не похожая,— сказал Гарик, который не хотел отдавать сумку случайным встречным.

— А вы раньше много русалок видели? — спросила зеленая девушка у Гарика.

— Видел,— упрямо сказал Гарик.— На картинках видел. И оперу по телевизору показывали. Где ваш хвост?

— Ах, какая наивность! — сказала русалка.— Я убеждена, что ты ни одной русалки в жизни не видел.

— Это не важно,— сказала Мила.— Я тоже не видела русалок, а также не видела драконов, гномов и леших. И вообще я в эти сказки не верю.

— А в то, что обыкновенный человек может очистить пруд, который вы, люди, загубили,— в это вы поверить можете? — спросила русалка сердито.

Мила ничего не ответила, а Гарик сказал:

— Все равно вы сумку не получите. Она мне нужна для дела.

— Это еще для какого дела? — спросила русалка.

— Я вам не скажу.

— Ты ничего не понимаешь!

— Я понимаю, что друзей надо защищать и спасать,— сказал Гарик.

Русалка вздохнула. Она не знала, что делать дальше. Друзья у речного доктора оказались очень упрямые.

И тут ей вдруг пришла в голову тревожная мысль.

— Скажите,— спросила она,— а он давно сидит в милиции?

— Уже час, наверное,— сказала Мила.— Мы с тех пор далеко отошли.

— Час? И вы молчали?

— А что мы должны были говорить? — удивилась Мила.

— Неужели вы не понимаете, что ему нельзя так долго быть далеко от реки? Он не может жить далеко от реки! Неужели вы ничего не поняли? Где эта милиция?

— Она в городе,— сказала Мила.— За поселком.

— Так бегите туда!

— Я же говорила — нужно скорее туда бежать,— сказала Мила.

— Нет,— ответил Гарик.— Я верю речному доктору. Он мне приказал, чтобы я ждал его на реке.

Конечно Гарику было страшно, не случилось ли чего-нибудь с доктором. Но он верил в доктора. И он хотел его слушаться. Бывает так в жизни: ты человек непослушный, никто тебе не указ. А вдруг встречаешь в жизни человека, которого хочется слушаться. Что он прикажет — сразу сделаешь. И никого больше слушать не желаешь. Так случилось и с Гариком.

— Ну как мне вам доказать! — чуть не плакала русалка.

— Пошли в милицию,— согласилась Мила.— Я пойду.

— А если они тебя не послушаются? — спросила Ксюша.

— Конечно, не послушаются,— сказал Гарик.

Он не стал рассказывать о пистолете, который способен разрушить целую дамбу и может в секунду расплавить стену отделения милиции.

Женщины, если узнают, что он замыслил, тут же перепугаются. Начнут отговаривать, скажут, что это уже настоящая война, а воевать нельзя. Что впору самому в милицию за это угодить. Известно, что говорят в таких случаях женщины. Значит, надо ничем не выдать своего решения. Затаиться. И если речной доктор сам не появится, придется тихонько сбежать, добраться до милиции, подождать, пока никого не будет рядом, прицелиться в стенку — и вот наш доктор на свободе!

— Я знаю, кого позвать на помощь,— сказала русалка.— Он нам подскажет. Идите за мной!

Русалка нырнула в речку и поплыла вниз, туда, где речка вливалась в большую главную реку. Все поспешили по берегу за ней.

— Ой! — воскликнула русалка, увидев, какая прозрачная, чистая вода в реке.— Он спас реку!

— А вы не знали? — спросила Ксюша.

— Нет, я сегодня здесь не была. И вообще, я старалась сюда не заплывать: отравиться можно.

— А вы живете в этой маленькой речушке?

— Не совсем так,— ответила русалка.— Я живу в лесном озере. А иногда в доме лесника.

Русалка не стала больше ничего рассказывать. Она сунула в рот два пальца и оглушительно засвистела. Гарик даже позавидовал. Ни один мальчишка в их микрорайоне не умел так свистеть.

— Подождем немного,— сказала русалка, выбираясь из воды и усаживаясь на берегу хрустальной реки.

— Скажите, а кто все-таки речной доктор? — спросила Мила.

— Это сложный вопрос,— ответила русалка.

И в этот момент послышался шум мотора и на берег выкатил мотоцикл. На мотоцикле сидел молодой мужчина с белыми выгоревшими волосами и с такой же бородкой. Он был одет в форму лесника — у него была зеленая фуражка со скрещенными дубовыми листочками спереди, зеленая куртка и форменные брюки.

— Ты меня звала, Нюша? — спросил он, останавливая мотоцикл.

Русалка вскочила и подбежала к нему.

— Случилось жуткое несчастье! — воскликнула она.— Речной доктор попал в милицию. Его посадят в тюрьму.

— За что? — спросил лесник.

— Неужели ты не понимаешь?

Русалка обернулась к реке. Лесник тоже посмотрел на реку и обрадовался:

— Неужели он спас нашу реку?! А я не верил, что ему это удастся.

— Мишенька! — сказала русалка.— Я же тебе говорила, что доктор не может жить вдали от реки. Это очень опасно. Но ему никто не поверит. К тому же... К тому же у него нет никаких документов.

— Но что мы-то можем сделать?

— Ты должен немедленно ехать в милицию и выручить его. Ты же работник леса. Ты можешь сказать, что доктор ничего плохого не сделал. Что он спас реку и принес огромную пользу!

— Мы можем это подтвердить! — сказала Мила.

И ребята тоже начали уговаривать лесника. Даже собаки прыгали вокруг, но не лаяли.

— Хорошо,— сказал Мишенька.— Я еду. Только не знаю, что из этого получится. Наверное, директор завода и этот вредитель природы Кузькин на него уже написали жалобу.

— Они и привели милицию,— сказала Ксюша.

— Хорошо. Ждите здесь,— сказал лесник Мишенька.— А ты, Нюша, не вылезай на солнце, перегреешься.

— Хорошо.

— Я поеду с вами,— сказал Гарик.

— Зачем? Ты отдыхай.

— Нет,— сказал Гарик.— Мне надо отдать речному доктору сумку. И вообще, я могу вам пригодиться.

Гарик понял, что леснику можно будет рассказать про пистолет. Конечно, если другие способы освободить доктора не помогут. Все-таки лесник — мужчина, он пистолета не испугается.

— Ладно, садись сзади,— сказал лесник.

Он развернул мотоцикл, и они помчались по тропинке вдоль молодых сосновых посадок.

Гарик держался руками за лесника. Мотоцикл так тарахтел, что разговаривать было нельзя. Главное, думал Гарик, не потерять сумку.

Через несколько минут тропинка влилась в лесную дорогу.

Лесник повернул направо, к поселку. Но проехали они совсем немного. Впереди показалась черная точка. Она быстро увеличилась, и стало ясно, что это мотоцикл, который едет навстречу.

Мотоциклы встретились и разминулись. И Гарик принялся стучать кулаком в спину лесника.

— Обратнo! — кричал он.— Обратнo! Это он!

Гарик успел разглядеть, что встречный мотоцикл был синим с желтым, милицейским. С коляской. За рулем сидел сержант, который арестовал речного доктора на дамбе, а в коляске — речной доктор.

Лесник и сам уже сообразил, кого они встретили. Он развернул мотоцикл и помчался обратно. Милицейский мотоцикл съехал на обочину и остановился.

Речной доктор с трудом выбрался из коляски.

Гарик первым добежал до него. Он никак не мог найти слов, чтобы выразить свою радость. Он стал стаскивать с плеч ремень сумки и бормотал:

— Вот, там все в порядке... там все в порядке... я ничего не потерял.

Он был так рад, что ему хотелось плакать.

Речной доктор обнял Гарика за плечи и прижал к себе.

Лесник сказал сержанту:

— А мы к вам ехали. Просить за него.

— Зря,— сказал сержант.— Не отпустили бы его. Официальное обвинение. Большой убыток промышленности. Конечно, по суду, я думаю, его бы оправдали — общественность бы вступилась. Но сам понимаешь — документов у него нету...

— Так почему же ты его привез? — спросил лесник.

— А я, Миша,— сказал сержант,— свой долг служебный нарушил. Мне он сказал, что ему без реки долго не прожить,— такая у него конституция. И я ему поверил. Другие не понимают, не поверили. А я поверил. И знаешь, почему поверил? Я же на этой речке родился, рыбу ловил, купался. Я за эту речку, как за родную сестру переживал. Я такому человеку должен в ноги поклониться, а не в тюрьму его сажать. А когда я это понял, то дождался, как все на обед пошли, открыл камеру, посадил его на мотоцикл... остальное ты знаешь.

— Ты правильно сделал,— сказал лесник.— Спасибо тебе, Пилипенко.

— Не стоит благодарности,— ответил сержант. Он пожал руку речному доктору и сказал: — Вы уж о нас не забывайте. Приезжайте. Может, ваша помощь еще понадобится. А если какие неприятности, сразу ко мне.

— Но у вас из-за меня будут неприятности.

— Не думаю,— твердо ответил сержант Пилипенко.— Документов у гражданина не имеется, так что будем считать, что его и не было.

— Но ваш лейтенант его видел.

— Товарищ лейтенант очень сочувствовал задержанному,— сказал сержант.

Он откозырял и, взревев мотоциклом, умчался обратно бороться с преступностью.

Гарик посмотрел на речного доктора. Тот был бледный, усталый, еле живой.

— Поезжайте без меня,— сказал Гарик.— Я пешком дойду. Речному доктору надо скорее окунуться в речку.

Доктор улыбнулся. А лесник Мишенька сказал:

— Не беспокойся, Гарик. Мы втроем уместимся. Садитесь сзади, товарищ доктор, и покрепче держите ребенка. Я осторожно поеду.

Они уселись на мотоцикл, лесник повел машину, объезжая ямы и рытвины на лесной дороге. Гарику было тесно, и он спиной чувствовал, как дрожит речной доктор. Как бы подбодрить его?

— Сержант молодец! — крикнул Гарик.

— Я ему очень благодарен,— сказал речной доктор.

Мотоциклы встретились и разминулись.

— Человек как человек,— отозвался лесник.— Есть голова на плечах, а это главное. И сердце человеческое.

— Жалко будет, если его накажут,— сказал Гарик.

— Он об этом жалеть не будет,— ответил лесник.— Он знает, что прав, а это главное. Речной доктор спас речку, сержант спас речного доктора. Если мы будем думать друг о друге, все будет нормально.

Наклонив мотоцикл, лесник съехал с дороги на узкую тропинку. Ветви стегали по лицам. Тропинка круто вела вниз.

— Вы куда? — спросил Гарик.

Лесник не ответил. Мотоцикл рычал, съезжая по узкой, извилистой тропе. Сквозь ветви сверкнула вода.

Мотоцикл замер на берегу темного лесного озерца, окруженного соснами.

— Спасибо,— прошептал речной доктор.

Он не смог сам сойти с мотоцикла, и леснику с Гариком пришлось вести его к воде.

— Отпусти,— сказал речной доктор, зайдя в воду.

— Вы кеды забыли снять! — сказал Гарик. Но речной доктор со всего роста упал в воду. Видно было, как под водой его тело шевельнулось, совсем по-рыбьи изогнулось — и доктор скользнул в глубину.

— Не утонет? — спросил с тревогой Гарик.

Речной доктор вынырнул посреди озера. Он смеялся — белые зубы сверкали на темном лице.

— Спасибо, Миша! — крикнул он.— Ты настоящий друг.

— Выбирайся из воды,— сказал лесник.— Твоя сестра, наверное, с ума сходит.

— Сейчас,— сказал речной доктор и хлопнул ладонью по воде.

И тут же неподалеку из воды высунулась щучья морда — такой Гарику видеть не приходилось. Размером она была больше человеческой головы.

Щука открыла рот, будто хотела что-то сказать.

— Не верь ей,— засмеялся лесник.— Опять будет жаловаться, что молодежь ее не уважает.

Речной доктор провел пальцами по щучьим жабрам.

— Что с тебя взять! — сказал он.— Триста лет — возраст солидный.

— Ей и двухсот нет,— сказал лесник.— Придумывает она.

Щука, видно, обиделась, ушла в глубину, только круги пошли по озеру.

Речной доктор в три гребка достиг берега, вылез из воды, отряхнулся, как щенок, и сказал:

— Все в порядке. Я как новенький.

Через несколько минут они добрались до дома лесника.

Русалка, Ксюша и Мила стояли перед домом, ждали. При виде речного доктора собаки залаяли, а русалка бросилась к нему, начала рыдать, зеленые слезы текли по ее щекам.

— Ну что ты! — смутился речной доктор.— Что со мной могло случиться? Погляди, сколько у нас друзей.

— Давайте пообедаем,— сказал лесник.— Я проголодался, а на детей смотреть жалко.

Он не выносил женских слез, а русалка часто плакала, потому что любила лесника и из-за этого была несчастлива. Ей очень хотелось жить с ним вместе, но подолгу без воды ей оставаться было нельзя.

Зато русалка была отличной хозяйкой. В доме лесника было чисто, ни одной пылинки, русалка умела готовить лучшие в мире фруктовые салаты и варить самую лучшую в мире манную кашу. Правда, мясной и рыбной пищи она не выносила, поэтому Мишенька тоже стал вегетарианцем.

Пока русалка готовила обед, Мила с Ксюшей накрыли на веранде стол. Потом все обедали, лесник с речным доктором обсуждали, как чистить реку ниже по течению, а за чаем Гарик нечаянно съел целую банку малинового варенья. Собакам тоже дали манной каши. Сначала они удивились, потому что в жизни такой еды не видели, но потом распробовали и вылизали миски до блеска — такая была каша!

После обеда дети легли спать и проснулись, когда солнце уже садилось. Был тихий вечер. Лесник возился с мотоциклом. Мила гуляла по поляне с речным доктором и обсуждала с ним новый роман, который был напечатан в последнем номере журнала «Новый мир». Русалка стирала белье.

Стали прощаться. Речной доктор обещал ребятам, что возьмет их в ученики, но не сейчас, а когда они кончат шестой класс.

Мила оставила им свой адрес, чтобы приезжали в гости. А русалка подарила на прощанье Ксюше ожерелье из маленьких ракушек.

Лесник Мишенька отвез гостей на мотоцикле домой, в микрорайон Космонавтов. Он ехал медленно, чтобы собаки, которые бежали следом, не отстали.

Перед тем как попрощаться, они все спустились к роднику.

Кто-то уже расчистил среди свалки широкую дорожку. Подростки из техникума оттаскивали в сторону и складывали бетонные плиты и кирпичи.

У родника стояла длинная очередь. Люди пришли с ведрами, мисками, бидонами и канистрами. Они набирали воду из родника и несли домой. Никто не толкался, не шумел, все улыбались и были вежливые.

Вокруг родника расстилалась широкая зеленая лужайка.

Гарику показалось, что она на глазах увеличивается, словно травинки отпихивали подальше серый мусор.

Подошел пенсионер Ложкин. Он принес большую вывеску. На фанере черными печатными буквами было написано:

«Вода целебная.

Сорить, курить и безобразничать запрещено»

Ложкин с помощью соседей прибил вывеску к столбу. Хотя и без нее никому в голову не приходило курить, сорить или безобразничать.

КРОВАВАЯ ШАПОЧКА,
ИЛИ
СКАЗКА ПОСЛЕ СКАЗКИ

Я люблю сказки, только одно мне не нравится: никогда не известно, что было раньше и что стало потом. Вот живет в лесу Баба-яга, костяная нога. А скажите, пожалуйста, где и почему она потеряла ногу? Может, под трамвай попала? Впрочем, какие могут быть трамваи в древнем лесу! Вернее всего, медведь ей ногу откусил. Или отморозила.

Может быть, вам, уважаемый читатель, приходилось читать сказку о малыше Карлсоне, который живет на крыше. Тогда скажите мне, пожалуйста, откуда этот шалун достал себе пропеллер? И как, простите, этот пропеллер крутится? На батарейках он у него, что ли?

Когда-то, много лет назад, мне пришлось прочесть в газете сердитую статью критика о том, что у сказочного ушастика Чебурашки нет родителей и это очень плохо. Почему у него нет родителей? Может быть, он не любил своих родителей? Может быть, они его лупили и Чебурашка от них убежал? Но если убежал, то почему в ящике из-под апельсинов? Прав тот самый критик! Я хочу обязательно познакомиться с господином Чебурахом и госпожой Чебурахой, родителями Чебурашки. Правда, с родителями крокодила Гены вы можете меня не знакомить.

Если вы ответите на эти и многие другие вопросы, то прошу вас, скажите, где сейчас работает доктор Айболит? У моего котика болит живот, а я не знаю, по какому телефону мне разыскать знаменитого доктора.

Я много лет мучился такими вопросами, я вырос, кончил школу, немного даже состарился, но никто не смог мне ответить: откуда взялись и куда потом делись герои известных сказок?

И вот сегодня, отложив все дела, я решил написать сказку именно об этом. Может быть, я не прав и вы со мной не согласитесь. Зато я сам успокоюсь.

Глава первая О ТОМ, КАК КРАСНАЯ ШАПОЧКА ПОШЛА К БАБУШКЕ

Лида играла с Аладдином в шахматы. Вообще-то Аладдин пришел к маме и принес ей показать ковры, которые только что прибыли из Персии, но мама еще спала на своем хрустальном ложе, и Лиде пришлось развлекать гостя.

Аладдин в шахматы играл плохо, потому что его никто этому не учил, и Лида ему нарочно поддавалась, чтобы не обижать. Ведь толстому взрослому торговцу коврами обидно, если его обыгрывает маленькая девочка Лида по прозвищу Красная Шапочка.

Красной Шапочкой Лиду прозвали из-за того, что ее бабушка всегда что-нибудь вязала, и конечно же больше всего она любила вязать для своей единственной внучки. Каждый раз, когда Лида к ней приходила, бабушка дарила ей новую вязаную красную шапочку с кисточкой на макушке. Чтобы не обижать бабушку, Лида ходила в красной шапочке — отсюда и прозвище.

— Слышала новость? — спросил Аладдин. — Вчера украли быка-чемпиона.

— Какого чемпиона?

— Он был самым большим быком в стране, его собирались отправить в Испанию на бой быков.

— Странные люди эти испанцы.

— Что же твоя мама не просыпается? — спросил Аладдин.— Ведь часы на башне уже пробили полдень.

— Извини, Аладдин,— отвечала Красная Шапочка,— но мама вчера допоздна пекла пирожки для бабушки, а потом смотрела телевизор. Но скоро уже обед, и мама проснется. Видишь, по улице идет наша соседка Василиса Премудрая и несет свернутую скатерть-самобранку?

— Ничего не понимаю! — сказал Аладдин.— Что общего между вчерашними пирожками и вашей соседкой Василисой?

— Ах, какой ты наивный, Аладдин! — воскликнула Красная Шапочка.— Скатерть-самобранка служит всему нашему кварталу. Она готовит обед по очереди во всех домах. По пятницам у Аленушки, по субботам у тети Шехерезады, по воскресеньям у Дюймовочки и ее мужа — стойкого оловянного солдата. Они, конечно, маленькие, но у них очень много детей и родственников.

— Все понял! — ответил Аладдин.— Сегодня среда — и ваша очередь!

Лидочка подставила Аладдину ферзя, чтобы он поскорее выиграл партию в шахматы, а сама побежала встречать тетю Василису и накрывать на стол.

Аладдин принялся разворачивать чудесные ковры, а в доме зазвенели серебряные и хрустальные колокольчики — это Красная Шапочка включила волшебный будильник, который своими звуками дарит хорошее настроение. Даже школьник, проснувшись от колокольчиков такого будильника, спешит скорее в школу с превеликим удовольствием.

В ответ на звон будильника из спальни донесся счастливый смех Лидиной мамы.

— Лида! — позвала мама.— Иди ко мне, моя крохотулечка, я тебя поцелую.

Красная Шапочка побежала к маме в спальню.

Спальня мамы была похожа на большую пещеру, освещенную различными лампами и фонарями. Посреди нее стояло хрустальное ложе, на нем, вся в кружевах, нежилась Лидочкина мама, бывшая Спящая Красавица. Маму давно уже отыскал и поцеловал принц, который на поверку оказался вовсе не принцем, а известным моряком и путешественником Синдбадом-мореходом.

Его раскладушка стояла рядом с маминым хрустальным ложем. Дело в том, что Лидочкин папа Синдбад не любил спать на хрустале. Но сейчас раскладушка пустовала, потому что Синдбад уплыл открывать Америку.

Мама расцеловала Лидочку и спросила:

— А что у нас на завтрак?

— Обед сегодня готовит скатерть-самобранка,— напомнила Лидочка, и мама расстроилась:

— Ах, опять эта скатерть! У нее совсем нет воображения! Опять придется есть омаров, лангустов, семгу, лососину и суп из акульих плавников!

— Что же делать, мамочка,— сказала в ответ Красная Шапочка,— раз на нашу долю выпал самобранкин рыбный день. Но она старается и в прошлый раз сделала карпа в сметане.

— Вот именно! — Спящая Царевна расстроилась и хотела было снова лечь спать, но тут Лида сказала:

— Мамочка, там тебя ждет Аладдин. Пришел караван из Персии и привез новые ковры.

Мама тут же забыла о своих бедах и крикнула:

— Лида! Удержи его любой ценой! Я должна посмотреть на ковры!

Мама была одета, причесана и умыта в пять минут. Лидочка даже не успела накрыть на стол, как мама уже велела развернуть ковры и принести кашемировые шали.

Пока мама рассматривала товары, Лида стала собираться в дорогу. Она положила в корзиночку пакет с пирожками, три мотка шерсти, которые бабушка просила купить на рынке, книжку с картинками, чтобы почитать бабушке вслух, и компас, чтобы не заблудиться в лесу.

Потом Красная Шапочка надела красную шапочку и попрощалась с мамой и Аладдином.

Аладдин пожелал Лидочке счастливого пути, а мама сказала:

— Чтобы вернуться до темноты! А то, говорят, в лесу волк объявился.— И тут же легкомысленная мама обернулась к Аладдину: — Почему я не вижу настоящих больших ковров?

— Прости, госпожа,— ответил Аладдин,— но ты же знаешь, что мой джинн ушел на пенсию и мне самому приходится таскать по городу товары.

— А ты не жадничай, старый плут,— сказала мама.— С твоими богатствами ты можешь нанять сто носильщиков. Не зря же джинн у тебя столько лет служил.

Мама была знакома с Аладдином с детства, и они дружили, хотя часто ссорились, потому что Аладдин стал богатым торговцем, а мама не любила тратить деньги.

Больше Лида этот разговор не слушала, а отправилась в лес.

Лида прошла по узкой тенистой улице, где стоял их дом, миновала шумную базарную площадь, обсаженную цветущими каштанами, обошла дворец и мимо городского сада выбежала к городским воротам. Стражник у ворот узнал ее и даже подарил леденец. Стражника зва-

ли сержант Грицько, он был страшный на вид, с усами до пояса, но очень добрый.

День был майский, теплый, но не жаркий, после вчерашнего дождя дорога еще не пылила, в молодой траве летали, пели, стрекотали и трепетали насекомые, а за ними охотились быстрые птицы. Лидочке встречались повозки, всадники, а то и пешеходы, которые спешили в город по делам, иногда ей приходилось посторониться и сойти с дороги, потому что ее обгоняла карета или груженная товаром телега.

А потом начался лес. Он подступал к дороге с обеих сторон, и чем дальше, тем деревья становились выше и стояли теснее. Из леса тянуло прохладой и сыростью, которая скрывалась в пятнах снега, лежащих под старыми елями.

У чистого источника, который весело бил из-под большого камня и рядом с которыми стояла скамья для отдыха путников, Лида свернула на широкую тропу, что и вела к бабушкиному дому.

Сначала, пока тропа была широкой и утоптанной, Красной Шапочке нередко встречались птицы и звери, некоторые из них — старые знакомые. Ежиха Лукерья поджидала около пня, чтобы представить Лиде своих малышей, которых родила всего месяц назад; два близнеца-дятла с красными макушками, которые считали себя из-за этого братьями Красной Шапочки, попросили ее быть судьей их соревнования: кто быстрее проклюет осинку до середины? Но Лида не согласилась ждать.

За поворотом, где тропинка раздваивалась, Лиде встретилась молоденькая фея, которая сказала:

— Красная Шапочка, может быть, мне тебя проводить?

— Почему, добрая фея?

— Говорят, в лесу объявился серый волк. Это очень опасное животное.

— Но волки никогда не нападают на людей днем, да еще в одиночку,— возразила Лида.

— Значит, ты не боишься?

— Совсем не боюсь.

— А я очень боюсь,— сказала фея и спряталась в цветущем сиреневом кусте.

Теперь тропинка стала совсем узенькой. По ней мало кто ходил.

— Избушка, избушка, — попросила она ласковым голосом, —
встань, пожалуйста, к лесу задом, а ко мне передом.

Но Лиде эти места были знакомы, и обитателей леса она знала не первый год. Это не значит, что Красная Шапочка со всеми дружила. Например, старого лиса она просто не выносила, такой он был хитрый и нечестный. И сороку она не очень любила, потому что сорока всегда врала и сплетничала. А медведей — всю эту семьюку — она избегала: они глупые, невежливые и привыкли быть самыми сильными — медведю ничего не стоит толкнуть тебя так, что ты в кусты улетишь и руку сломаешь. А он при этом будет стоять и рычать от радости.

Впереди стало светлее. Лида вышла на поляну, посреди которой стояла избушка на курьих ножках — здесь жила Баба-яга, но сейчас ее не было дома: наверное, как всегда, улетела в ступе в гости к лешему, который жил в соседнем лесу.

Окна в избушке были закрыты ставнями, и печка не топилась.

Лиде бы пройти мимо, но вдруг ей захотелось проверить, работает ли избушка, когда Бабы-яги нет дома.

— Избушка, избушка,— попросила она ласковым голосом,— встань, пожалуйста, к лесу задом, а ко мне передом.

Избушка громко заскрипела и покачала крышей — видно, хотела бы повернуться, но не смогла.

— Ну ладно,— сказала Красная Шапочка.— Я не настаиваю.

Она пошла было дальше, но тут оглушительный треск заставил ее в страхе остановиться и оглянуться. Оказывается, избушка все же повернулась, но не вся, а только ее верхняя часть — куриные ножищи остались на месте, крепко вцепившись когтями в землю, зато бревна поехали в сторону, дверь выскочила из рамы и полетела в кусты, окошки упали на траву, черный кот выскочил через трубу — и вовремя, потому что труба рассыпалась на кирпичики, соломенная крыша улетела облаком в неизвестные края, белая печка съехала на землю, с трудом пробралась между куриными лапами, открыла свой рот, и оттуда выехал горшок с пшенной кашей. Печка сказала:

— Отведай каши, доченька.

Но тут с неба с криком и гамом опустилась целая туча ворон, они подхватили горшок за края и подняли в небо.

Все, что стояло, лежало на лавках и на столе, в углах избы и в сенях,— все разлетелось по поляне.

— Ой! — сказала Лидочка.— Я этого не хотела!

Она была очень расстроена, и хитрый черный ворон, который жил в избе на печке, а теперь остался без дома, закричал страшным голосом:

— Прячься, Красная Шапочка! Баба-яга летит! Вот она тебе покажет!

Красная Шапочка и в самом деле не была виновата, но чувствовала себя виноватой. Так что неудивительно, что она кинулась к сундуку, который стоял посреди этого разорения, и открыла его, чтобы спрятаться.

Тогда ворон захохотал:

— Я пошутил! Я пошутил!

— Не верь ему, — сказала яблонька, которая росла рядом, — он же известный враль. Ему человека напугать — самое главное удовольствие.

Лидочка перестала бояться, но очень удивилась, потому что в сундуке лежали большие бычьи рога, копыта и хвост.

Лидочка сразу вспомнила о сером быке, о котором рассказывал толстый Аладдин. Его хотели отправить в Испанию на бой быков, а он пропал. Вот, оказывается, куда он делся! Неужели Баба-яга сожрала целого быка? За ней такого раньше не водилось. Ну, сожрет

ягненка, ну, мальчонку поймает, сварит, если он не успеет убежать, но чтобы быка — такого еще не бывало!

— Не подглядывай! — прошипел черный кот. — А то сама туда угодишь.

— Не нужны мне ваши тайны, — обиделась Лидочка. — Я только хотела в сундук посуду сложить, пока еще не растащили.

— Сами сложим, — сказали хором черный кот и черный ворон, а вороны в стае, которые кружили над головами, так рассмеялись, что уронили горшок с кашей прямо на голову черному коту.

Тут поднялся такой визг, что Лидочка поспешила уйти подальше.

Лес становился все гуще и темнее. Колючие ветви елей смыкались над головой, травы в лесу почти не было — она не могла пробиться сквозь толстый слой иголок, только кое-где поднимались бледные поганки и оранжевые мухоморы.

Тропинка вела мимо небольшого озера. В нем жил старенький водяной. Лидочка всегда приносила ему чего-нибудь вкусненького. Но на этот раз забыла взять подарок, и, когда из воды показалась голубая лысая голова водяного, увешанная зелеными водо-

рослями, как будто на нее вывалили целую кастрюлю зеленых макарон, Лидочка даже ахнула от ужаса:

— Ну как же я забыла! Прости, дедушка.

— Неужто не принесла?

— Забыла.

— Даже лягушку не принесла?

— И лягушку не принесла.

— И даже окунька не принесла?

— Хочешь пирожок?

— А с чем пирожок? — Водяной заранее распахнул свой лягушачий рот без зубов.

— С клубникой и сливами, — сказала Лидочка.

Водяной так рассердился, что пустил в Лиду фонтан холодной воды — она еле успела отпрыгнуть в сторону.

— Ты гадкая, отвратительная, злая девчонка! — захлопал водяной. — Твоя жадность тебя погубит! Я хотел открыть тебе важную тайну, а теперь не открою — погибай как хочешь!

И с этими словами похожий на пузырь злой водяной опустился под воду — только круги по озерцу пошли.

Лидочка огорчилась. Ей было неловко, что она обманула водяного. Никто в лесу не любил это чудовище, одна Красная Шапочка его жалела — ну легко ли быть таким уродливым и к тому же обреченным всю жизнь сидеть в озере, куда и лягушки редко запрыгивают.

Красная Шапочка шла дальше и думала: зачем же водяной ей угрожал? Он ведь очень глупый и не умеет придумывать никаких гадостей или радостей. Если он сказал, что знает какую-то неприятную тайну, значит, знает. А почему Лидочка может погибнуть?

Лес вокруг молчал, словно не хотел ничего отвечать печальным мыслям Лидочки. Словно все там — и деревья, и белые цветы ландыша, и круглые листочки заячьей капусты, и сморчок, который вылез из прошлогодней листвы на небольшой прогалине у озера, — все что-то знали, но таились. Как же так? Лидочка всегда думала, что лес добрый, ласковый и со всеми в лесу можно договориться...

А оказывается — не так. И водяной ей грозит, и черный кот злится...

С такими печальными мыслями Лидочка дошла до бабушкиного дома.

Глава вторая О ТОМ, КАК ВМЕСТО БАБУШКИ КРАСНАЯ ШАПОЧКА УВИДЕЛА СЕРОГО ВОЛКА

Бабушкин дом стоял на пригорке, справа от него был небольшой огород, слева — сад. И сад и огород были запущенными. Хоть весна и в полном разгаре — капуста не посеяна, картошка не посажена, яблони не обрезаны...

Ну вот, сказала себе Красная Шапочка. Типичная бабушка!

Когда-то, давным-давно, когда Красной Шапочки еще не было на свете, бабушка была совсем молоденькой, и жила она в этом доме вместе со своим папой, но без мамы, потому что мама умерла. И жили там еще мачеха, то есть новая папина жена, и две ее дочки, которые, по словам бабушки, отличались гадким характером и всегда бабушку угнетали. Бабушку заставляли работать по дому, перебирать горох, мыть посуду, подметать полы — в общем, делать все, что и полагается делать в доме послушной девочке. Наверное, бабушка бы и не обижалась, но две ее новые сестры полов не подметали, горох не перебирали, суп не варили, а только читали книжки и смотрели телевизор, который тогда только-только изобрели.

Конечно, нормальный отец навел бы в доме порядок — цыкнул бы на новых дочек да на новую жену и разделил бы горох и полы поровну между молодыми особами.

Но папа, надо сказать, обожал свою новую жену — иначе бы никогда не взял к себе в дом женщину с двумя взрослыми детьми.

Говорят, что новая жена отличалась замечательным здоровьем, красивым лицом, крепкими руками и ногами и такими замечательными волосами цвета воронова крыла, что на них приезжали полюбоваться гости из других стран.

Так что из любви к новой жене папа не обращал внимания на то, как угнетали его дочку, и даже думал, что это пойдет ей на пользу — пускай приучается к труду! А когда он услышал, что его дочку, настоящее имя которой было Августина, прозвали Золушкой, он только улыбнулся грустной улыбкой и пошел полюбоваться тем, как его новая жена причесывает свои чудесные волосы.

Многие знают, чем кончилась эта история: однажды принц сказочной страны решил жениться и вызвал к себе на бал всех девиц королевства. Ну, как и положено, дочери новой жены отправились на бал, а Золушка перебирала горох. К ней заглянула добрая фея, которая жила по соседству, пожалела ее и превратила тыкву в карету, а мышей, если не ошибаюсь, в коней. И велела ей ехать на бал, а к двенадцати быть дома, а то волшебство закончится и она окажется посреди дороги в тыкве, запряженной мышами.

Как известно, принц потанцевал немного с неизвестной молоденькой красавицей, потом они спели на два голоса кантату композитора Баха, и принц влюбился в Золушку до полусмерти, а когда она убегала, чтобы успеть домой до окончания волшебства, он подобрал ее хрустальный башмачок и стал искать по этой вещи свою будущую жену точно так, как собака ищет потерянную кость, обнюхивая каждый подозрительный угол.

Только не надо думать, что принц был таким уж идиотом, что послал солдат на поиски исчезнувшей девушки, а сам сидел дома и занимался фехтованием.

Разумеется, он переоделся солдатом и вместе со своей командой ходил из дома в дом, надеясь увидеть Золушку. Ведь размеры обуви совпадают у красавиц и у дурнушек. И если ты объявил всенародно, что женишься на девушке, у которой размер обуви тридцать три с половиной, то тебе могут подсунуть настоящую каратицу с таким размером ноги, ты потом всю жизнь не простишь себе такого легкомыслия. Так что, прежде чем принц отыскал Лидочкину бабушку, он отверг более ста двадцати других девушек, которым туфелька Золушки была впору. И от этого происходили душевраздирающие сцены. Только какой-нибудь девушке хрустальная туфелька окажется впору, как принц, переодетый солдатом, вдруг заявляет:

— Нет, туфелька мала!

— Как так мала, как так мала? — кричат родители.

— Впору, впору, я та самая! — кричит бедная девушка.

— Мы будем жаловаться господину полковнику! — угрожают родители.

Но солдат-принц уже поворачивается и топает прочь, а его помощники отбирают у рыдающей девушки хрустальный башмачок и идут пить пиво и обедать, прежде чем отправиться в следующий город.

А в доме Золушки — многие об этом знают — все чуть было не кончилось трагически. Сводные сестры Золушки уж собирались рубить себе пальцы ноги, потому что их ноги были сорокового размера, а их прекрасная мама тоже решила попытать счастья и поменять папу Золушки на сына короля, но у нее ничего не вышло... И тут принц

услышал, как из кухни доносится обожаемая им кантата композитора Баха, которую они на два голоса пели с Золушкой именно в ту памятную ночь.

— Она! — закричал принц.

— Так рубить пальцы или не рубить? — спросили сестры.

— Как хотите! — откликнулся принц. — Но я-то свою суженую уже отыскал!

Эта история кончилась свадьбой. Золушка, которую стали называть принцессой Августинной, переехала жить во дворец, а ее родственницы быстро примирились с поражением, потому что и им нашлось место во дворце. К сожалению, в мачеху Золушки влюбился герцог Синяя Борода. Мачеха покинула папу, папа очень переживал, а мачеху Синяя Борода, как известно, вскоре зарезал, потому что она совала нос куда не положено. Сводные сестры Золушки вышли замуж за графов и были несчастливы, потому что графы все время сражались за рубежами своей страны. И сводным сестрам было скучно.

Не всегда следует раз узнавать, что случилось после сказки. Кончилось, вот и хорошо. А как только задумаешься, что же было после ее конца, можешь увидеть то, чего и видеть не хочется.

Но раз уж мы сюда попали, останавливаться поздно. Придется рассказывать дальше.

А дальше принц стал королем и, как положено королю, задумал большую войну с соседями, чтобы отнять у них Коровий лужок, речку Свинюху и выпрямить границу до самого Щенячьего брода.

В отчаянных боях и сражениях король потерял большую часть армии, половину королевства, включая Свинячий лужок, речку Коровюху, и граница сдвинулась до самого Кошачьего брода. В схватке у этого брода погибли оба графа и оставили Золушкиных сестер вдовами. А сам король попал в плен к врагам и был заточен в Замок, где и томится до сих пор. Лишь раз в год бывшей Золушке — королеве Августине разрешают передать ему посылку с фруктами и конфетами. А также вышитый платочек для вытирания скупых мужских слез.

За это время младшие братья короля передрались между собой, один из них захватил власть и выгнал из дворца королеву Августину, бывшую Золушку. В это трудно поверить, но так бывает в жиз-

ни. Забрав с собой хрустальные туфельки и кое-что из одежды, бывшая королева вернулась домой. Затем приехали и сестры — теперь уж Золушка была здесь главной. Она воспитывала свою дочку, а сводные сестры ей помогали и вели хозяйство. Если надо было перебрать горох или прополоть тыкву — уж можете быть спокойны: Золушка только приказывала, а растолстевшие и постаревшие сестры носились по дому, как деловитые мышки...

Годы шли, никаких особенных событий не происходило, только в день, когда Золушкиной дочке Лукреции исполнилось шестнадцать лет, на этот праздник забыли пригласить одну из тамошних волшебниц, и она подсунула девушке заколдованное яблочко. Лукреция откусила кусочек и заснула вечным сном. Правда, та самая добрая фея, которая когда-то давала Золушке на бал хрустальные туфельки и превращала тыкву в карету, сказала:

— Не беспокойтесь, пускай заколдованная принцесса поспит в хрустальном гробу, пока не появится принц и не поцелует ее. Тогда она очнется и придет в себя.

Золушка и ее сводные сестры отвели в доме специальную комнату для хрустального гроба, в котором спала принцесса Лукреция. Порой сюда заглядывали принцы, соблазненные слухом о такой романтической истории, и готовы были поцеловать беспо-

мощную принцессу — ведь каждому принцу хочется поцеловать хорошенькую беспомощную принцессу.

Но мама Золушка и ее сводные сестры никогда не позволяли незнакомым сомнительным принцам целовать девушку без свидетелей. А при свидетелях те целоваться не желали.

И неизвестно, как бы кончилась эта история, но как-то к ним в дом попал известный путешественник по имени Синдбад-мореход. Он узнал о Спящей Красавице и решил поцеловать ее так, чтобы ни мама, ни тетки этого не увидели. Он оставил свой корабль на ближайшей речке, а сам дождался глубокой ночи, перелез через забор, оттуда в окно второго этажа, нащупал гроб, зажег взятую с собой свечку и при ее свете решил, что невеста ему подходит. Она была белокурая, розовощекая, мягкая и сдобная. Синдбад-мореход задул свечку, чтобы она ему не мешала, откинул крышку гроба и принялся целовать принцессу изо всех сил. Принцесса проснулась, сначала испугалась и хотела позвать на помощь, но вскоре ей так понравилось целоваться с Синдбадом-мореходом, что она до самого утра никого не позвала на помощь.

Потом Синдбад и принцесса Лукреция поженились, и у них родилась Красная Шапочка. И ее назвали Лидочкой.

А сводные сестры Золушки вышли замуж за купцов, которые приплыли с Синдбадом на корабле. С тех пор одна из них живет в Исфакане, а вторая — в Алма-Ате, это очень далеко, и потому огород и сад Золушки пришли в полное запустение.

Все эти сказки по отдельности многим знакомы, но мало кто догадывается, что Золушка — мама Спящей Красавицы, а Спящая Красавица — мама Красной Шапочки, да притом жена Синдбада-морехода. А Красную Шапочку на самом деле зовут Лидочкой, и она понесла через лес пирожки с клубникой, которые ее мама испекла для бабушки, то есть для бывшей Золушки.

Честно говоря, Лидочка без особой радости ждала встречи с бабушкой. Это не значит, что она ее не любила. Она любила свою бабушку, но ей очень надоело слушать одну и ту же сказку про бедную девушку, которую угнетали бессердечные родственники и не взяли на бал, но одна добрая фея ее пожалела и дала ей карету-тыкву, и мышей, и платье, и туфельки, и бабушка, то есть де-

вушка, поехала на бал... Да вы разбудите Красную Шапочку среди ночи — она вам эту сказку расскажет слово в слово.

С грустью думая о том, что придется сейчас пить чай с пирожками и слушать сказку, Красная Шапочка вышла из леса и подошла к калитке.

Калитка была приоткрыта. Красная Шапочка прошла по дорожке между запущенных грядок и клумб, на которых разрослись крапива и чертополох, и подошла к двери в старый, послуживший еще прадедушке бревенчатый дом.

Она позвонила в дверь.

Ей долго не отвечали. Красная Шапочка уж хотела обойти дом сзади и войти через кухню, как издали слышался голос:

— Кто там?

— Это я, Красная Шапочка!

— Заходи, внучка! — отозвался далекий голос, совсем не похожий на голос бабушки.

Лидочка вошла в дом.

В доме был страшный беспорядок, словно целая компания невоспитанных детей ссорилась в том, кто больше разобьет ламп и выпотрошит подушек.

Красная Шапочка очень удивилась.

— Бабушка, ты где? — спросила она.

— Здесь! — Голос был странный — сразу и грубый и тонкий, но только не бабушкин.

Красная Шапочка открыла дверь в спальню бабушки и вошла в нее.

Бабушка занимала ту же спальню, что когда-то ее папа и мачеха, и спала на громадной квадратной кровати, на которой можно было бы уложить двадцать таких девочек, как Красная Шапочка, да еще осталось бы место для трех велосипедов.

Красная Шапочка остановилась в дверях и глазам своим не поверила: на бабушкиной кровати лежала вовсе не бабушка, а громадный волк, одетый в бабушкин ночной чепец, в бабушкиной ночной рубашке и бабушкином халате, из рукавов которого по локоть торчали серые лапы, которые заканчивались большими папиными рукавицами, в которых он обычно рубил дрова.

— Ну что ж, здравствуй, внучка! — сказал серый волк, прикрывающая рукавицей пасть. Начало фразы получилось басовитым, а конец прозвучал тонко, словно говорил не волчище, а комар.

— Здравствуй, бабушка, — сказала Красная Шапочка.

— Чего же ты на меня так смотришь? — спросил серый волк.

Нет, таких больших волков не бывает, подумала Лидочка.

А вслух спросила:

— Что это у тебя, бабушка, такой странный голос?

— А я простудилась, девочка.

— А почему у тебя такие большие уши? — поинтересовалась тогда Красная Шапочка, не подходя близко к кровати. Она никак не могла сообразить, что это за маскарад.

— Чтобы лучше тебя слышать, внученька, — сообщил волк.

— А почему на тебе черные очки, бабушка? — спросила Красная Шапочка.

— Что-то конъюнктивит замучил, — пискнул волк.

— Нет, мне все это не нравится, — сказала Красная Шапочка.

— А ты спроси, спроси, — сказал волк. — Спроси, почему у меня такие большие зубы?

— Знаем, — ответила Лидочка. — А ты мне скажешь: чтобы тебя съесть.

— А ты все-таки спроси!

— Ну, хорошо! Почему у тебя такие большие зубы?

— Чтобы съесть тебя, Красная Шапочка! — взревел волк и стал выпутываться из одеяла и из бабушкиного халата.

И пока он выпутывался, Лидочка на всякий случай выскочила из спальни, выбежала в сад и остановилась, потому что не знала, что же делать дальше.

Глава третья

О ТОМ, КАК КРАСНАЯ ШАПОЧКА СПАСАЛА БАБУШКУ ОТ СЕРОГО ВОЛКА

Лидочка выбежала в огород и попыталась скрыться в капусте, но в этот момент сверху донесся вопль:

— Здесь она! Лови ее! Я вижу Красную Шапочку!

Бабушкин дом содрогнулся — видно, волк все еще не выпутался из одеяла и халата. Но вот он показался в дверях и начал медленно протискиваться наружу.

Чепец сбился набок, зубы бабушка-волк прикрывала лапой.

Лидочка подобрала юбку и кинулась наутек, несмотря на то что Баба-яга все норовила спикировать на нее в деревянной ступе. Корзинку с пирожками она потеряла по дороге, это, может, ее и спасло, потому что жадная Баба-яга кинулась за пирожками, а волк, которому надо бы презирать пирожки, тоже на них накинулся, опрокинул Бабу-ягу, ее ступа раскололась, и между недоями начался отчаянный спор, который Лидочка не без интереса слушала, спрятавшись в кусте сирени.

— Ты что отвлекаешься? — рычал волк. — Ты мне ее выследи — мне одной бабки мало!

— А ты меня не учи, шкура паршивая! — кричала в ответ Баба-яга, ковыляя вокруг треснувшей ступы. — Как я теперь летать буду? Теперь меня любая ворона обгонит!

Баба-яга взяла пирожок и кинула его в пасть, в которой торчал один желтый зуб.

А из открытой пасти волка вдруг высунулась тонкая маленькая рука, — глазам не поверишь, но это так! — схватила другой пирожок, спряталась вместе с добычей внутри волка, и оттуда донеслось чавканье.

— Осторожнее, — предупредила Баба-яга, — а то она еще увидит.

— Не увидит, — сказал волк тонким, знакомым Лидочке голосом, — она уже убежала в самую чашу, сидит там и дрожит.

Снова из волчьей пасти показалась ручонка, и снова пирожок исчез внутри волка.

Все было ясно! Никакой это не волк, а кто-то в очень большой волчьей шкуре.

Но если это кто-то небольшой в волчьей шкуре, то ему никак не скушать бабушку, которая женщина сама по себе крупная, можно сказать, толстая и далеко не каждому волку по зубам. Ну, может быть, нильский крокодил бабушку проглотит. Или змея анаконда — но далеко не всякая. А вот обыкновенному, даже очень большому волку это не под силу, если на самом деле он внутри не пустой, а там сидит какое-то человекообразное существо и высовывает наружу ручку за маминим пирожком.

— Все! — сказала Баба-яга, вытирая губы грязным платком, который вытащила из кармана юбки. — Я полетела искать Красную Шапочку.

— Слушай, — ответил детский голосок из волка, — а может, обойдемся бабушкой? Ты прилетишь к ним домой и скажешь ее мамаше: «Отдай мне товар! А то Золушке не жить на свете!»

— Нет уж, лучше ты сам приходи к ее мамаше — а то она в меня кастрюлей запустит!

Лидочка давилась от смеха. Негодяи, которые задумали такое злодейство, боялись Лидочкину маму — самую безобидную маму на свете!

Смешно-то смешно, но где бабушка? А должна ли она, Лидочка, бояться серого волка? И что нужно этим злодеям в лесу?

Пожалуй, лучше всего возвратиться домой и рассказать обо всем маме. Она придумает, как помочь бабушке.

Решив так, Лидочка побежала через лес.

В одном месте ей пришлось отпрыгнуть в сторону и спрятаться в кустах, потому что ее обогнала странная пара: серый волк, бегущий совсем не по-волчьи, и Баба-яга, которая кое-как летела над ним в треснувшей ступе.

Как только погоня исчезла из глаз, Красная Шапочка побежала дальше, но вскоре ей снова пришлось остановиться. Впереди раздались крики.

Осторожно выглянув из-за соснового ствола, Красная Шапочка увидела, как Баба-яга носится по поляне вокруг своей разрушенной избушки, за ней бегают черный кот и летает черный ворон. И вся эта компания кричит, перебивая друг дружку.

— Это кто сделал? — кричала Баба-яга. — Кто разрушил мою крепость? Дом моих славных предков? Кто предательски напал, когда меня не было дома? Где была охрана? Чем она занималась?

— Это все она! — пытался объяснить черный кот. — Она ка-а-ак навалится!

— Кто?

— Это Красная Шапочка! — отвечал ворон. — Она как стукнет — и притом совершенно неожиданно.

— Предательски! — мяукнул кот.

— Из-за угла! — каркнул ворон.

— И что, голыми руками? — удивилась Баба-яга.

Она вылезла из ступы и заковыляла вокруг руин своей избушки.

— Их целая компания была! — закричал черный кот.

— У нее пушка была! — закаркал ворон.

— Ой, моя бедная избушечка! — причитала Баба-яга. — Ой, мое сокровище! Мои славные предки положили все силы и средства, чтобы соорудить это чудо архитектуры, эту вавилонскую башню, эту египетскую пирамиду... Она вознеслась своими шпилями выше облаков и доставала золотой крышей до самого солнца. О, славные тени деды-яги, прабабки-яги, прапрабабки-яги — где вы? Обрушьте на голову этой негодяйки все свои страшные проклятия!

Тут Баба-яга устала кричать и бегать по полянке и уселась на сундук.

— Рассказывай, — приказала она хрипло коту, — как дело было?

— Она ей велела — повернись, велела, к лесу задом, а ко мне передом.

— Хулиганка! — крикнул ворон.

— А изба?

— А изба стала было поворачиваться, а я ей приказал: «Не смей вертеться, когда хозяйки нет дома!»

— Молодец. А она?

— А она сверху повернулась, а снизу не повернулась. Вот и рассыпалась.

— Значит, это ты виноват, что под руку избушке говорил!

— Он! — закричал ворон.— Он самый.

Баба-яга кинулась было за котом, да, видно, возраст не тот и резвости не хватило. Кот вскарабкался на сосну, по дороге наподдал ногой ворону, который хотел его схватить, и закричал сверху:

— Твою избушку давно ремонтировать пора! Если бы ветер по сильнее подул, она бы и без Красной Шапочки рассыпалась.

Эти невежливые слова настолько разозлили Бабу-ягу, что она ударила костяной ногой ближайший к ней предмет, а ближайшим предметом оказался сундук. Сундук опрокинулся, из него вывалились рога и копыта серого быка, и серый волк, который до того смотрел на этот скандал спокойно, страшно рассердился и тоже начал кричать.

— Ты зачем раскидываешь улики по всему лесу? — кричал он.

— Это не улики, а рога! — кричал кот, который не знал, что значит слово «улики». — Мы одного быка съели, вот от него и остались только рожки да ножки.

— Это кто же быка съел? — спросила сорока, сидевшая на верхней ветке сосны — подальше от сражения.

— Я сам съел, лично! — заявил кот. — Догнал, растерзал и съел.

Сорока захохотала, все думали, что Баба-яга рассердится, а Баба-яга вместо этого сказала:

— Молодец, мой котик, сильный, умный, быков кушает. Он у меня часто быков кушает. А иногда и медведя задерет!

— Ой! — испугался ворон.

— А на днях, говорят, ездил в Африку и там слона скушал, правда, котик?

— Скушал, скушал! — Кот пошел по поляне, высоко подняв облезлый хвост. — А кто такой слон?

— Это крыса, только с длинным носом, — сказал тонкий голосок изнутри волка.

Красная Шапочка, которая следила за всей этой сценой из кустов, заметила, что ни кот, ни ворон совсем не боятся серого волка. Значит, они отлично знают, что этот волк ненастоящий. И у нее

уже не оставалось никаких сомнений, что вся эта компания зарезала быка, а из его шкуры сшила чучело волка, засунула в чучело неизвестного Лидочке негодяя... Но зачем, зачем? И где же бабушка? Загадка оставалась неразгаданной.

Поэтому Красная Шапочка не стала ждать, пока злодеи выяснят отношения, а побежала скорее домой, чтобы предупредить маму и позвать на помощь.

Но не тут-то было! Черный ворон увидел ее и полетел низко, норовя ее клюнуть, кот догнал и прыгал вокруг, чтобы исцарапать,— хорошо еще, ступа Бабы-яги была в неисправности и не могла лететь как следует. Иногда она взмывала над вершинами деревьев, и тогда до Лидочки доносился вопль:

— Догоню! Я вижу тебя, разрушительница домов! Хулиганка!

Недалеко от развилки, за которой начиналась широкая дорога к городу, стояла цветущая яблоня. Именно к ней и подбежала Лидочка.

— Яблонька, а яблонька! — взмолилась она. — Спрячь меня от погони!

— Видишь ли,— ответила яблонька,— ветви мои гнутся от тяжелого груза яблок, и некому сорвать их. Вот сорвешь с меня яблоки, укروю тебя от погони.

— Яблонька-яблонька,— сказала тогда Красная Шапочка.— Но ведь сейчас всего-навсего май месяц, и яблок на тебе нет, а есть только цветы, которые рвать нельзя, потому что именно из них и получают яблоки.

— Если нет яблок, то тогда тебе нечего рвать,— сказала яблоня,— а бесплатно я никого не укрываю. А то укроешь, а они за это все ветки обломают.

Больше Лидочке некогда было спорить с яблонькой, которая совсем не умела думать, но неподалеку она увидела между корней гигантской сосны дверь в подземное жилище гномов.

— Простите! — закричала она, стучась в дверь.— Вы не спрячете меня от погони?

В двери приоткрылся глазок, и оттуда выглянула добрая гномиха, ко-

торая много раз бывала у Лидочки в гостях, да и сама любила угостить Красную Шапочку.

— Прости, Красная Шапочка,— сказала она.— Но, как всем известно, за тобой гонятся очень страшные звери. Серый волк и злая Баба-яга со своей бандой.

— Но если ты меня спрячешь, они же не будут об этом знать.

— Если такие сильные хулиганы гонятся за тобой, значит, ты виновата. Не надо было разрушать избушку Бабы-яги, не надо было хулиганить!

— Ты только подумай, ну как я могла разрушить чужой дом?! Но гномиха не стала слушать. Она только добавила:

— И бабушку твою, наверное, скушали за дело. Серый волк зря никого кушать не будет.

— Да это не серый волк, а только бычья шкура с приделанными зубами!

Но гномиха уже не слушала Лидочку, а погоня между тем настигла ее.

Красная Шапочка подумала, что ей пришел конец, но тут она увидела, что по дороге, поднимая пыль, скачет ее дальний родственник герцог Синяя Борода. Разумеется, отношения у нее с этим родственником были не очень хорошие, потому что он когда-то задушил мачеху Золушки. Но говорят, что мачеха была сама виновата, что полезла в комнату, где лежали трупы других семи задушенных жен Синей Бороды. Герцог Синяя Борода всегда считал, что сделал для Красной Шапочки доброе дело. Вот и сейчас, увидев ее, он закричал, перекрывая басом стук копыт своего тяжелого коня:

— Кого я вижу! Красная Шапочка! Ты помнишь, что я отомстил за беды и унижения твоей бабушки?

— Дядя Синяя Борода,— взмолилась Красная Шапочка, которая задыхалась от быстрого бега.— Спасите меня!

— Разумеется! — откликнулся небольшого роста чернобородый герцог.— Сейчас мы с тобой разгоним негодяев, которые осмелились поднять руку на правнучку моей покойной супруги, так трагически погибшей от моих собственных рук

Серый волк и Баба-яга остановились, не смея приблизиться к герцогу. Но Бабе-яге, видно, очень жалко было расставаться с добычей, и поэтому она заговорила сладким голосом:

— Господин великий герцог Синяя Борода, разрешите к вам обратиться с вопросом, прежде чем вы наведете здесь справедливость и накажете виноватых.

— Говори,— откликнулся герцог,— все равно спешить некуда.

— Эта известная вам Красная Шапочка воспитывалась в очень дурной семье,— сообщила Баба-яга, низко кланяясь Синей Бороде.— Вы лучше всех знаете, что это за семейка!

— К сожалению, это правда,— ответил Синяя Борода.— Продолжайте, уважаемая Баба-яга.

— Яблоко, как известно, от яблони недалеко падает. И если мачеха ее бабушки вынудила вас ее задушить...

— Ах, к сожалению, так и случилось, — вздохнул герцог Синяя Борода. — Суд признал, что я этого не желал. Я нечаянно разгневался.

— Так вот эта Красная Шапочка поступила еще хуже — она сначала разрушила мой дом и лишила меня крова!..

— Это правда! — замыкал черный кот.

— Это так! Это так! — закричал ворон.

А волк только зарычал.

— Ужасно! — воскликнул герцог.

— Это еще не все! — сообщила Баба-яга. — Красная Шапочка съела свою бабушку, известную вам Золушку.

— Съела?

— Живьем! — подтвердил волк.

— Ни одной косточки не оставила! — добавил черный кот.

— Я сейчас упаду в обморок от отвращения! — сказал на это герцог Синяя Борода и бухнулся на землю полежать в обмороке, а на самом деле, чтобы не вмешиваться в эту сложную историю — неизвестно еще, кто кого съел, начнешь за кого-то засту-

паться, а потом тебе самому влетит. К тому же Синяя Борода очень боялся снова попасть в суд — судья его строго предупредил, что если он задушит еще хоть одну жену, его сурово накажут. Так что он уже несколько лет не женился, сам себе готовил супы и жарил мясо и, за неимением жен, передушил всех своих кухарок.

— Ну, теперь ты от нас не уйдешь! — закричал серый волк, но Красной Шапочки нигде не было видно.

Пока они глядели на то, как Синяя Борода бухается в обморок, она исчезла.

Глава четвертая О ТОМ, КАК КРАСНАЯ ШАПОЧКА ИСКАЛА СВОЮ БАБУШКУ

В то время, когда происходили все эти события, по лесу и по всему сказочному царству уже разнеслись слухи, что такая невинная на вид Красная Шапочка разрушила до основания домик бедной старушки пенсионерки Бабы-яги, потом пришла к своей бабушке и ее съела. А теперь гоняется по лесу за серым волком, чтобы его обвинить в этом страшном преступлении и, может быть, тоже съесть. Некоторые рассказывали также, что Красная Шапочка напала на герцога Синюю Бороду и отомстила ему за смерть Золушкиной мачехи. Если кто не верит, может пройти к перекрестку лесных дорог и посмотреть на герцога, который лежит там бездыханный.

Разумеется, Красная Шапочка об этом еще не знала, потому что она спряталась в подвернувшейся кротовьей норе, где было очень тесно и холодно, но, к сожалению, в тот момент у нее не было выбора.

— Ах, кто к нам пожаловал! — прошелестел гладкий толстый крот, надевая очки с очень толстыми стеклами, чтобы разглядеть, кто к нему пожаловал.— Неужели это ты, Красная Шапочка?

— Извините, что я пришла без приглашения,— сказала Красная Шапочка,— но меня преследуют, а я ни в чем не виновата.

— Как же, как же,— ответил лоснящийся и очень богатый крот.— Только что мне рассказал дождевой червяк, что ты там на-

творила. Мне совсем не жалко Бабу-ягу, у которой ты разрушила дом и оторвала ногу, и тем более я не жалею Синюю Бороду, которому ты выщипала бороду до последнего волоска, но кушать собственную бабушку — это слишком.

— Неужели об этом так рассказывают? — огорчилась Красная Шапочка.— Даю вам слово, это почти все неправда.

— Но что-то правда?

— Только про дом Бабы-яги.

— Ты разрушила дом?

— Нечаянно...

Крот чуть отполз назад, отгребая землю лапами, как лопатами.

— Дорогая Красная Шапочка,— сказал крот.— Я давно хотел на тебе жениться и всегда думал: ах, какая красивая и мягкая девочка ходит по улице, то-то мне будет тепло с ней спать под землей! Но тут я узнаю, что ты вовсе не Красная Шапочка, а Кровавая Шапочка! Вот именно! Кровавая Шапочка! Ты убила свою бабушку! Ты разрушаешь города и страны! Я очень прошу тебя — уйди и не угрожай моей драгоценной жизни. Потому что человек, совершивший одно преступление, обязательно совершит еще десять.

— Уважаемый крот,— ответила Лидочка,— я тебе не верю. Не такой ты глупенький, чтобы поверить, что я могла разрушить дом Бабы-яги...

*Но, к счастью, это оказались медведи. Хоть и не друзья,
но уж не дадут в обиду Бабе-яге и волку.*

— Не знаю,— глубокомысленно ответил крот,— нынешние дети так распустились, что могут разрушить и крепость.

— Ты не веришь, что я скушала собственную бабушку,— продолжала Красная Шапочка.— Но ты на самом деле боишься серого волка и Бабу-ягу, которые за мной гонятся. Тебе стыдно признаться, что ты готов выгнать на растерзание убийцам маленькую девочку, вот и придумываешь про меня страшные истории.

— Уйди, Кровавая Шапочка! — завопил тогда крот, зажмурив и без того малюсенькие подслеповатые глазки.

И он начал когтями выпихивать ее наружу.

Лидочка снова оказалась наверху. И не успела она отряхнуть измазанное землей платье, как из норы высунулась острая усатая морда крота, который завопил басом:

— Держите ее! Кровавая Шапочка здесь! Она только что пыталась меня убить и ограбить!

Преследователи Красной Шапочки были неподалеку, и той пришлось со всех ног мчаться в лес, удивляясь тому, как странно ведут себя люди и звери, которые еще вчера к ней так хорошо относились.

Лидочка мчалась по лесу, ветви цеплялись за ее платье, сучья ломались под ногами, а корни высовывались из земли, чтобы она об них споткнулась.

Вдруг спереди послышался хруст ветвей, и Лидочка даже остановилась в страхе, что ее обогнал серый волк.

Но, к счастью, это оказались медведи. Хоть и не друзья, но уж не дадут в обиду Бабе-яге и волку.

— Как я рада, что вас встретила,— сказала Красная Шапочка.— Проводите меня, пожалуйста, до дома. Я вас медом угощу. Папа целую бочку привез из Башкирии.

— Целую бочку! — ухнул от радости старый медведь.— Пошли, пошли, никто не посмеет тебя тронуть.

Только Лидочка вздохнула с облегчением, что все ее несчастья позади, как услышала голос медведицы:

— Топтыгин, а ты о своих детях подумал?

— Подумал, подумал,— ответил добродушно Мишка,— им тоже меда хватит. Я всего не съем.

— Дурачье,— рассердилась медведица.— Я не про мед, а про детей наших. Знаешь ли ты, кого ты хочешь защищать? Или тебе неизвестно, о чем весь лес говорит, кричит, чирикает и перешептывается?

— А что?

— А то, что ты имеешь дело с известной хулиганкой и бандиткой Красной Шапочкой, которая сначала сожрала свою бабуся, а потом разломала дом Бабы-яги, оставив ее бездомной, убила Синюю Бороду, напала на серого волка и чуть не задушила добрейшего крота.

И про крота они уже успели сочинить, с горечью подумала Лида.

— Ой-ой-ой-ой! — заревел медведь.— Неужели это робкое маленькое создание — на самом деле такое чудовище?

— В народе ее называют Кровавой Шапочкой,— сказала медведица, а медвежата, отчаянно ворча, умчались в чашу.

— Но ведь вы знаете, что это неправда! — воскликнула Лида.— Я не могу съесть любимую бабушку, я не могу сломать чужой дом!

— Раз люди говорят, значит, можешь,— ответила медведица, взяла мужа за лапу и потащила в чащу.

Хотя тот оборачивался и облизывался: ему очень хотелось меда и он не очень верил в злодейство Красной Шапочки.

В полном отчаянии Красная Шапочка прошла еще несколько шагов и присела на пенек. До города идти еще далеко — а по всему видно, что все в сказочном царстве уже знают, что она натворила. Но самое странное для Красной Шапочки было в том, что поверить в ее страшные преступления было невозможно, а тем не менее все верили.

— Не верят они,— раздался ласковый голосок совсем рядом,— не верят, но делают вид, что верят.

Лидочка обернулась и увидела лису.

Лиса спокойно сидела рядом, вовсе не боялась Лидочку и даже улыбалась, показывая белые острые зубки.

— Но почему? — взмолилась Лидочка.— У меня же несчастье! Мне надо как можно скорее домой! Почему ко мне так относятся? Неужели кто-то поверил этой клевете?

— А кто клеветает? — спросила лисичка-сестричка.— Кто рассказывает о тебе небылицы? Хомяки? Гномы? Муравьишки? Нет — про тебя рассказывают всем известные негодяи, с которыми лучше не связываться. Пока они гадили людям поодиночке, их еще можно было терпеть, а тут они объединились. Так что лучше и нам всем отвернуться от Красной Шапочки, пускай сама выпутывается как может. Мы ни при чем! Мы хотели как лучше!

— Неужели все такие трусы?

— Почему уж такие? Подумай — ведь у каждого есть свои дети, свой дом, свои планы, свои прогулки по лесу... А вдруг серый волк будет недоволен?

— Лисичка, ты мне говоришь неправду,— сказала Лидочка.— Только я не совсем понимаю почему. Разве серый волк — это настоящий серый волк? Я же видела настоящего серого волка, он в три раза меньше этого и вовсе не такой злобный. Он никогда не ел человеческих бабушек, я даже с

ним здороваюсь, когда встречаюсь на тропинке. Ведь я не кролик и не суслик.

— Ах, как ты права, Лидочка! — Лиса поднялась и замахала пушистым хвостом. — Конечно же это не простой волк, конечно же это особенный и страшный волк, от которого нет пощады. Стали бы мы так себя вести, если бы это был обыкновенный волк? Никогда! Мы себя ведем так, потому что это особенный волк! Ужжжасный волк!

— Но он не настоящий!

Лидочка обернулась, а лисицы и след простыл. Только трава чуть задрожала. Не захотела лисица говорить честно.

Глава пятая О ТОМ, КАК КРАСНАЯ ШАПОЧКА ВСЕ-ТАКИ ВЕРНУЛАСЬ ДОМОЙ

Лидочка добежала дальше лесом до самых окраин города, и тут ей пришлось выйти на открытое место. Она к тому времени уже так устала и переволновалась за судьбу бабушки, что как-то забыла о погоне.

Она брела по пыльной дороге — шапочка набекрень, платье изорвано и измазано сажей и грязью.

И все же старый толстый Аладдин, который ехал из города на верблюде, нагруженном коврами, которые он продавал в городе, узнал ее издали, остановился и спросил:

— О, великий Аллах! Что случилось с моей маленькой подружкой, светом моих очей, самой великой в мире шахматисткой?

Красная Шапочка бросилась к нему на грудь, она говорила бессвязно, обливаясь слезами:

— Аладдинчик, дорогой! Ты не представляешь! Какое несчастье...

— Спокойно,— сказал Аладдин.— Может быть, я и не такой молодой и шустрый, как когда-то, но я никогда не предавал моих друзей. Ты можешь быть за мной как за каменной стеной.

Его верблюд кивнул головой и плюнул так далеко, что шиб плевком черного ворона, который как раз поднялся с ближайшего дуба, чтобы получше разглядеть, с кем разговаривает Красная Шапочка.

Плача, Лидочка поведала Аладдину про то, как разрушился дом Бабы-яги, как серый волк съел или куда-то спрятал бабушку Золушку, как ей пришлось спастись и как ей никто не верит.

— Все нормально,— сказал Аладдин.— Влезай ко мне, разворачиваемся и едем к тебе домой. Там вместе подумаем, как освободить бабуся, с которой я танцевал еще в молодости.

Красная Шапочка будто лимонада напилась — такое наступило облегчение. Она протянула руку, Аладдин ловко посадил ее рядом с собой, и верблюд повернул обратно к городу, стены которого возвышались совсем рядом.

— Значит, говоришь, крот обозвал тебя...

— Кровавой Шапочкой!

— Ах, какая славная шутка! За эту шутку я его выкопаю из земли, клянусь тенью моего дяди Хасана, и сделаю из него славную шапку!

Аладдин еще продолжал смеяться, когда они подъехали к мосту через ров, который окружал город.

Мост был поднят.

— Эй, лентяи и бездельники! — крикнул Аладдин.— Опустите мост! Еще не вечер!

Ворота в город приоткрылись, и знакомый Лидочке стражник Грицько ответил:

— Ворота закрыты по приказу короля.

— Это что еще за приказ?

— А тот приказ, по которому запрещен доступ в наше славное королевство известной преступнице и убийце своей бабушки, разрушительнице очагов одиноких старушек по имени Кровавая Шапочка.

— Не Кровавая, а Красная! — закричала в отчаянии Лидочка.— Дядя Грицько, неужели ты меня не помнишь?

— Тебя-то я помню и маму твою, Спящую Красавицу, сам пытался поцеловать, да не был удостоен, и папу вашего Синдбада очень уважаю, но в город вас не пушу из-за того, какая вы страшная преступница.

— Да что ты несешь! — возмутился Аладдин. — Сейчас мы тебя на пенсию оправим. А ну-ка, мой верблюд, разгонись, перепрыгни через ров и снеси эти проклятые ворота!

— Я бы рад, — сказал верблюд, — но посмею напомнить тебе, мой повелитель, что нам в этом городе еще торговать и торговать. А что, если эта девочка и на самом деле людоедка? А мы ее защищаем и даже нападаем на охрану? Кто нас пустит сюда в следующий раз? Где будут наши доходы?

Пока верблюд говорил эту разумную и осторожную речь, железные двери в город захлопнулись, и стало ясно, что Аладдину никогда их не пробить.

— Может быть, ты в самом деле оставишь меня? — вздохнула Лидочка. — Тебе в самом деле лучше не портить репутацию.

И тогда толстый и совсем уже немолодой дядя Аладдин, торговец коврами из города Исфагана, сказал так:

— Может быть, я уже не тот нищий сорванец, которому когда-то на улицах Багдада досталась случайно волшебная медная лампа, в которой скрывался всесильный джинн, и, может быть, я совсем не тот смелый мальчишка, который вместе с глупым джинном пережил столько приключений. Но я должен сказать тебе, всем ведьмам и волкам всего мира: самое дорогое на свете — это дружба.

— Какая может быть дружба между персидским торговцем и русской девчонкой? — закричала Баба-яга, которая тем временем уже подобралась к ним совсем близко. — Хватит, надружились вдоволь! Теперь каждый сам за себя! Я даже черного кота уже проверила — достаточно ли он русский!

— А если бы был персидский? — спросил Аладдин, очень удивившись.

— Тогда бы я его повесила.

— С тобой все ясно, нечисть лесная, — сказал Аладдин. — А ты, серый волк, зачем залез в эту компанию?

Но серый волк ничего не ответил и только погрозил Аладдину лапой в рукавице.

— Это тот самый волк, который говорит, что проглотил мою бабушку, — сказала Лидочка, она была очень благодарна Аладдину за верность.

— Вот я сейчас ему покажу! — рассердился Аладдин и спрыгнул с верблюда.

Громадный волк, который был ростом с Аладдина, начал неуверенно отступать перед торговцем коврами, и, может быть, вся история закончилась бы благополучно, но Баба-яга прицелилась и с такой силой запустила клюкой, что угодила Аладдину в темечко, и тот упал и протянул ноги.

— Ах, старуха, ну зачем ты это сделала! — заплакала Лидочка.

— А затем, чтобы вас всех изничтожить.

Лидочка была ужасно расстроена. Она склонилась над Аладдином. Он дышал, но на голове у него была рана, и из нее лилась кровь.

— Скорее! — закричала Лидочка. — Откройте ворота, помогите мне внести в город Аладдина. Ему нужен доктор!

Она умоляюще смотрела на своих врагов, хоть и не ждала от них пощады.

— Вы можете потом сделать со мной что захотите, но сначала мы должны позаботиться об Аладдине. Я вас умоляю.

И, к ее удивлению, Баба-яга перемигнулась с серым волком и сказала:

— Почему же не помочь Аладдину, на которого нападала страшная разбойница Кровавая Шапочка и чуть его не убила? А ну, Грицько, отвори ворота, дай нам изуродованного купца пронести.

После некоторых уговоров Грицько согласился отворить ворота, но сам отступил в свою будку, а наружу высунул только конец копья — так опасался Лидочки.

Совместными усилиями они донесли раненого Аладдина до дома Спящей Красавицы, и Лидочка обратила внимание на то, как все люди прячутся в дома, закрывают окна, запирают ставни и по городу прокатывается шепот:

— Идет девочка — убийца и разрушительница! Берегитесь этого юного чудовища.

Мама, конечно, ничего об этих ужасах не знала, но она была женщиной осторожной — мало ли какие разбойники могут забра-

ться в город! Поэтому она сначала откинула глазок двери и поглядела в него.

Серый волк и Баба-яга вытолкнули вперед Красную Шапочку, и та сказала:

— Мама, скорей открывай, Аладдину плохо!

Мама ахнула и сразу открыла дверь.

К ее удивлению, серый волк и Баба-яга, которые вместе с Красной Шапочкой несли потерявшего сознание Аладдина, кинулись вперед, сбили маму с ног и ворвались в дом.

А у ворот остались лишь Лидочка, мама, верблюд и Аладдин, который лежал на земле без сознания.

— Что случилось? — спросила мама.

Глава шестая КАК СЕРЫЙ ВОЛК СТАЛ МАЛЕНЬКИМ

Вдвоем — верблюд помочь ничем не мог — мама с Лидочкой долго затаскивали бесчувственного Аладдина в гостиную и, наконец, уложили на диван. Они очень устали, а мама при том всхлипывала, боясь, что Аладдинчик умрет. Она сидела рядом, не выпуская его руки, — а вдруг пульс прервется и сердце остановится?

Но вот Аладдин тихо застонал и открыл глаза.

— Где я? Что со мной? — спросил он тихим голосом.

И тут, обведя взором своих друзей, он вспомнил, что произошло, и даже попытался вскочить, чтобы навести порядок. Но не смог — слишком был для этого слаб. Он снова откинулся на подушку.

— Ты не умрешь, Аладдинчик? — спросила мама, которая так дружила с Аладином, когда они были подростками!

— И не мечтай.

Аладдин попытался улыбнуться, но тут же улыбка покинула его лицо, потому что он услышал шум и голоса, которые доносились из подвалов, где хранились товары, которые привозил из своих путешествий Синдбад-мореход.

— Кто там? Неужели Синдбад вернулся?

— Мыши, наверное, — ответила мама.

— Нет, не мыши, — сказала Красная Шапочка. — Это наши враги. Они даже согласились помочь отнести тебя к нам в дом,

чтобы сюда проникнуть. Я думаю, что этому волку с самого начала что-то было нужно у нас.

— Правильно говоришь, девочка,— сказал Аладдин.— Подумай, Спящая Красавица, не привозил ли Синдбад из последнего путешествия каких-нибудь особенно ценных товаров? Ради которых они пошли бы на то, чтобы захватить в заложники твою маму?

— Ах, не может быть! — воскликнула мама и упала в обморок.

Поэтому вместо того, чтобы разрешить эту тайну, пришлось искать нюхательные соли и давать маме.

— Я помню,— сказала мама, придя в себя,— я вспомнила!

— Только тише! — предупредил Аладдин.

— Когда мой Синдбадик уезжал в последнее плавание, он сказал, чтобы я особенно берегла шкатулку, которую он приобрел для Карабаса-Барабаса.

Лидочке показалось, что штора шелохнулась. Она посмотрела туда — нет, все неподвижно.

— Может быть, они охотятся именно за этой шкатулкой,— сказал Аладдин.— Умоляю тебя, спрячь ее как следует.

— А она спрятана как следует,— сказала мама.— Она лежит за плитой на кухне, чтобы никто не догадался...

— Мама! — закричала Лидочка.— Только не вслух! Они могут услышать!

Но было поздно. Со страшным хохотом из-за портьеры выскочили черный кот и Баба-яга и пронеслись через комнату к лестнице вниз, на кухню.

— Скорее остановите их! — приказал Аладдин.

Но останавливать их было некому — Аладдин все еще лежал на диване, Лидочка с мамой были слабее нападавших, а верблюд как застрял в дверях, так и стоял, вздыхая.

— Наверное, лучше вам пока спрятаться,— сказал Аладдин.— А то они вернутся...

— А тебя оставить здесь? — обиделась мама.

— А что им от меня нужно? Ничего. А от тебя...

Аладдин не успел договорить, потому что дверь, ведущая на кухню, распахнулась и оттуда выскочила вся компания разбойников: Баба-яга, черный кот и серый волк.

Баба-яга несла в руках небольшую, но увесистую шкатулку.

— Ну,— сказала она от двери,— подавай сюда ключи, да поскорее.

— Какие такие ключи? — пропела мама и так мягко и округло повела руками, что все даже залюбовались.

За красоту и мягкость движений маму не раз приглашали выступать с танцами даже перед самым герцогом Бургундии и халифом Багдада. Но мама наотрез отказывалась, хотя бы потому, что была по происхождению принцессой, а не артисткой.

— Ключи от шкатулки, где тайна лежит! — приказал кот.

— Мне Синдбад никогда ничего о ключах не рассказывал,— ответила мама.— Может быть, вам лучше подождать, пока он вернется, и спросить у него, если вам так уж понадобилась чужая шкатулка?

— Молчать! — закричал серый волк. Он закричал страшным басом, но когда попытался еще раз так же закричать — то получился детский голосок.

Это очень удивило Аладдина, он даже приподнялся на локте, внимательно рассматривая серого волка-гиганта.

— А теперь слушай меня внимательно! — сказала скрипучим голосом Баба-яга, которая была главной в этой бандитской компании.— Мы не зря начали с того, что схватили и проглотили твою мамашу Золушку.

— Освободите ее немедленно! — приказала мама.— А то вам будет плохо.

— Помолчи. Ничего с твоей мамашей не случится,— сказала Баба-яга,— полежит в желудке и выйдет.

— А как же желудочный сок? — спросила Лидочка, которая, в отличие от всех остальных, училась в школе и знала, что желудочный сок очень едкий и растворяет все, что попадает в желудок.

— Мы хотели взять в заложницы и твою дочку Красную Шапочку,— продолжала Баба-яга.— Но из этого сразу ничего не вышло. Зато теперь у нас в плену вся ваша семейка. Так слушай: мне ничего от вас не нужно и вы все получите свободу в тот момент, когда отдадите нам ключик от шкатулки.

— Я не знаю, где ключик,— произнесла мама, и Аладдин сказал:

— Правильно. Главное, не поддавайся бандитам. Бандиты всегда рассчитывают на то, что люди их боятся. А если бандитов не бояться, они — самые главные трусы. Скоро прибегут соседи, придет городская стража, сам король узнает о безобразиях, которые здесь творятся.

В ответ на слова Аладдина злодеи расхохотались.

— Еще чего не хватало! — закричал черный кот.— Только они и ждут, как бы вам помочь! Ты что думаешь, мы зря всем рассказываем, что Красная Шапочка на самом деле Кровавая Шапочка, что она скушала свою бабушку?..

— Слышали, слышали, только мало кто поверит в эту чепуху. А кто поверит — тому станет стыдно.

— Когда ему станет стыдно, вам уже будет все равно,— сказала Баба-яга.— Пока что все верят нам. Люди всегда верят в дурное. Если сказать, что ты вынесла из огня ребенка, они даже глазом не

поведут, а если сказать, что ты ребенка в огонь кинула, все поверят. Такие вот вы люди — трусливые, доверчивые и глупые.

— Ну уж по крайней мере Аладдина вы трусливым не назовете! — сказала Красная Шапочка.

— Он дурак, — отрезал ворон и закаркал, но в своем восторге он слишком близко подлетел к верблюду, который застрял в дверях, и верблюд с такой силой наподдал ему ногой, что ворон разбил задом окно, вылетел наружу, пролетел через весь город и уцепился клювом за самую верхушку шпиля королевского замка.

Только на второй день Баба-яга отыскала своего любимца, потому что узнать его было невозможно — городские птицы, которые не выносили ведьминога ворона, выщипали у него все перья, и больше всего он стал похож на голую курицу.

— Сначала мы замучаем до смерти бабушку Золушку, — сказал тогда серый волк.

— А где она? — спросила Красная Шапочка.

— Она там, где ей положено быть — в животе у серого волка, и если вы не верите...

— Конечно не верим, самозванец! — воскликнула Лидочка. — Ты сам не волк, а кто-то мелкий в волчьей бычьей шкуре с приделанными волчьими зубами.

— Вот только не надо догадок, — сказал волк, — не люблю этих шарад и кроссвордов. Вы мне не верите, а я вам сейчас докажу.

Наступила тишина, тело волка начало содрогаться, там внутри кто-то шевелился. Потом вдруг раздался плачущий голос:

— Ой, как больно! Прекрати сейчас же!

— Это голос бабушки! — испугалась Лидочка. — Значит, он на самом деле ее съел.

— Мы слов на ветер не бросаем! — откликнулась Баба-яга.

— Сейчас я тебя замучаю! — глухо донесся голос волка или того, кто в волке таился.

Лидочка не выдержала — она кинулась к волку и принялась колотить его кулачками по жесткой шкуре, но Баба-яга ловко подцепила ее клюкой и отбросила в сторону, притом воскликнув, обращаясь к маме:

— Отдашь ключ от шкатулки или нет?

— Не отдавай! — закричал Аладдин. — Сейчас я до них доберусь!

Но мама уже поняла, что Аладдин не помощник. Она подбежала к столику у своей хрустальной кровати, открыла хрустальный ящик и достала оттуда хрустальный ключик — его оставлял ее муж Синдбад, когда уезжал в далекие плавания.

— Давай сюда! — закричала Баба-яга.

— Нет, сначала освободите бабушку!

— Не тебе с нами торговаться, — сказала Баба-яга. — Ты в наших руках. А ну, ключ сюда!

Лидочка заплакала от бессилия. Самое обидное, когда унижают твою маму и мучают твою бабушку, а ты ничего не можешь поделать. Аладдин пытался подняться, но силы оставили его, и он упал, потеряв сознание. Может, и лучше для него — хоть он не мучился. Но ужасно пришлось верблюду, который мечтал добраться до врагов, однако с каждым движением все сильнее заклинивался в дверях — ни туда ни сюда — и мог только плевать.

Баба-яга вырвала у мамы хрустальный ключик и поставила шкатулку на столик.

Она открыла шкатулку и, покопавшись в деньгах и драгоценностях, что хранились там, вытащила небольшой кожаный мешочек.

— Ура! — закричала Баба-яга. — Наша взяла.

— Помоги вылезти! — послышался голос изнутри волка.

Не выпуская мешочка, Баба-яга отстегнула крючок под горлом у волка, и шкура распалась на две половинки. Конечно же, это была бычья шкура, только искусно переделанная под волчью.

И глазам наших героев предстало удивительное зрелище. На шкуре стоял всем известный городской шалун и пройдоха, бездельник и прогульщик по прозвищу Мальчик с пальчик. А рядом с ним был мешок, который шевелился и изнутри которого доносились стоны.

Лидочка сразу все сообразила. Она кинулась к мешку и с трудом развязала его. Еле живая, поднялась на ноги скрюченная в мешке бабушка Лидочки — сохранившая следы былой красоты и элегантности пожилая Золушка.

Лида кинулась ее обнимать, мама тоже кинулась ее обнимать, и они наперебой спрашивали бабушку:

— Ты жива? Они тебе ничего не сломали? Они ничего у тебя не отъели?

Словно бабушка сидела в самом настоящем сером волке и на нее действовал едкий желудочный сок.

Пока бабушка, дочка и внучка обнимались и рассказывали друг дружке о своих переживаниях, Мальчик с пальчик и Баба-яга отбежали в угол и развязали кожаный мешочек. Ссорясь и ругаясь, они разделили белый порошок, который хранился в мешочке, и высыпали себе во рты. Они давились и бегали по комнате, ища, чем бы запить горький порошок. Но остальные не обращали на них внимания.

Глава седьмая О ТОМ, КАК ВСЕ КОНЧИЛОСЬ

— Я сидела у накрытого стола,— стала рассказывать бабушка, словно ничего особенного и не произошло,— и вдруг услышала звонок в дверь. Я обрадовалась, потому что поняла, что пришла моя любимая внучка Красная Шапочка, хотя должна вам сказать, мои дорогие, что этот звонок в дверь напомнил мне тот случай в моей жизни, когда вслед за подобным же звонком вошел твой дедушка в виде юного и прекрасного принца, протягивая мне хрустальную туфельку и спрашивая мелодичным голосом: «Не вы ли будете та прекрасная незнакомка, которая так чудесно танцевала на нашем балу?»

— Погоди, бабушка, погоди! — умоляла ее Красная Шапочка.— Скажи, пожалуйста, не нужно ли вызвать доктора Айболита? Может быть, мне сбегать за ним? Ты же провела столько времени в заточении!

— Да, мне было очень тесно, темно и, главное, душно. Правда, мне в конце концов удалось просверлить ногтем дырочку в животе этого искусственного волка, но я не успела этой дырочкой воспользоваться, потому что меня уже освободили. Единственное, что меня утешало... Дети, не отвлекайтесь, когда с вами разговаривает только что освобожденная из оков бабушка. Меня спасло то, что этот волк проглотил меня вместе с вязанием и я почти кончила вязать тебе новую красную шапочку — пожалуйста, примерь ее...

Но на этот раз даже разговорчивой Золушке пришлось замолчать, потому что действие горького порошка, который сжевали бандиты, начало сказываться, и, ко всеобщему удивлению, они все начали быстро расти.

— Ого-го! — гордо закричал Мальчик с пальчик — известный мелкий пакостник и хулиган.

Это он умудрился подложить в ухо одному джинну ручную гранату, и тот на две недели оглох, это он украл и съел все варенье, которое сварили гномы к их празднику, это он избил Дюймовочку так, что ее пришлось вести к доктору... Ах, как его не выносили все в городке и как хотели, чтобы его кто-то поскорее и подальше отвел бы в лес, но не находилось желающего вести в лес этого сорванца.

Но это уже был не Мальчик с пальчик, он превратился в мужчину среднего возраста... А еще минута — и голова его достала до потолка. Еще смешнее выглядело превращение Бабы-яги. Она сама-то увеличивалась, как и положено, но ее клюка и ступа остались обычными — она шарила ручищами по полу, искала свое добро, а найти ничего не могла.

Страшнее всех стал кот: как черная пантера, он напружинил свое мохнатое тело, улыбнулся зловешей улыбкой, и усы его стали похожи на турецкие сабли.

— Ну, что мы сделаем с этими ничтожествами? — спросил гадким голосом бывший Мальчик с пальчик, а теперь — Мальчик с бревно.

— Растопчем, — сказала Баба-яга.

— Разорвем и растерзаем! — завопил кот.

— Бегите! — воскликнул пришедший в себя Аладдин. — Они и в самом деле никого не пощадят!

Красную Шапочку и ее друзей спасло то, что бандиты продолжали увеличиваться и никак не могли привыкнуть к своим новым рукам и лапам. Как ни поведут в воздухе — все мимо!

Подхватив под мышки слабого еще Аладдина, Красная Шапочка и ее мама побежали к двери. За ними, прижимая к груди корзинку с вязаньем, спешила Золушка.

Они проскочили между ног верблюда, который закрывал собой дверь, и тот принялся отплевываться от Мальчика с бревно, который хотел догнать Красную Шапочку.

Но когда они все выбежали на улицу, то, оказывается, попали из огня в полымя.

Там их уже ждали городские стражники и толпа возмущенного народа.

— Вот, вот они, убийцы своей бабушки! — кричали люди.

— Вот она, Кровавая Шапочка!

— Поглядите, они и нашего доброго Аладдина искалечили!

— Тишина и спокойствие! — закричал старший стражник.— По повелению сто величества короля я должен арестовать и отвести в тюрьму некую девочку Лиду по прозвищу Красная Шапочка за многие хулиганские преступления, в том числе за убийство ее родной бабушки...

В этом месте вся толпа зарыдала от ужаса. Раздавались крики: «В тюрьму ее! Исключить ее из школы!»

— И за многие другие преступления, еще хуже, чем первое...

На этих словах стражника вдруг большой каменный дом Синдбада-морехода зашатался, крыша рассыпалась, и оттуда появилась сначала макушка, а затем и вся голова обезумевшего от такого испытания Мальчика с бревно, а рядом с ним уже возникла отвратительная рожа Бабы-яги с торчащими во все стороны седыми патлами.

А когда дом окончательно развалился и толпе людей, прибежавших наказать Красную Шапочку, пришлось на большой скорости разбежаться во все стороны, то люди в ужасе увидели, что между гигантскими Бабой-ягой и Мальчиком с пальчик стоит пантера, или черный лев, или иной неизвестный хищный зверь ростом со слона и облизывается, словно готовится кинуться на людей и всех растерзать.

Лидочка и ее родственники тоже побежали прочь, потому что они понимали — им несдобровать в первую очередь.

И в этот момент сквозь крики людей и грохот падающего дома они услышали стук копыт и увидели, что навстречу им, спокойно разговаривая, едут Синдбад-мореход и его приятель Карабас-Барабас, хозяин городского зоопарка. Только я прошу не путать с тем Карабасом-Барабасом, о котором написано в сказке о приключениях Буратино, или Пиноккио. На самом деле Карабас-Барабас — добрейший толстяк, у него в зверинце много разных зверей, в том числе черепаха Тортилла, раньше там жил и кот Базилио, но, к сожалению, он убежал, познакомившись с одной хорошенькой кошечкой из проезжавшего мимо цирка.

Синдбад-мореход первым увидел своих родных и соскочил с коня:

— Что случилось, что такое? Кто вас обидел? Кто ранил моего друга Аладдина?

— Кто посмел поднять руку на несчастных женщин?! — рассердился Карабас-Барабас.

— Я их пронзю шпагой! — закричал деревянный человечек Буратино, заместитель директора зоопарка по хозяйственной части и хороший друг Лидочки.

Мимо них пробежали перепуганные жители города и стражники и кричали:

— Это все Кровавая Шапочка! Это она — страшная убийца.

И на это мудрый умный маленький деревянный человечек Буратино заметил:

— Сила негодяев не только в том, что они совершают мерзкие поступки, но и в том, что они кричат, что эти поступки совершили хорошие люди.

— А дураки им верят! — добавил верблюд Аладдина.

— Как же это случилось? — спросил Буратино.

— Они все это подстроили, чтобы добыть шкатулку, ключ от которой был у меня, — сказала мама. — Только я не знала, что в шкатулке.

— А в шкатулке было средство для того, чтобы увеличивать все живое в тысячу раз, — сказал Синдбад. — Я специально привез это средство из Сингапура для моего друга Карабаса. Но не успел отдать по назначению...

— Потому что я уезжал на свадьбу к девочке Мальвине, — сказал Карабас-Барабас.

— Я во всем виноват, — заплакал Буратино. — Я рассказал об этом средстве Мальчику с пальчик. Я сказал ему, что Карабас-Барабас строит специальный павильон в зоопарке для бабочек, мотыльков и божьих коровок, чтобы они стали громадными и люди могли ими любоваться... Мальчик с пальчик мне тогда ответил: вот бы мне стать таким большим, я бы тогда женился на великанше, стал бы царем всех великанов и завоевал весь мир...

— Все ясно, — вздохнул Синдбад. — Как я был легкомыслен, как же я не догадался, что подлая Баба-яга обязательно воспользуется этой идеей, чтобы стать сильным и страшным чудовищем...

— Вот вы где! — захохотал Мальчик с пальчик, увидев кучку маленьких людей. — Сейчас я вас растопчу.

— Нет, сначала я их растерзаю! — закричал кот.

— Погодите, погодите, я их сначала помучаю, — заявила Баба-яга.

Пока злодеи, нависавшие над людьми так, что закрывали половину неба, спорили, верблюд протянул губы к уху Аладдина и что-то прошептал.

— О я глупый, старый купец! — прошептал в ответ Аладдин.

Таясь за боком верблюда от врагов, он расстегнул суму и вытащил оттуда позеленевшую медную лампу. Он прошептал нужные слова, потер ее как следовало, и в тот момент, когда Баба-яга уже протянула свою лапищу, чтобы схватить Лидочку, густой столб дыма поднялся над улицей и заставил Бабу-ягу отпрянуть.

Из столба дыма появился могучий джинн и прогремел недовольным голосом:

— Зачем ты побеспокоил меня, Аладдин? Мы же договорились с тобой, что я уйду на пенсию.

— Прости меня, о повелитель злых духов! — воскликнул Аладдин, падая на колени. — Но случилось событие, которое заставило меня изменить слову. Если хочешь, казни меня, если хочешь, выслушай.

— Говори! — проревел джинн.

Он был страшен — ростом с двадцать этажей, темнокожий, голый и страшно зубастый.

— Нет, пускай он помолчит, — заявила Баба-яга, которая теперь не многим уступала джинну ростом. — Вы лучше, господин хороший, возвращайтесь в свою банку, продолжайте отдыхать, а мы тут без вас разберемся. Я вам как женщина советую.

Может быть, джинн и послушался бы Бабу-ягу, но он не выносил, когда ему давали советы женщины.

— Приказывай! — сказал он Аладдину.

— Я прошу тебя, чтобы все те, кого ты видишь вокруг себя, снова приняли свой прежний вид, в том числе и разрушенный дом Синдбада-морехода, и стали такими же, как прежде. И больше мне ничего не надо.

— И дворцов не надо строить, и голов не надо сносить?

— Ничего, мой друг.

— А потом снова на пенсию?

— А потом снова на пенсию.

— Быть по тому! — сказал джинн, и пока Баба-яга, Мальчик с пальчик и черный кот возвращались в свой прежний вид, он и сам уменьшился и залез в свой кувшин, а Аладдин заткнул его пробкой и положил на место в переметную суму на боку своего верблюда.

Баба-яга и Мальчик с пальчик не стали ждать выяснения отношений. Они с такой скоростью убежали из города, что Баба-яга забыла на площади свою треснутую ступу, и лишь верблюд успел наподдать ногой Мальчику с пальчик. А так как мальчик был маленьким, то его до сих пор так и не нашли.

Все вернулись домой к Синдбаду и устроили большой пир.

Король прислал специального придворного, чтобы тот извинился за поведение стражников и за то, что он сам, король, поверил такой гадкой клевете на Красную Шапочку.

А из следующего путешествия Синдбад-мореход привезет увеличительного порошка для Карабаса-Барабаса, и тогда, господа,— добро пожаловать в павильон гигантских бабочек нашего городского зоопарка!

ДЕТКИ В КЛЕТКЕ

Родителям Кати и Маратика не повезло с детьми. Им попались очень неудачные дети. Они еще не научились ходить, а начали шалить.

Сначала шалила Катя, потому что Маратик еще не родился. Она плевалась, дралась, щипалась, кусалась, а когда научилась говорить, стала ругаться.

Ее братик Маратик пошел по стопам Кати, но всегда от нее отставал в каверзах и потому еще больше сердился.

Когда Кате исполнилось пять лет, а Маратику три года, они вытоптали все цветы на клумбе возле дома и забросали землей соседскую бабушку, которая вышла, чтобы остановить это безобразие. Бабушку удалось откопать только на третий день. К тому времени она лишилась речи и слуха от холода и голода, так что о виновниках этого двойного преступления в городе узнали только тогда, когда бабушка написала их имена на листке бумаги.

Правда, увидеть их имена успела только медсестра Клавдия Брызжейко, потому что Катя, которая ожидала, что бабушка проговорится, с ночи дежурила под ее кроватью, и как только медсестра развернула листок, Катя молнией выпрыгнула из-под кровати и листок этот съела. Потом выпрыгнула из палаты с третьего этажа, разбив окно. Медсестра Клава Брызжейко лишилась сознания и до сих пор лежит дома с закрытыми глазами.

В ту осень Катя и Маратик совершили еще несколько страшных преступлений. Может быть, вам приходилось слышать о том, как столкнулись два поезда на запасном пути. Это Катя с Марати-

ком пробрались на рельсы, вдвоем потянули на себя железнодорожную стрелку, и поэтому поезд Владивосток — Берлин попал на тот путь, где только-только начал разгоняться поезд, груженный подушками и одеялами для Аддис-Абебы. Поезда столкнулись нос к носу и рассыпались на вагоны. Это еще счастье, что люди из поезда Владивосток — Берлин, включая двух польских министров, венгерского певца и команды футболистов из города Любека, вылетели из вагонов и упали на подушки, которые были разбросаны вдоль путей.

Кате было очень обидно, что никто не догадывается о ее подвиге. Она уже немного умела писать и написала на стене вокзала:

«Это я, Катя Матина, и мой брат Маратик. Смерть подушкам!»

Люди проходили, некоторые читали, а прочтя, все говорили:

— Ну кто так пишет слово «подушка»? Это же ошибка!

Тогда Маратик сказал старшей сестре:

— Давай сделаем большую гадость.

— Какую?

— Пускай сгорит наш детский сад.

Кате понравилась мысль ее братика Маратика. Они украли у папы канистру с бензином, а у мамы — спички и пошли после ужина жечь детский садик. Детский садик запылал, как большой костер.

— Как жалко, — сказала Катя, — что сейчас в нем нет детей.

— А правда, — сказал Маратик, — давай завтра еще раз подожжем этот садик. Когда там будет много детей. Вот посмеемся!

Но Катя сказала слова, которые слышала по телевизору:

— Нет, брат. Нельзя войти два раза в одну реку.

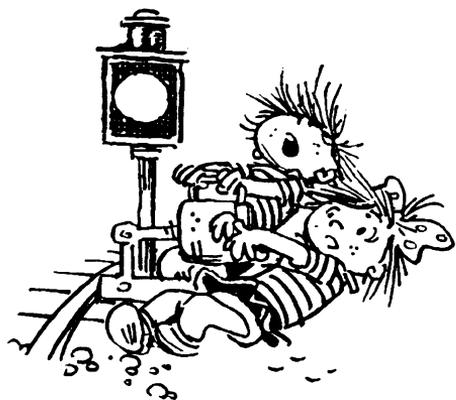
— Почему? — спросил Маратик.

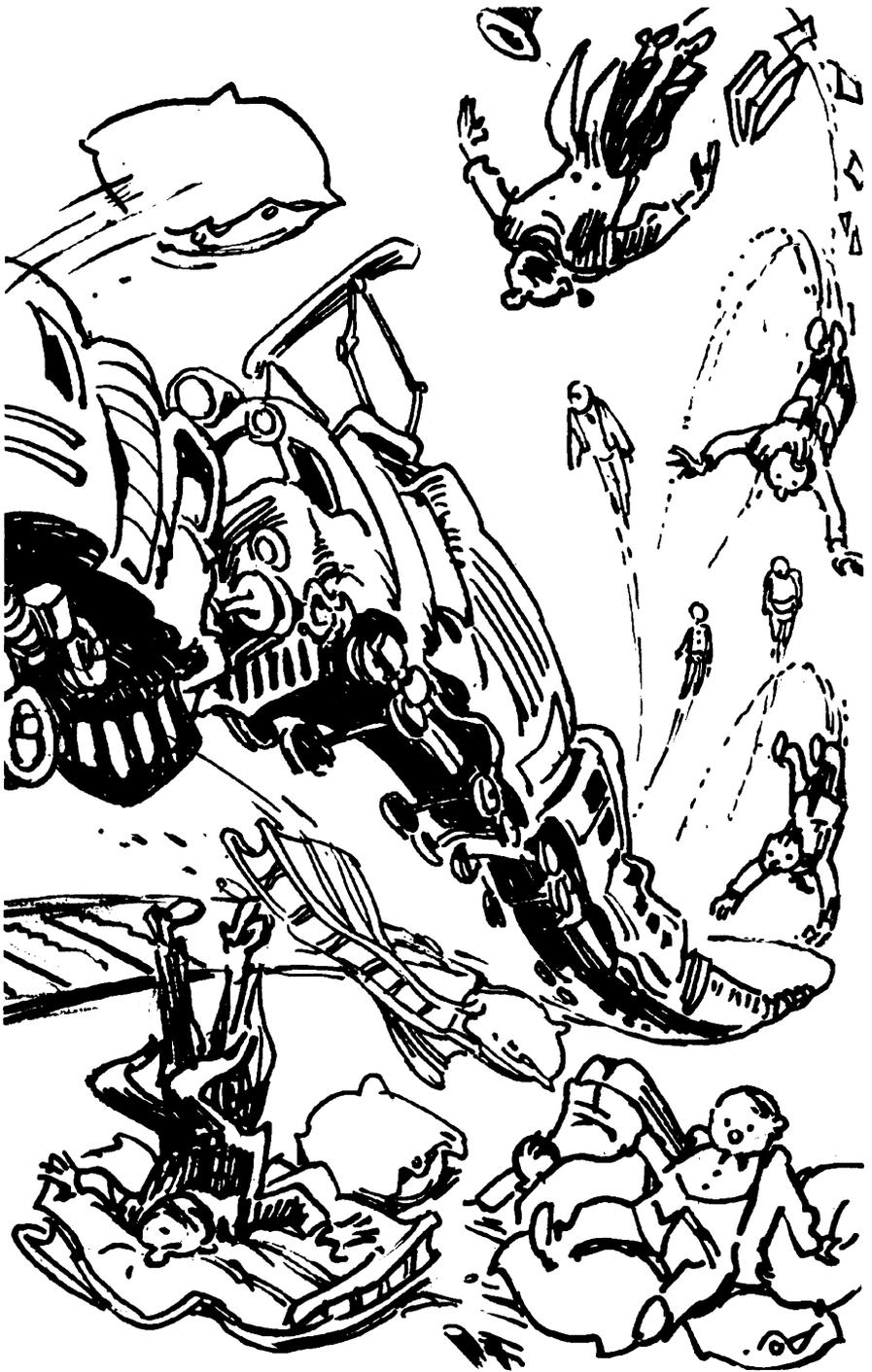
Ему было всего четыре года, и он не знал жизни.

— Потому что та, старая, вода уже утекла, а новая только-только притекла.

Маратик не стал спорить с сестрой. Он решил с ней дружить, пока она ему не надоест.

Зимой Катя и Маратик сделали большую прорубь в пруду, на котором был устроен детский каток. Они

Поезда столкнулись нос к носу и рассыпались на вагоны.

думали, что дети будут падать в прорубь и тонуть. Но как только каток открыли, сторож увидел прорубь, и никто не успел утонуть.

Они решили, что надо как следует думать, прежде чем шалить. И с тех пор не совершали ошибок.

Мама и папа делали детям замечания и даже их ругали. В конце концов детям это надоело. Они сделали приспособление, чтобы уронить маме на голову кирпич. Кирпич упал, и мама попала в больницу.

Папа никак не мог понять, кому потребовалась гибель мамы. Пришла милиция с собакой, и собака сразу привела лейтенанта Круля к детям, которые стояли в углу комнаты и плакали, как и положено детям, надолго потерявшим единственную маму.

Папа отказался поверить своим глазам и за это был наказан. Катя растворила в воде яд бледной поганки и подмешала папе в ночную рюмочку коньяка. Папе стало плохо, его отвезли в больницу, а дети остались одни.

Сначала им это понравилось, однако скоро еда кончилась, но никто не хотел приходить к ним в дом, чтобы их кормить. Тогда Катя взяла Маратика за ручку, в другую ручку взяла пистолет системы «Макаров», которым папу наградили за боевую подготовку, и пошла в магазин. Там ей удалось ранить двух кассирш и разогнать по углам продавщиц. А маленький Маратик тем временем собирал по прилавкам самую вкусную еду.

Потом они понесли еду домой, но по дороге их догнал танк, в котором сидели милиционеры. Катенька разрядила в танк всю обойму, но пули его не взяли. Тогда дети заплакали и принялись быстро есть награбленное, чтобы милиционеры не успели отнять.

Милиционеры взяли их на месте преступления и отвели в детскую комнату милиции. Там дежурила старший лейтенант тетя Дуся и еще были задержанные дети-беспризорники, большей частью цыганята и нищие. В среднем им было по восемь лет, и тетя Дуся читала им на ночь книжку «Муха-цокотуха».

Катеньке и Маратику книжка не понравилась, и они подговорили других детей напасть на тетю Дусю. Дети напали на тетю Дусю, свалили ее на пол, заткнули ей глотку кляпом из колготок, достали из ее кармана сигареты и стали курить, а кто курить не умел, гасили сигареты о живот старшего лейтенанта тети Дуси.

Когда тетю Дусю спасли товарищи по работе, она поклялась, что лучше будет жить в клетке с тиграми и шакалами, чем согласится без танка зайти в детскую комнату. Начальник отделения милиции сначала хотел дать тете Дусе танк, чтобы она на нем въезжала в детскую комнату, но потом решил, что лучше пускай дети разойдутся по домам и не пугают милиционеров, у которых забот хватает и без маленьких детей.

Катенька и Маратик возвратились домой и легли спать. Ночью Маратику захотелось убить свою сестренку Катю, и он принес для этого из кухни длинный нож. Но Катенька проснулась, исколотила Маратика и объяснила ему, что, если он убьет старшую сестренку, некому будет его кормить и сажать на горшок.

На следующий день брат и сестра открыли люк водопровода и высыпали туда целый мешок крысиного яда, который украли в кооперативе по травле тараканов и грызунов.

Но город не успел погибнуть, потому что тетя Дуся следила за детьми и увидела, что они делают. Тут же по радио и телевидению выступили руководители города и приказали людям ничего не пить и желательно не есть, пока крысиный яд не выветрится.

А Катю и Маратика арестовали и стали думать, что же делать, если в городе завелись такие неисправимые маленькие дети.

Хотели их судить. Но как будешь судить Маратика, которому только что стукнуло четыре годика? Ведь есть мировая общественность, Америка за нами следит, африканские страны наблюдают. Представляете, что наши враги воскликнут, если узнают, что мы судим ребеночка?

Но и оставлять детей на свободе было нельзя. Завтра они все-таки взорвут нашу красавицу Москву.

Для начала к детям прислали врача-психиатра. Он с детьми побеседовал, а пока он беседовал, Маратик приспособил тонкую веревочку и натянул ее по дороге к двери.

Побеседовав, психиатр пошел доложить начальнику милиции, но задел каблуком веревочку. Пока он падал, Катя-резвушка полила перед ним пол подсолнечным маслом, и доктор проехал на собственном носу тринадцать метров.

Он пришел к начальнику милиции без носа и написал записку:

«Прошу детей послать на Луну без скафандров».

Начальник милиции покачал головой и сказал плачущему психиатру:

— К сожалению, у нас нет прямой связи с Луной. А может быть, это к лучшему, потому что они и без скафандров на Луне устроят наводнение.

Хотели было вызвать специалистов по детским болезням из Японии, но оказалось, что нужно за это очень дорого платить.

И тогда жена мэра города в сердцах произнесла:

— В клетку их посадить, вот что надо сделать!

— А что? — обрадовался мэр и сразу позвонил директору зоопарка.— Иваныч,— спросил он директора,— у тебя свободная

клетка найдется? Какая-какая, а большая! Чтобы с толстыми прутьями и отоплением. Желательно из-под тигров... Есть? Вот и замечательно. Скоро мы к тебе танк подгоним, в нем новое поступление.

— Какое такое поступление? — с подозрением спросил директор зоопарка.

— Детишки, — ответил мэр. — Катенька и Маратик.

— Те самые?

— Те самые.

— Они же мне всех зверей перекусают!

— Так уж всех! А ты получше клетки запирай.

— А чем их кормить?

— Нормально корми, как тигров или как слонов.

— Нет, это негуманно, — сказал директор. — Их родители на меня в суд подадут.

— Не подадут, — ответил мэр. — Они по больницам отлеживаются.

Вот так Катенька и Маратик попали в зоопарк.

В зоопарке детям не понравилось. Никого не отравишь, никого не обидишь. В клетке только две кровати, два стула, столик, за занавеской душ и уборная. На клетке снаружи написано:

«Не кормить.

Не дразнить.

Конфет не предлагать.

Опасно для жизни»

Люди шли сплошным потоком. И все с детьми. Папы и мамы не жалели Катеньку и Маратика, потому что знали о горькой судьбе их родителей и боялись сами стать жертвами. Родители останавливались перед клеткой и говорили своим детям:

— Смотри, Ванечка, смотри, Ритуля, до чего доводит непослушание. Ты хотела бы пожить в клетке?

Дети отвечали по-разному. И среди них даже встречались такие, что и не отказались бы там пожить, только чтобы не готовить уроков, не мыть рук, не чистить зубов и не слушать маминых но-

таций или папиных нравоучений. Некоторые дети проносили с собой конфеты и кидали их издали Катеньке и Маратику. Катенька и Маратик собирали конфеты, некоторые — шоколадные — ели сами, другие, которые попроще, складывали в яму, которую ноготками выцарапали в бетонном полу и замаскировали сверху крышкой от унитаза.

В клетке у них редко устраивали уборку, потому что двум уборщицам пришлось уйти на пенсию после того, как дети искусали им ноги. Теперь уборщица если и входила, то

только в ватных штанах и бронежилете, а снаружи наготове стоял пожарник со шлангом.

Сначала за границей было много шума: писали, что в России угнетают детей, и даже было создано общество для спасения Катеньки и Маратика. Делегация этого общества во главе с леди Ленорван-Гленорванян приезжала в город, чтобы добиться освобождения детей и наказания преступников. К удивлению делегации, директор зоопарка сразу согласился расстаться с детьми. Он привел делегацию к клетке и спросил, не приближаясь к ее решетке:

— Дети, не хотели бы вы поехать в Англию, где живут ваши защитники и защитницы?

— О, йес! — сказали защитницы, и громче всех сказала это леди Ленорван-Гленорванян. — Мы имеем резолюцию Совета Безопасности с одним только голосом против.

— Во дает,— произнес Маратик.

— А що? — сказала Катенька. — Смотаем, покажем этим брокерам, с какой стороны мажут масло.

— На кого мажут? — рассмеялся Маратик.

— На нос ихнему королю! — ответила веселая Катенька.

Детишки подошли к решетке и встали рядышком, держась за ручки. Слезы текли по их щечкам, и ответные слезы потекли по щечкам леди Ленорван-Гленорванян. И ножки леди задрожали.

Директор зоопарка сам отпер клетку и, зажмурившись, убежал к себе в кабинет. Но не успел добежать, потому что получил по затылку кочаном капусты, который метнула ему вслед девочка Катенька.

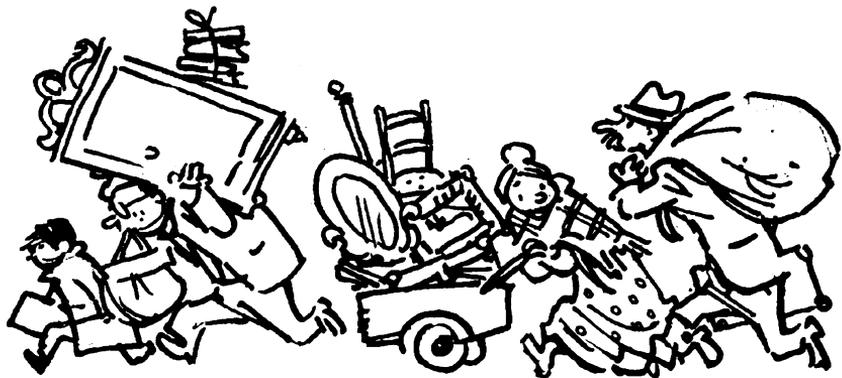
Детишки послушно пошли следом за леди и доехали до страны Англии — им очень хотелось посмотреть, как живут простые английские дети.

Половина населения Англии пришла на набережную встречать пароход, на котором привезли угнетенных детей из варварской России.

Играла музыка, и детям в Англии понравилось.

После этого связь с Англией временно прекратилась.

А когда ее восстановили, оказалось, что Лондон лежит в развалинах, башня Тауэр — гордость английского народа — упала набок, часы Биг-Бен разбились, на площади Пикадилли разлилась большая лужа бензина с вареньем, река Темза куда-то утекла, а

большая часть населения на лодках, плотках или просто вплавь сбежала во Францию и на остров Исландия.

Отважный адмирал лорд Маунтбэттен не испугался маленьких русских хулиганов и предложил им возвратиться домой. А так как дети уже нашалились всласть, они согласились прокатиться на крейсере «Инвизибл». По дороге домой они отъели адмиралу ухо, обрили наголо и надели ему на голову ботинок. И все же адмирал спас свою страну и возвратил детей в наш зоопарк. И Катенька с Маратиком вновь поселились в клетке, к страшному разочарованию директора зоопарка, который тут же ушел на пенсию, хотя ему оставалось до нее лет двадцать.

С большим трудом удалось отыскать ему замену. Этой заменой стал студент Эдуард Жито-Житинский, который хотел стать академиком и очень нуждался в деньгах. А еще он любил животных и знал их языки, что редко встречается среди людей.

В день, когда Эдуард вышел на работу, он осмотрел зоопарк. Все звери и птицы уже знали, что это новый директор, и кланялись ему или улыбались, потому что с директором ни одно разумное животное ссориться не будет. Но когда Эдуард подошел к клетке Катеньки и Маратика, то дети начали прыгать, кривляться и показывать директору фиги.

— Это наше несчастье, — сказал уходящий директор, который сопровождал нового в его обходе. — Мы хотим вернуть их родителям.

— А родители? — спросил Эдуард.

— Родители возражают, — ответил старый директор. — Вот, кстати, их мама, Прасковья Яковлевна. — И уходящий директор показал на нестарую и недавно еще красивую женщину, которая сидела, пригорюнившись, на скамейке.

Эдуард Жито-Житинский подошел к женщине и сразу понял, насколько она несчастна.

— У вас горе, — сказал Эдуард.

— Как вы точно угадали! — воскликнула мать Катеньки и Маратика. — Как только я вышла из больницы, я стала приходить в зоопарк. Я смотрю на моих детей и удивляюсь: как могло случиться, что они стали такими плохими? Ведь я себе во всем отказывала, чтобы они выросли достойными людьми, инженерами, врачами, учителями и космонавтами. А они стали хулиганами.

Женщина заплакала, а директор Эдуард поглядел на клетку. Катенька и Маратик радовались, что довели маму до слез. Они прыгали по клетке и становились ботинками на кровать.

— Не надо расстраиваться,— сказал тогда молодой директор зоопарка.— Это как болезнь, а каждую болезнь можно вылечить.

— Как называется эта болезнь? — спросила Прасковья Яковлевна.

— Эта болезнь называется свинство. У некоторых она проходит, у других переходит в хроническую форму. Вы знаете, что такое хроническая форма?

— Это когда надолго? — спросил Прасковья Яковлевна.

— Да, это когда болезнь течет медленно, как болотная вода. Но у ваших детей очень острая форма, и потому можно надеяться на излечение.

— Может быть, пригласить зарубежного специалиста?

— Вы с ума сошли! Ваши дети, пока вы лежали в больнице, уже побывали в Англии, и все зарубежные специалисты от них разбежались.

— Ха-ха-ха! — закричали хором из клетки Катенька и Маратик.

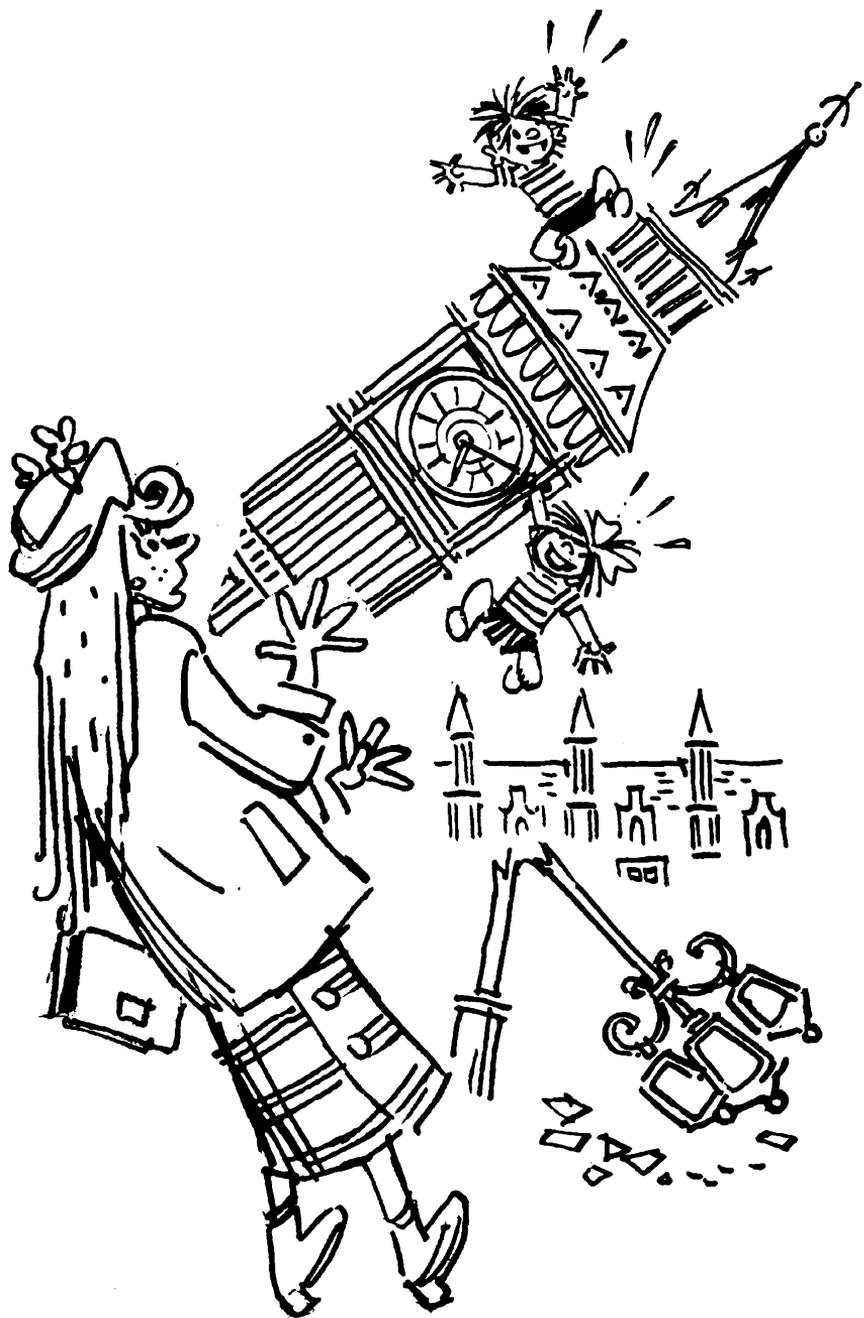
— Но что делать? Как помочь?! — заплакала Прасковья Яковлевна.

— Я подумаю,— сказал директор зоопарка.— А вы идите домой и отдохайте.

Конечно же, Прасковья Яковлевна не пошла домой, а ринулась снова к клетке, простирая к ней руки и умоляя детей сжалиться над несчастной мамой.

А дети смеялись над ней так громко, что все вороны города поднялись в небо, потому что решили, что на них несется стая собак.

Эдуард осмотрел зоопарк, принял дела у старого директора и заперся в своем кабинете, чтобы придумать, как перевоспитать малышей. Не может быть, чтобы они были такими неизлечимыми хулиганами. Ведь у них хороший папа, хорошая мама, хорошие бабушки и славные дедушки. Конечно же, они подцепили вирус хулиганства и злобы, когда гуляли по улице. Ведь на улицах теперь развелось много этого вируса. Может быть, мама на прогулке зашла в магазин и оставила малышей возле очереди за тапочками. А может быть, она гуляла с ними по бульвару, а мимо

*...оказалось, что Лондон лежит в развалинах, башня
Тауэр — гордость английского народа — упала набок,
часы Биг-Бен разбились...*

шли пьяницы или грабители ларьков. А может, наконец, совсем рядом состоялась демонстрация и грудные дети увидели плакаты и лозунги со словами «Долой!», «На плаху!», «Убьем!», «Уничтожим!». Сейчас уже трудно решить, отчего началась болезнь. Но если она есть, то надо не плакать, а лечить. И чем сложнее заболевание, тем хитрее должен быть доктор.

В среду двадцатого числа, когда стемнело и из зоопарка ушли не только посетители, но и сторожа, к клетке Катюши и Маратика подошел верблюд Али-хан и сказал:

— Кончай волынку, братва. А то причешем.

Катеньке и Маратику как раз стало скучно. И они даже обрадовались, что звери ими недовольны. Вот можно будет посражаться! Раньше они со зверьми не ссорились. Ведь звери могут и укусить... Но теперь дети совсем обнаглели.

— А чо те нужно? — спросил Маратик.

— А то, что хозяин зовет, — сказал Али-хан и сплюнул на землю.

— Зовет-зовет, — сказал Маратик. — Я не пойду.

— Как не пойдешь? — удивился Али-хан. — Ведь зовет.

— Слышишь, что мой братишка говорит? — рассердилась Катенька. — Так что беги к своему хозяину и вели ему сюда идти. Да побыстрее, а то я рассержусь.

Али-хан удивился и пошел к хозяину.

А хозяином зверей был старый павиан Велосипед. Шерсть у него была длинная, зеленая, морда собачья, а сзади красная мозоль.

— Не идут, — сказал Али-хан. — Человечья кровь.

— А что говорят?

— Тебя зовут, — сказал Али-хан.

— Не дождутся, — отрезал павиан. — А ну-ка позови ко мне вот кого... — И перечислил имена.

Не дождавшись хозяина, Катенька и Маратик стали укладываться спать.

Но не тут-то было.

Только Катенька откинула одеяльце, чтобы лечь в кроватку, как увидела, что ее место уже занято. Там лежит, свернувшись, небольшая змея.

Катенька с отвращением хотела скинуть змею на землю, но та подняла маленькую зеленую голову и прошипела:

— Не спеши, Катюшшша. Я очень ядовитая. Я такая ядовитая, что боюсь нечаянно язык прикусить.

Катенька замерла. А Маратик сказал:

— Если ты такая ядовитая, то мотай отсюда! Слышишь? А то я тебе как камнем дам по башке!

— Не дашь,— услышался другой голос, и Маратик увидел, что на потолке сидит громадный паук. Тело — с мужской кулак, а каждая нога в карандаш длиной. Называется такой паук птицеедом, и привезли его в зоопарк из Бразилии, а может быть, даже из Африки.— Вот сейчас я тебе на голову прыгну! — пригрозил паук.

Все хулиганы и бандиты, скажу я вам, не очень смелые люди. Откуда же Катеньке и Маратику быть смелыми, если от их свинства и хулиганского поведения даже взрослые разбегались во все стороны! От такого поведения окружающих хулиганы наглеют. Но звери ведь не убегают неизвестно от чего. Звери шутить не умеют.

— Что прикажете? — спросила Катенька у змеи.

— А ты знаешь, человеческий детеныш, что тебе приказано! — сказала змея. — Иди к хозяину. А то он заждался и сердится. Рассердится — побьет.

— Пойдем, — сказала Катюша Маратику, а тот уже прижался к решетке — ждет не дождется, когда можно будет убежать от страшного паука.

Тут паук спустился вниз и открыл замок — звери в зоопарке все умеют, только не показывают людям, чтобы те оставались в дураках.

Катюша и Маратик, склонив головки, пошли по дорожке к обезьяннику. Они конечно же не смирились, только притворились, что стали послушными.

— Ничего, — прошептала Катюша на ухо братцу. — Разберемся что к чему и покажем им, как нас с тобой пугать.

— Конечно, — прошептал в ответ малыш. — Недаром мы весь Лондон взорвали, даже террористы не посмели на себя наши преступления взять.

Старый павиан Велосипед сидел на развилке сухого дерева, поставленного специально для него посреди вольеры. У его ног сидели и лежали его жены и дети, а также молодые павианы.

— Пришли, явились — не запылились, — сказал павиан. — Вот и хорошо. А то я уже сердиться начал.

— А мы так, гуляли, — сообщила Катенька. — Видим, кто-то сидит. Я думаю, пойдем посмотрим, кто сидит, почему не спит.

— Молодцы, дети, — сказал павиан. — Любопытные, быстрые. Увидели и пошли. А кто вас из клетки выпустил?

— А мы не в клетке, — сказала Катенька. — Мы же люди, мы у директора в кабинете на диванах спим. Правда, Маратик?

— Правда, сестричка, — ответил мальчик.

— Вот и молодцы, — сказал павиан и даже улыбнулся, так ему понравились эти глупые дети. Типичные двоечники и бандиты. Думают, что всех умнее. Пу-

Старый павиан Велосипед сидел на развилке сухого дерева, поставленного специально для него посреди вольеры.

скай думают.— Раз уж пришли,— продолжал павиан,— давайте поговорим. Может быть, вам в этом зоопарке скучно без папы, мамы и школьных друзей?

— Нет, не жалуемся,— сказала Катюша.

— А вы лучше подумайте. Хотите, я вам машину подарю? «Жигули»?

— Даже глупо слышать,— ответила Катенька.— Ты, наверное, и не знаешь, обезьяна зеленая, что мы в Лондоне жили, на «роллс-ройсе» катались, на королевский стол ноги клали.

— Вот молодцы, вот умницы. И чего же вы там не остались? Неужели в клетке лучше?

— Скучно там,— сказал Маратик.

— Тогда могу предложить вам дело,— сказал павиан Велосипед.

— Какое?

— Надо ограбить киоск со вкусными вещами. Надоело нам сидеть на зоопарковских харчах.

— Пустяки какие! — отмахнулась Катенька.— Не хотим пачкаться. Вот если что-нибудь взорвать, потопить или сжечь — тогда зови.

— Позову-позову,— сказал старый павиан.— Только нужно вас сначала проверить.

— Нас не нужно проверять! — закричал Маратик.— Мы сами кого хочешь проверим, старая крыса!

Павиану это не понравилось. Он прикрыл правый глаз, и в тот же момент откуда-то сбоку к Маратику приблизился удав Гравокат, обвинил его своими кольцами и чуть-чуть сдавил.

— Ой, отпусти! — закричал Маратик, который привык, чтобы его все боялись.— А то я тебе хвост отвинчу.

А удав сжал Маратика чуть сильнее.

— Катенька! Сестричка! — завопил испуганный Маратик. — Спаси меня!

Катенька, конечно, ответила, как всегда:

— Сам спасайся, охота была из-за тебя стараться.

Это не значит, что она совсем не любила своего братика, но ей лень было из-за него силы тратить.

А удав еще сильнее придавил.

Тут Маратик взмолился:

— Дядя обезьян! Я больше не буду.

— Ладно, — сказал павиан, — на первый раз достаточно. Теперь слушайте, что я вам скажу. Пойдете ко входу. Там стоит киоск. В нем продают жевательную резинку, конфеты и пепси-колу. Откроете замок, все возьмете и принесете мне. Сейчас.

— А кто все на себе потащит? — спросила Катенька.

— Вы и потащите. Это же не кража и не бандитизм, а только первое испытание.

— А какое будет второе испытание? — спросила Катенька.

— Вот выдержите первое, тогда скажу.

Павиан протянул Катеньке большой ключ от киоска.

Катенька сказала братику:

— А ну пошли, крошка. Покажем им, как умеем работать.

Павиан, семья павиана и верблюд с удавом спокойно смотрели им вслед. Потом павиан прошел внутрь клетки, где стоял телефон, набрал номер и сказал в трубку:

— Операция началась.

А из трубки послышался голос директора Эдуарда:

— Спасибо. Мы наблюдаем. Продолжайте операцию.

Катенька и Маратик подошли к киоску, который стоял у входа в зоопарк.

Дул ветер, деревья качали ветками и шелестели листьями. Наступала осень, а осень в зоопарке — очень печальное время года, потому что над головой пролетают стаи птиц, которые направляются к югу, а обитатели зоопарка смотрят в небо и переживают,

потому что им нельзя улететь к югу. Решетки не пускают. Или крылья подрезаны.

Катенька встала на цыпочки и вставила ключ в замочную скважину.

Она стала его поворачивать, а ключ никак не поворачивался. Тогда Маратик отыскал на асфальте гвоздь, и Катя вставила его в кольцо ключа. Они вдвоем начали нажимать на гвоздь — гвоздь был длинный и толстый. А дети — сильные.

Еще раз! Еще раз! Еще раз!.. Трах!

Ключ сломался, и взломщики упали на асфальт.

Маратик ушибся и стал плакать. А тут еще проехала милицеская патрульная машина. Катенька прижала головку братика к асфальту, чтобы он замолчал.

Потом они встали и вернулись к киоску. Дети были очень сердиты на киоск, который не желает открываться, и на ключ, который сломался. Они так рассердились, что собрали на берегу пруда камни, палки и другие твердые вещи и стали кидать в киоск. Полетели стекла, раздался звон, который донесся до клетки с павианом. Павиан улыбался и чесал себе зеленое волосатое пузо.

Потом Катенька подсадила братика, он залез в киоск и стал передавать сестренке оттуда вкусные вещи. Они вытащили из киоска десять пачек шоколада, десять коробок с конфетами, десять

бутылок пепси-колы, десять коробок с печеньем и не счесть сколько жвачек.

— Как же мы все это дяде павиану отнесем? — спросил Маратик.— У нас ведь мешка нет.

— А ты думал, что я собиралась ему все нести? — засмеялась Катя.— Еще чего не хватало! Мы с тобой жизнью рисковали, мы с тобой киоск штурмом взяли, как наш дедушка Зимний дворец! А теперь что — ему все тащить?

Маратик даже прыгнул от радости. Ему не хотелось отдавать павиану такие сокровища.

— Мы самые сильные! — кричал он.— Мы самые смелые! От нас все убегут!

Катенька тоже стала прыгать и кричать гордые слова.

Далеко-далеко, в другом конце зоопарка, было слышно каждое слово. И павиан стал смеяться, и многие животные, которые собрались вокруг, тоже смеялись. Но негромко. А директор в своем кабинете не смеялся. Ему было грустно.

— А теперь давай все сожрем! — приказала Катенька.

— Никому ничего не оставим! — воскликнул Маратик.

Маратик открыл коробку конфет, высыпал их на асфальт, стал подбирать их с асфальта и совать в рот.

А Катенька принялась кидать в рот пачки жевательной резинки — пачки кидала, а обертки выплевывала.

И тут Маратик громко заплакал:

— Это не настоящие конфеты! Это горькие конфеты! Сама кушай!

А Катенька вслед на обертками принялась выплевывать жвачки и очень сердилась:

— Разве это жвачки, это какие-то соленые вонючки!

Она схватила бутылку пепси-колы, ударила ее горлышком о киоск и выплеснула себе в глотку напиток, чтобы унять соленую горечь.

Но пепси-кола была сама горькая, отвратительная и гадкая.

Катерина стала отплевываться, а Маратик хотел было заесть конфеты плиткой шоколада. Но шоколад оказался еще горче, чем конфеты. Так что Маратик со слезами побежал к пруду, залез в воду и стал хлебать из него, как собачонка.

Скоро и Катенька прибежала к пруду и тоже стала из него пить.

Потом она поднялась на дорожку и сказала братику:

— Я знаю, это все павиан нарочно подстроил, чтобы доказать, что мы с тобой не самые смелые и не самые сильные. Давай с тобой возьмем крепкие палки и всех павианов изобьем.

Они нашли на берегу пруда палки и побежали к клетке, где их ждал павиан Велосипед, который уже знал, что Катенька и Маратик пострадали от собственной жадности.

Катенька и Маратик прибежали к клетке павиана. И увидели, что Велосипед спит.

И все его родственники спят.

— А ну просыпайтесь! — закричала Катенька страшным голосом. — А то мы вам всю клетку разнесем.

Павиан открыл один глаз, почесал свой толстый зеленый живот и спросил:

— Чего там за шум? Принесли конфеты и пепси-колу?

— Он еще издевается! — рассердилась Катенька и стала молотить палкой по решетке. — Сам подсунул нам горькие сладости, а теперь спрашивает!

Маратик тоже молотил палкой по решетке.

— Ах, какие глупые хулиганы и во-ришки,— сказал павиан и повернул-ся на бок.

А кто-то большой и мохнатый ткнулся холодным мокрым носом в щеку Катеньке и сказал:

— Не шуми, спать мешаешь.

Катенька обернулась и увидела, что рядом с ней стоит большой серый волк.

— Сейчас я тебя! — закричала Катя, замахнулась и хотела ударить волка палкой.

Но волк поднял морду и легко пал-ку перекусил.

А Маратик сам палку выкинул, так испугался.

— Мы с Маратиком самые страшные хулиганы на всем све-те,— сказала Катенька. Но голос ее немного дрожал.

— А я сейчас тебя съем. И твоего Маратика тоже. Хо-чешь? — спросил серый волк.

— Дяденька волк, дяденька волк,— перепугалась Катень-ка.— Вы моего братика кушайте, он очень вкусный, а меня не надо.

Тут павиан Велосипед снова открыл глаз и сказал сонным го-лосом:

— Не надо ее кушать, серый волк. Она заразная.

— Я не заразная! — обиделась Катенька.

— Нет, заразная. От нее можешь свинством заразиться. Свин-ством и хамством. Сразу двумя болезнями.

— Тогда я ее есть не буду,— согласился волк.

— То-то,— сказала Катенька.— Я и говорю, что мы с Маратиком самые сильные.

— А что бы нам сделать с самыми сильными? — спросил волк.

— А самых сильных за то, что они меня обманули и хотели съесть все награбленное, придется поколотить.

— Но ведь там все было горькое! — крикнул Маратик.

— А это меня не касается,— сказал павиан и окончательно за-
снул.

Волк громко свистнул, и тут же из-за клеток выбежали разные звери, которые не могли дожидаться, когда им разрешат поколотить этих наглых, крикливых и плохо воспитанных детей.

Лиса, енот, три сороки, бегемотик, осел Кузя, макака — все они колотили, щипали, кусали и топтали детей, пока те совсем не расплакались и не закричали, что больше никогда не будут себя плохо вести.

— Ладно,— сказал павиан.— Если они не врут, придется дать им второе задание-испытание.

— Дайте, дайте! — умоляла Катенька.

— Слушай,— сказал павиан.— Мне очень нужны наличные деньги. Хочу купить машину и съездить к себе в Африку. У меня там сестры и братья остались. Ждут, едят, по телефону звонят. А вот деньги в банке лежат. А мне их из банка не взять — меня никто за человека не примет.

— А нас примут? — спросила Катенька.

— А вы придете, скажете сторожу, что маму ищете. Вот вам пистолет, вы его застрелите и деньги возьмете.

— А мы что с этого иметь будем? — спросил Маратик.

— А мы вас за это бить не будем,— рассмеялся серый волк.

— Мы вас за киоск простим да еще дадим денег на мороженое.

— Пошли! — сказал Маратик.— Скорее пошли банк грабить!
Дети побежали на улицу, на другой стороне ее был сберегатель-
ный банк.

Перед банком ходил сторож в пальто и теплой шапке.

Дети подбежали к нему, и Катенька сказала:

— Дядя банковский сторож, вы не видели нашу маму Прасковью Яковлевну?

Сторож удивился такому вопросу, почесал бороду и сказал:

— Нет, я ни одной мамы здесь не видел.

Волк громко свистнул, и тут же из-за клеток выбежали разные звери, которые не могли дождаться, когда им разрешат поколотить этих наглых, крикливых и плохо воспитанных детей.

— А она внутрь банка не заходила? — хитрым голосом спросила Катенька.

— Нет, не заходила, — ответил сторож.

— А вы посмотрите, посмотрите, — приказал Маратик. — Разве не видите, что ребенок замерзает без мамочки?

— Ну, если замерзает, — сжалился сторож, — давайте посмотрим. А то вдруг она нечаянно туда еще днем зашла.

Сторож открыл дверь в банк и сказал:

— Сейчас я погляжу, а вы здесь по стойте.

Тогда Катенька крикнула:

— Дядя сторож, посмотри, какая птичка летит!

А когда сторож стал смотреть в небо, она выстрелила в него из пистолета. Три раза. Или четыре.

Сторож упал на землю, застонал и застыл.

— Как здорово я его подстрелила! — обрадовалась Катенька и первой побежала в банк.

А Маратику стало немного страшно. И чуть-чуть жалко сторожа. Он взял его шапку, которая упала с головы, и подsunул ее убитому сторожу под затылок. Когда он так делал, то задел бороду сторожа, и оказалось, что она не настоящая, а сделана из мочалки и привязана на веревочке. А под бородой было молодое лицо. Но Маратик не догадался, зачем убитый сторож притворялся стареньким. Он хотел спросить об этом у старшей сестренки, а та как раз его позвала:

— Маратик, Маратик, гляди, сколько здесь денег!

Маратик побежал в сберегательный банк и увидел, что посреди банка лежит мешок, полный денег. Катенька вынимала из него деньги и снова сыпала в мешок.

— Пошли скорей, отнесем деньги! — обрадовался Маратик. — А нам за это мороженого дадут.

— Глупый, — ответила Катенька. — Зачем нам у них на мороженое деньги брать, если мы на этот мешок денег целую машину мороженого наменяем?

Маратик подумал и сказал:

— Может, не надо, сестренка? Нас уже с тобой побили и еще раз побьют. Давай сделаем, как обещали.

— Еще чего не хватало! — рассердилась Катенька. — Мы с тобой самые сильные в мире! Да мы с тобой всех павианов ногами затопчем!

Маратик все равно боялся, но спорить с сестрой боялся больше и помог ей тащить наружу мешок с деньгами.

Когда они вышли на улицу, убитого сторожа у банка уже не было.

— А где же сторож? — спросил Маратик. — Может, он не убили, а за милицией побежал?

— Его «скорая помощь» увезла, — сказала Катенька. — Неужели ты ее сирены не слышал?

Маратик никакой сирены не слышал, но промолчал.

Они потащили мешок подальше от банка. Занесли за угол дома, в кусты. Там было темно и страшно.

— Теперь будем ждать, — сказала Катенька, — пока мороженое откроется.

— Я спать хочу, — ответил Маратик. — Я уже мороженого не хочу.

Катенька рассердилась и начала братика колотить, потому что он был слабее ее. Маратик отбивался и кусался и еще плакал, но тихо.

Вдруг они услышали, как что-то зашуршало. И стало светло.

Они обернулись и увидели, как мешок с деньгами сам по себе загорелся.

Катенька кинулась к мешку, чтобы вытащить из него побольше денег, но не успела. И все деньги сгорели.

Тогда и Катенька стала плакать.

Она села на землю, плакала и приговаривала:

— Ой, мамочка, ой, что же теперь делать? Они же меня до смерти побьют за то, что я деньги не принесла.

— Но ведь ты самая сильная, самая смелая! — раздался голос.

Катенька подняла голову и увидела, что на ветке сидит синий попугай, который вообще-то живет в зоопарке.

— Я лучше не буду самой сильной и самой смелой!

— Ты честно это говоришь? — спросил попугай.

— Честно, честно! — закричал Маратик.

Но Катенька промолчала, она уже думала о другом.

— Попугай,— сказала она.— Я тебе завтра рубль дам, если ты сегодня павиану скажешь, что видел, как я мешок с деньгами ему несла, а мешок сам загорелся.

— Но это же неправда! — возразил попугай.— Ты не хотела мешок нести.

— А я тебе рубль дам,— ответила Катенька.

— Нет, ты пока еще не очень честная,— сказал попугай и улетел.

Катенька хотела было остаться и не ходить больше в зоопарк, но Маратик не согласился — он очень замерз и хотел спать. Он пошел к зоопарк сам, а Катенька подумала: я скажу павиану, что мы в банке не были, заблудились и вернулись.

Но ничего из этого не вышло.

Как только они ступили в зоопарк, то увидели, как под светом фонаря стоят в ряд их враги — серый волк, лиса, енот, удав, дикая собака динго и кто-то еще.

Серый волк спросил:

— Где деньги?

— Мы их не видели! — ответила, вся дрожа, Катенька.

А попугай сверху закричал:

— Врет она, врет! Они сторожа убили, деньги украли, а потом деньги сгорели.

Тут звери налетели на детей и сильно их поколотили. Катенька и Маратик еле вырвались и, чуть живые, хромая и стеновая, добрались до клетки с павианом.

— Я все знаю,— сказал павиан Велосипед.— И не надо мне врать. И жалеть я вас не буду. Вы известные преступники.

— Я к маме хочу,— заплакал Маратик.

— Ах ты, предатель нашего хулиганского дела! — разозлилась Катенька, накинулась на брата и надавала ему тумаков.

— Все меня бьют,— заплакал маленький Маратик.— Никому меня не жалко.

— А тебе кого-нибудь было жалко? — спросил павиан.— Ты пожалел своих папу и маму, когда издевался над ними? Ты пожалел английскую башню Тауэр или лорда Маунтбэттена? Ты пожалел старшего лейтенанта тетю Дусю из детской комнаты?

— Я тогда был маленький и глупый,— сказал Маратик.

Тут Катенька решила оторвать ему ручки и ножки, чтобы наказать, но Маратик убежал к павиану в клетку и спрятался.

Катенька рвалась в клетку за ним, но павиан вытянул вперед лапу, Катенька налетела на эту лапу, как на баррикаду. И не смогла побить Маратика.

— Что же ты? — спросил павиан.— Где же твоя сила и смелость?

— Вот сейчас я тебе покажу! — сказала Катенька и вытащила из кармана пистолет, из которого она убивала сторожа. Катя начала из него стрелять в павиана и своего братика. Пистолет стрелял, но вылетали из него не пули, а пакетики с клюквенным соком. Они разбивались о брюхо павиана, и казалось, что он весь в крови.

Маратик догадался, что пистолет ненастоящий, и стал смеяться.

А Катенька отбросила пистолет и убежала.

Тут из-за спины павиана Велосипеда вышел банковский сторож. Только молодой, без бороды. Маратик его сразу узнал.

— Я могу подтвердить,— сказал он павиану,— что Маратик меня пожалел и даже шапку под голову подложил, чтобы мне, убитому, не так жестко лежать было.

— Если так,— сказал тогда павиан,— то Маратик пускай отдыхает.

— Я спать хочу,— сказал Маратик.

Павиан передал его своей жене. Она взяла мальчика на лапы, прижала к теплой мохнатой груди, и Маратик заснул.

Катенька сначала бежала, но потом устала. Она хотела забраться в свою клетку, но клетка была заперта, а где ключ — неизвестно.

Ну и пусть, сказала Катенька и пошла к дому, где жил слон. Спрячусь у него, решила Катенька. Расскажу все слону, он мне поможет — мы вдвоем всех в зоопарке затопчем.

Пришла Катенька к слону, стала стучаться.

Слон спросил из-за двери:

— Кто меня будит?

— Это я, самая сильная в мире девочка,— сказала Катенька.— Пусты меня погреться, я тебе помогу потом всех людей за-топтать.

— И не думай,— ответил слон.— Я с такими злыми детьми дела не имею. Мне даже стыдно за тебя.

Катенька взяла камень и долго била в дверь слону, пока рука не устала. Но слон даже разговаривать с Катенькой не захотел.

Тут Катеньке стало очень себя жалко. Ей хотелось спать, пить и есть. Спать на улице холодно, есть нечего, а попить можно в пруду. Катя дошла до пруда, наклонилась к воде, но тут к берегу подплыл лебедь и сказал:

— Уходи от нашего пруда. Уходи от нашей воды.

- Вода общая,— сказала Катенька.
- Она общая для нормальных детей, а ты заразная.
- Я не заразная!
- Ты нашу воду свинством и хамством заразишь.

Катенька заревела и решила — пускай я тогда утоплюсь! Никому я не нужна, и мне пускай никто не будет нужен.

Она как следует прыгнула — плюхнулась в воду и стала пробираться туда, где глубоко, чтобы утонуть и погибнуть.

Но не тут-то было.

В пруду проснулись рыбы, собрались толпой и стали выталкивать Катеньку из воды. Вытолкнули ее наружу, а там уже ждали лебеди и гуси. Они схватили Катеньку клювами за одежду и вытащили на берег. Бросили на берегу и уплыли.

Даже утопиться невозможно!

А тут еще, как назло, какая-то маленькая птичка села на ветку дерева над Катенькиной головой и стала спрашивать тонким голоском:

— Где здесь самая сильная и самая нахальная Катя? Покажите мне эту красавицу.

Катя хотела чем-нибудь швырнуть в птичку, но рука ее не послушалась. Все равно, подумала она, я их всех накажу. Я сейчас заберусь на крышу самого высокого дома и кинусь с него вниз. Разобьюсь, и тогда они все будут плакать, но поздно. Меня уже не вернуть...

— А кто же будет плакать? — спросил Катин внутренний голос.— Кого ты не успела обидеть? Да все будут смеяться и веселиться!

Катенька посидела на берегу, дрожа от холода и голода. Она уже выплакала все свои слезы.

И поняла: единственное, что ей остается,— это вернуться к павиану, взять у него Маратика и отвезти его домой, к маме с папой.

И как только Катенька решила так, ей сразу стало теплее и лучше.

Она побежала, спотыкаясь от слабости, к клетке павиана.

— Маратик! — закричала она.

И тут поняла, что никакого Маратика в клетке нет.

Павианы, павианихи и павианчики просыпались под первыми лучами солнца, прыгали, возились, дрались, обнимались, ждали, когда их покормят завтраком. Даже не угадаешь, кто из них павиан Велосипед, а кто просто павиан.

— Маратик! — снова позвала Катя.

Но Маратика не было, а павианы не обращали внимания на Катю.

Катенька испугалась, что с Маратиком что-то случилось. Она уселась на землю возле клетки и стала дрожать.

Около нее остановился совсем молодой человек в длинном плаще, измазанном клюквенным соком. Из кармана плаща торчала борода, сделанная из мочалки.

— Что ты плачешь, девочка? — спросил он.

— Уйди ты! — огрызнулась Катенька.— У меня несчастье.

— Какое же у тебя, Катя, несчастье? — спросил молодой человек, который на самом деле был директором зоопарка Эдуардом Жито-Житинским.

— Маратик пропал!.. Они его, наверное, съели! — И она показала на клетку с павианами.

— А как же он попал в клетку? — удивился директор зоопарка.

— Его Велосипед взял. Он мне сказал, что Маратик у него спать будет. А теперь Маратика нет, понимаешь?

— Чего же ты дальше собираешься делать? — спросил молодой человек.

— Дальше я собираюсь сидеть тут, пока не умру,— сказала Катенька.

— Ты хочешь к маме вернуться? — спросил молодой человек.

— Кому же еще я нужна?

— Так ты же самая сильная и самая отважная! — сказал директор.

— Я заразная,— ответила Катенька.— Меня никто не любит и никто не боится. Даже утопиться не дают.

— Пожалуй,— сказал директор,— если ты хочешь к маме, то я могу тебе помочь.

— Ой! — обрадовалась Катенька и вскочила на ноги.— А где Маратик? Мне же нельзя к маме без Маратика.

— Я думаю, что смогу тебе и в этом помочь,— сказал молодой директор.— Только я спрошу совета, правильно ли я поступаю?

Директор зоопарка громко спросил, ни на кого не глядя:

— Как вы думаете, друзья, отвести мне Катю к маме? Или она еще не поняла, что не права?

— Отведи,— сказала птица, которая сидела на ветке.

— Можно, все в порядке! — крикнули павианы.

— Давай веди, если что, я прослежу,— сказал из соседней клетки серый волк, а жираф покачал головой и добавил:

— Все-таки она еще ребенок.

Только верблюд Али-хан фыркнул и ничего не сказал.

Директор протянул Катеньке руку:

— Пошли. Я покажу тебе что-то.

Они вошли в дом, на двери которого было написано «Дирекция зоопарка». Внутри дома он открыл дверь с табличкой:

*«Директор зоопарка
Эдуард Жито-Житинский»*

Там была небольшая комната, в которой стояли диван, два стула, письменный стол и кресло. На столе — термос с горячим чаем, чашки с горячим молоком и плюшки.

А на стуле сидела Катина мама Прасковья Яковлевна с Маратиком на коленях. Маратик держал в одной руке чашку с молоком, а в другой плюшку. Он первым увидел сестренку и сказал:

— Заходи, попей молочка, ты замерзла, наверное.

— Ах, мама, мама! — закричала Катенька. — Я никогда больше не буду хулиганить!

Она подбежала к маме, мама ее поцеловала, дала чашку горячего молока и плюшку. Катя села на свободный стул и стала пить и есть.

Мама сквозь слезы сказала молодому человеку:

— Я вам так благодарна, так благодарна, Эдуард Иванович! Вы вернули мне детей и этим возвратили счастье.

— Ах, что вы, — ответил директор зоопарка. — Не стоит благодарности. Мы старались всем нашим небольшим дружным коллективом.

Катенька хотела было сказать, что даже перестарались, но подумала, что сначала она поживет дома, кончит школу, выучится всему, чему надо, а потом уж в самом деле станет самой сильной, вернется в зоопарк и всем им покажет, где раки зимуют.

Она спросила директора:

— Скажите, пожалуйста, а где зимуют раки?

— Раки зимуют у нас в пруду, — ответил директор, который все понял. Он потом засмеялся и попросил Прасковью Яковлевну: — Налейте мне, пожалуйста, немного молока, а то я не успел позавтракать.

Потом мама повела детей домой, директор проводил их до выхода, звери кивали им из клеток или махали лапами, но не говорили, потому что при людях звери не разговаривают.

На следующую осень Катенька пошла в школу и научилась читать и писать, выучила английский язык и географию. Она спешила скорее вырасти и все выучить, чтобы вернуться в зоопарк и тогда уже поговорить с директором серьезно.

Прошло много лет, прежде чем так и случилось.

Катенька пришла в зоопарк, поговорила с директором, потом они пошли в кино, а потом они поженились. Катенька работает в зоопарке начальником обезьянника, а ее братик Маратик скоро кончит учиться, но работать в зоопарк идти не хочет. Он собирается в Африку ловить павианов.

СОДЕРЖАНИЕ

ДВА БИЛЕТА В ИНДИЮ

<i>Глава первая.</i> Тигры ходят по ночам.	7
<i>Глава вторая.</i> Роковая ошибка	14
<i>Глава третья.</i> Хищники среди нас!	20
<i>Глава четвертая.</i> Королевская охота.	26
<i>Глава пятая.</i> Вечернее бегство	32
<i>Глава шестая.</i> Вечерние события.	37
<i>Глава седьмая.</i> Путешествие в Москву	44
<i>Глава восьмая.</i> Бабушка, я не одна!	50
<i>Глава девятая.</i> Сегодня и ежедневно.	56
<i>Глава десятая.</i> Испытание	63
<i>Глава одиннадцатая.</i> Письма из Индии	70

РЕЧНОЙ ДОКТОР	75
-------------------------	----

КРОВАВАЯ ШАПОЧКА, ИЛИ СКАЗКА ПОСЛЕ СКАЗКИ

<i>Глава первая.</i> О том, как Красная Шапочка пошла к бабушке	136
<i>Глава вторая.</i> О том, как вместо бабушки Красная Шапочка увидела серого волка	146
<i>Глава третья.</i> О том, как Красная Шапочка спасала бабушку от серого волка	155

<i>Глава четвертая.</i> О том, как Красная Шапочка искала свою бабушку	166
<i>Глава пятая.</i> О том, как Красная Шапочка все-таки вернулась домой	173
<i>Глава шестая.</i> Как серый волк стал маленьким	179
<i>Глава седьмая.</i> О том, как все кончилось	186
ДЕТКИ В КЛЕТКЕ	195

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!
*Издательство просит отзывы об этой книге
и Ваши предложения по серии
«Большая иллюстрированная серия»
присылать по адресу: 125565, Москва, а/я 4,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»
или по e-mail: mvn@armada.ru
Информацию об издательстве и книгах
можно получить на нашем сайте в Интернете:
<http://www.armada.ru>*

Литературно-художественное издание
Для среднего школьного возраста

Большая иллюстрированная серия

Кир Булычев
КРОВАВАЯ ШАПОЧКА

Заведующий редакцией
В. Н. Маршавин

Ответственный редактор
Е. Г. Басова

Художественный редактор
Л. В. Меркулова

Технический редактор
А. А. Еришова

Корректор
Н. А. Карелина

Компьютерная верстка
Л. С. Федерякиной

Подписано в печать 29.03.16. Формат 70х100/16.
Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 19,35. Тираж 4000 экз.
Изд. № 7603. Заказ № 2619.

ООО «Издательство АЛЬФА-КНИГА»
125565, Москва, а/я 4; ул. Расковой, д. 20

6+

ЕАС

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

www.оаомрк.ру, www.оаомрк.рф тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

Книги Кира Булычева
с рисунками самого известного иллюстратора писателя
Евгения Мигунова в

БОЛЬШОЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ СЕРИИ

— в серии будут изданы все произведения Кира Булычева с иллюстрациями
Евгения Мигунова

— некоторые произведения будут изданы с не публиковавшимися ранее
иллюстрациями из архива Евгения Мигунова.

ЦИКЛ О ПРИКЛЮЧЕНИЯХ АЛИСЫ СЕЛЕЗНЕВОЙ

Вышли из печати

ДЕВОЧКА С ЗЕМЛИ

Девочка, с которой ничего не случится. Ржавый фельдмаршал.

Путешествие Алисы. День рождения Алисы

ЗАПОВЕДНИК СКАЗОК

Заповедник сказок. Козлик Иван Иванович.

Лиловый шар

СТО ЛЕТ ТОМУ ВПЕРЕД

Сто лет тому вперед. Пленники астероида

МИЛЛИОН ПРИКЛЮЧЕНИЙ

КОНЕЦ АТЛАНТИДЫ

Тай-до. Узники «Ямагури-мару». Конец Атлантиды

ПОДЗЕМНАЯ ЛОДКА

Город без памяти. Подземная лодка

ВОЙНА С ЛИЛИПУТАМИ

АЛИСА И КРЕСТОНОСЦЫ

Алиса и крестоносцы. Золотой медвежонок.

Дети динозавров. Гость в кувшине

СЫЩИК АЛИСА

Излучатель доброты. Сыщик Алиса.

Планета для тиранов

ОПАСНЫЕ СКАЗКИ

Опасные сказки. Привидений не бывает

ДРЕВНИЕ ТАЙНЫ

Древние тайны. Папка-троглодит

АЛИСА И ЧУДОВИЩЕ

Алиса и чудовище. Рассказы

Внецикловые произведения

КРОВАВАЯ ШАПОЧКА

Два билета в Индию. Речной доктор.

Кровавая Шапочка. Детки в клетке

ЗВЕЗДОЛЕТ В ЛЕСУ

Звездолет в лесу. Фотография пришельца.

Черный саквояж. Геркулес и Гидра. Инопланетяне

БОЛЬШАЯ
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
СЕРИЯ

КИР БУЛЫЧЕВ

Алиса и чудовище

В фантастической повести «Алиса и чудовище» главная героиня, Алиса Селезнева, отправляется на машине времени в эпоху легенд, которая существовала между третьим и четвертым ледниковым периодом. Здесь ее ждет встреча с волшебниками, гномами, драконами и лешими, которые оказались вполне реальными существами.

В книгу также вошли рассказы о том, как Алиса отправилась на машине времени искать клад на дне Сумлевского озера, затем совершила путешествие вокруг света за три часа, научилась синтезировать гормон роста растений, встретила на «тихой» планете со Страшным Чудовищем... и, наконец, встретила с пришельцами в Великом Гусляре.

В издании воспроизводятся 59 иллюстраций самого известного иллюстратора Кира Булычева — Евгения Мигунова.

БОЛЬШАЯ
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
СЕРИЯ

КИР БУЛЫЧЕВ

Древние тайны

В сборник Кира Булычева вошли две повести о приключениях Алисы Селезневой и ее друзей — «Древние тайны» и «Пашка-троглодит».

В первой повести рассказывается о том, как класс, в котором учится Алиса, начинает историческую практику и каждый ученик выбирает для себя тайну прошлого и пытается ее разгадать. Аркаша Сапожков отправляется в мезозойскую эру, чтобы выяснить, отчего вымерли динозавры. В далеком прошлом он становится свидетелем космического сражения и гибели звездолета. Тайна исчезновения динозавров оказывается связанной с этим событием.

Во второй повести лучший друг Алисы Пашка Гераскин выбирает для своих исторических исследований каменный век и под видом сироты селится в пещере троглодитов. Он старается научить своих соплеменников новым для них знаниям, сам становится великим охотником, ввязывается в древнюю войну и подводит свое племя. Перед ним труднейшая задача — спастись самому и разгадать тайну исчезновения неандертальцев.

В издании воспроизводятся 95 иллюстраций самого известного иллюстратора Кира Булычева — Евгения Мигунова.

БОЛЬШАЯ
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
СЕРИЯ

КИР БУЛЫЧЕВ

Война с лилипутами

Как хорошо стать маленьким-маленьким, чтобы удивительный мир растений и насекомых чудесным образом стал для тебя близким и понятным!

Но для отважной девочки Алисы и ее приятелей такое превращение — вовсе не чудо. Это просто обыкновенное школьное задание на каникулы. А вот чудеса начались позже, когда на Землю вторглись космические пришельцы-лилипуты и захватили Алису с друзьями в плен.

Ужасная угроза порабощения нависла над всеми землянами, и ради победы над злыми пришельцами наши герои готовы пойти даже на союз с бывшими недругами с планеты Крокрыс...

В издании воспроизводятся 40 иллюстраций самого известного иллюстратора Кира Булычева — Евгения Мигунова.

БОЛЬШАЯ
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
СЕРИЯ

АНДРЕЙ БЕЛЯНИН

Джек
Сумасшедший король

По дорогам сказочной страны на великолепном черном коне скачет бедно одетый юноша. Рядом бежит большой лохматый пес. Все трое переговариваются и прекрасно понимают друг друга, ведь это верные и неразлучные друзья! Конь — вовсе не конь, а старый рассеянный волшебник Лагун-Сумасброд. Пес — вовсе не пес, а ученик чародея, неунывающий Сэм Вилкинс. А юноша... Да это же самый настоящий принц, тот, кого прозвали Сумасшедшим королем!

Страшна и опасна их дорога в замок Бесклахом: в самых неожиданных местах их подстерегают вервульфы и волкодлаки, оборотни и упыри. Но почему они продолжают так упорно стремиться вперед? Какая цель ведет друзей через все трудности пути?

Об этом вы узнаете, прочитав сказочную трилогию А. Беянина.

БОЛЬШАЯ
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
СЕРИЯ

ГАНС ХРИСТИАН
АНДЕРСЕН

Сказки и истории

В книгу вошли самые популярные сказки великого датского сказочника Ганса Христиана Андерсена (1805—1875).

В издании воспроизводится 230 иллюстраций знаменитого датского художника и одного из лучших иллюстраторов Андерсена — Ганса Христиана Тегнера.

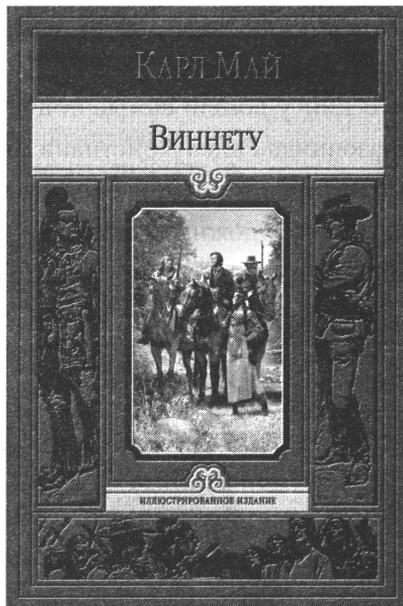
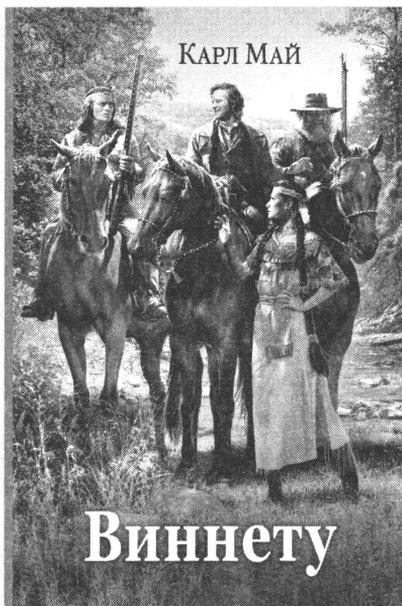
Издательство АЛЬФА-КНИГА представляет
лучшие произведения классиков, огромный объем иллюстраций,
высокое полиграфическое качество, приемлемая цена книги
в серии

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ

ВПЕРВЫЕ В РОССИИ ПОЛНЫЙ КОМПЛЕКТ **45 рисунков**

художника Йозефа Ульриха

в книге

Знаменитый немецкий писатель Карл Май (1842—1912) — один из самых популярных авторов, писавших в приключенческом жанре. Наибольший успех ему принесли произведения о североамериканских индейцах, сквозными героями которых являются благороднейший из всех краснокожих индейских воинов Виннету и его белый брат — отважный охотник и следопыт Олд Шеттерхэнд (Разящая Рука), немец по происхождению.

В романе «Виннету» читателя ждут опасные приключения, жестокие схватки, бешеные скачки, погони, встречи с апачами и каманчами и, конечно, с главными героями — Виннету и Олд Шеттерхэндом.

Самый знаменитый вестерн Карла Мая

Электронный вариант книги:

Скан, обработка, формат: manjak1961

Книгу предоставил: **Avengo**

БОЛЬШАЯ
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
СЕРИЯ

КИР БУЛЫЧЕВ

Кровавая Шапочка

ДВА БИЛЕТА В ИНДИЮ
РЕЧНОЙ ДОКТОР
КРОВАВАЯ ШАПОЧКА, ИЛИ СКАЗКА ПОСЛЕ СКАЗКИ
ДЕТКИ В КЛЕТКЕ

ISBN 978-5-9922-2220-3

80 ИЛЛЮСТРАЦИЙ

ЕВГЕНИЯ МИГУНОВА

Кровавая Шапочка

КИР БУЛЫЧЕВ